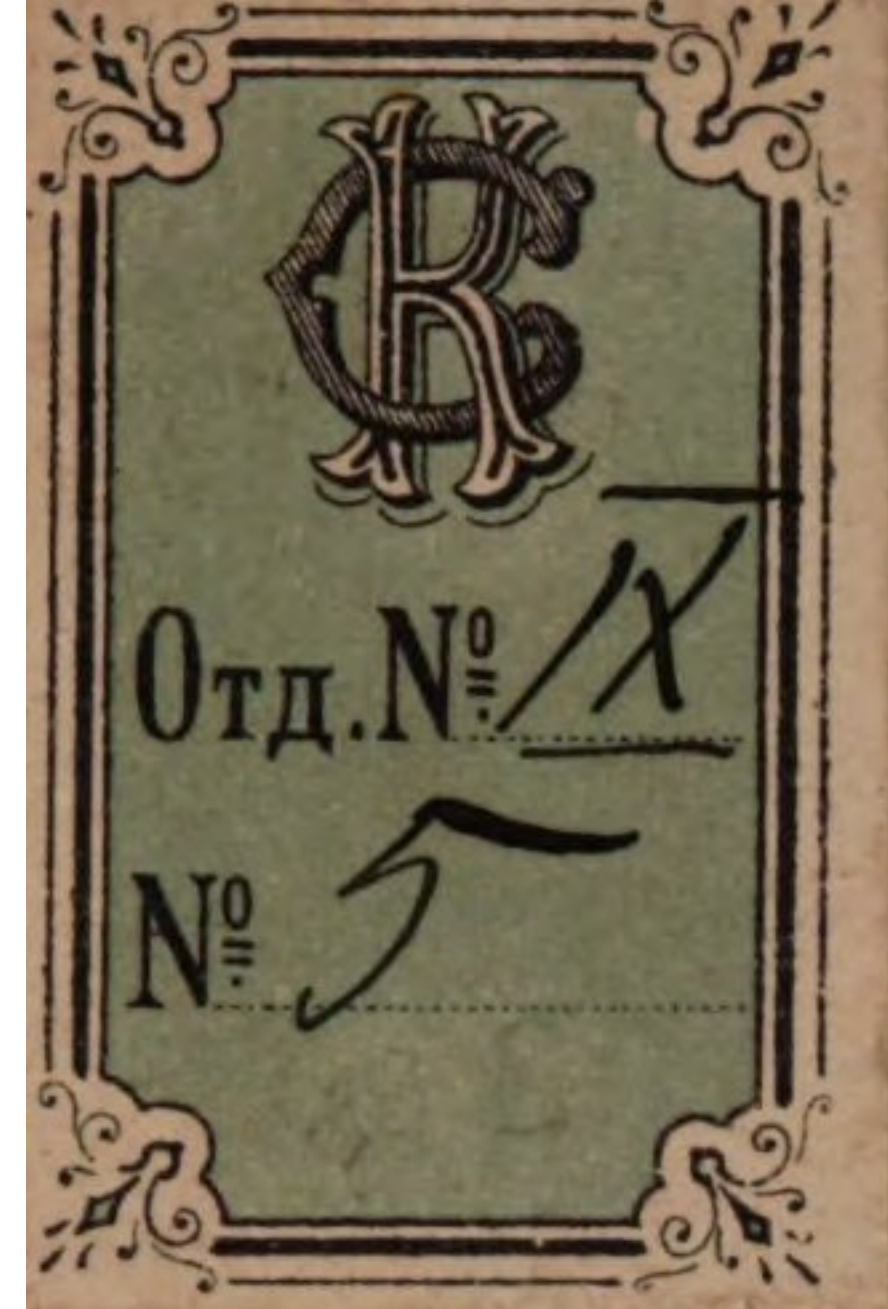

P. o. miss. 144 ²/₁

<36632026770015

S

<36632026770015

Bayer. Staatsbibliothek

БИБЛІОТЕКА
ПОВѢСТЕЙ И АНЕКДОТОВЪ.

29 В

Ф 188 / 50 216

NK 11-5

K $\frac{4}{67}$ 1-5

659
БИБЛІОТЕКА

ПОВѢСТЕЙ И АНЕКДОТОВЪ,

ИЗДАННАЯ

4967
М. Каченовскимъ.

Ч А С Т Ъ I.
7093

Издѣвленіемъ Издаше

Д. В. КОКОРЕВА

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1816.

Р. о. т. 174 ²/₁

Печаташь дозволяется съ тѣмъ, что-
бы по оппечаташи, до выпуска въ про-
дажу, представлены были въ Ценсур-
ный Комитетъ одинъ экземпляръ сей
книги для Ценсурнаго Комитета, другой
для Департамента Министерства про-
свѣщенія, два экземпляра для Импера-
торской публичной Библіотеки и одинъ
для Императорской Академіи Наукъ.
Москва, Іюля 28 дня 1816 года. П. О.
Профессоръ и Кавалеръ Иванъ
Денигубскій.

B

ПРЕДИСЛОВІЕ.

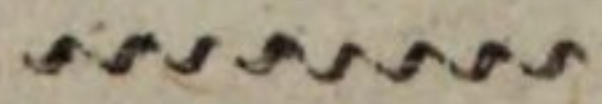
Нѣкоторыя пріятели мои *желали* (причина нѣсколько сомнительная, но здѣсь она справедлива!), чшобы я издалъ переведенныя мною повѣспи, разбросанныя въ книжкахъ Вѣспника Европы, частію забытыхъ, частію погибшихъ, а для многихъ чипателей *нового поколѣнія* и совсѣмъ еще неизвѣстныхъ.

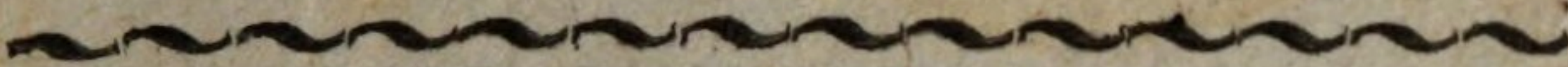
Мармонтель, Енгель, Жанлисъ, Монтолве, Лафонтенъ, Коцебу, Сарразень, подумалъ я, могушъ составить хорошее общество для чипателей, ищущихъ невинной забавы, — и рѣшился напечатать, по примѣру иностранныхъ въ етомъ родѣ

изданій, Библіотеку поестей и анекдотовъ на первой случай въ пяти Частяхъ, къ которымъ со временемъ, если дозволятъ обстоятельства, прибавятся еще сколько, болѣе, или менѣе.

Я старался очищать слогъ перевода по возможности; но гораздо важнѣе то, что для составленія Библіотеки выбиралъ я большею частію такія сочиненія, которыя, занимая читателя новостію разсужденій, приятными картинами воображенія, необычайнымъ сближеніемъ рѣдкихъ обстоятельствъ, занимательностію происшествій, и зящесствомъ мыслей и слога, ведутъ его къ нравоучительной цѣли.

К.

С О Д Е Р Ж А Н І Е.

	Стран.
Прогулка. - - - - -	1
Счастливое лицемѣрство. -	131
Розовой кустъ, баранъ и перешень. -	182
Семейственный праздникъ. -	209
Елисавета Г ^а . - - - - -	241

ПОВѢСТИ и АНЕКДОТЫ.

ПРОГУЛКА.

ПОВѢСТЬ.

Часть первая.

Госпожа Жоффрень была женщина очень умная; имѣла немного понятій, и притомъ не обширныхъ; но сіи понятія были тщательно подобраны и расположены наилучшимъ образомъ; въ головѣ ея, также какъ и въ домѣ, господствовало совершенной порядокъ. Все у нее было на своемъ мѣстѣ и, такъ сказать, подъ рукою; во всемъ довольство безъ роскоши; не было ничего лишняго, но также не было ни въ чемъ и недосипашка. Всѣмъ извѣстны добродѣтели ея сердца, ея благодѣтельность; но благодѣтельность ея была управляема строгимъ осмотри-

тельностью. Она почитала только тѣхъ людей, которые заслуживали почтение; никогда не переступала за черту благоразумія, никогда не измѣняла своему характеру. Теперь судите о привязанности ея къ истинной, здоровой философіи, и объ отвращеніи отъ мнимой.

Въ одинъ день она пригласила меня обѣдать въ деревню. Въ коляскѣ сидѣлъ съ нами г. Меранъ, который умомъ своимъ и качествами очень много походилъ на любезную хозяйку; четвертой съ нами былъ молодой путешественникъ, Баронъ Флоценъ, привезшій къ г-жѣ Жоффренъ одобрительныя о себѣ письма. Разговоръ начался; хозяйка спросила путешественника, посѣщаетъ ли онъ общества, свелъ ли знакомства? „Я рѣдко, сударыня!“ отвѣчалъ Флоценъ: „бываю въ обществахъ, о которыхъ вы говорите извоите. Съ перваго разу меня принимали учтиво, но холодно; спрашивали о нѣкоторыхъ ничего незначащихъ вещахъ, и шакъ мало показывали вниманія

ко мнѣ, что я призналъ за нужное оставить ихъ въ покоѣ, и рѣшился посѣщать философовъ.“ — Ничего нѣтъ при-
ятивѣ — сказала г-жа Жоффренъ: — какъ находишься въ обществѣ истинныхъ философовъ! Въ Шатиліонѣ, куда мы теперь ѣдемъ, часто собираются ещѣ почтенные люди. Скажу вамъ одна-
кожъ въ предосторожность, что въ Парижѣ многіе обманщики и плушты величаются шипломъ философовъ. — „Я нашелъ тамъ одного истиннаго“ оп-
вѣчалъ молодой человекъ: „нашелъ та-кого, какихъ вы уважаете, и думаю, что не ошибаюсь: это знаменитый Кле-
аншъ.“ — Я не знаю его — сказала г-жа Жоффренъ. „И я также;“ прибавилъ Меранъ: „Клеаншомъ назывался одинъ Греческій философъ, жившій передъ симъ за двѣ тысячи лѣтъ; можетъ быть нашъ происходитъ отъ него по прямой линіи.“

Путешественника спросили, гдѣ онъ видалъ своего философа. „Въ ко-

фрейномъ домѣ“ отвѣчалъ Баронъ : „гдѣ всѣ оказываютъ ему ошличное уваженіе, и гдѣ онъ при мнѣ разсуждалъ весьма жарко. Я спросилъ его, въ какомъ мѣстѣ онъ преподаеши свое ученіе? Тамъ, гдѣ и Сократъ, отвѣчалъ онъ, по ести — вездѣ; любимые ученики мои пользуются особливymi уроками. Потомъ онъ дозволилъ мнѣ придти къ себѣ; удостоилъ и меня своимъ посѣщеніемъ; полюбилъ меня; и съ тѣхъ поръ часто проводилъ время со мною. Мы обѣдаемъ съ глазу на глазъ; другъ мой охошникъ до хорошаго вина; мы пьемъ вмѣстѣ; возбуждая духъ свой и мысли, со спашканомъ въ рукѣ онъ открываеши мнѣ новыя тайны нравспвенности, тайны неизвѣспныя обыкновеннымъ людямъ. Клеантъ далъ мнѣ слово, что черезъ три мѣсяца въ головѣ моей не останешся ни одного предразсудка, и что я узнаю такія истины, такія начала. . . . “ —

Осперегитесь — сказалъ Меранъ: — онъ общаеши вамъ страшную сумашоу;

обмѣнъ, вамъ предлагаемой, можетъ
 быть для васъ весьма убыточенъ. —
 „Убыточной обмѣнъ?“ возразилъ Баронъ:
 „убыточно опдашь предразсудки и заблу-
 жденія за ясныя правила, за неоспори-
 мыя истины?“ — Во первыхъ надобно
 знать — отвѣчалъ Меранъ: — что не всѣ
 предразсудки суть заблужденія; во вто-
 рыхъ, не всѣ заблужденія . . . Но ещо
 можетъ завести очень далеко; а законъ
 вѣжливости запрещаетъ наводить скуку
 женщинамъ. — „Не безпокойтесь обо мнѣ“
 сказала г-жа Жоффренъ: „я охотно слу-
 шаю умные разговоры.“ — Извольте —
 продолжалъ Меранъ. — Тотъ ошибается,
 кто хочетъ, безъ всякой разборчиво-
 сти, безъ исключенія лишить всѣ пред-
 разсудки той довѣренности, которую
 имѣють къ нимъ съ давнихъ временъ;
 они суть монеты, на которыхъ напе-
 чатлѣно священное достоинство на-
 шихъ предковъ. Не лзя вообще ска-
 зать, чтобы сіи монеты были низкой
 пробы — не во глѣвъ господамъ новымъ

знашкамъ, которые берутся перели-
вать ихъ. — „Развѣ не дозволяется“
спросилъ молодой человѣкъ: „положишь
ихъ на вѣски, или бросишь въ плавильной
горшокъ, чшобъ узнать, чего онѣ спѣ-
яшъ?“ — Можно — отвѣчалъ Меранъ: —
ежели вѣски вѣрны и горшокъ чистъ; но
я никакъ не могу положиться на господъ
алхимисшовъ.

„Пожалуйте изъясните намъ, лю-
безной другъ“ спросила г-жа Жоф-
френь: — „что такое разумѣете вы подъ
словомъ *предразсудокъ*?“ — Предразсуд-
комъ называю мнѣніе, которое прини-
маешь человѣкъ, не изслѣдовавъ его своимъ
разумомъ; принимаетъ, полагаясь на до-
брую совѣсть того, кто преподаешь
ему оное. Я говорю здѣсь не о молвѣ,
не о слухахъ, мгновенно исчезающихъ,
но о мнѣніяхъ давно принятыхъ и со-
хранившихся изъ рода въ родъ по пре-
данію; онѣ суть плодъ мудрости вре-
менъ прошедшихъ и наслѣдство, ею
намъ оставленное; онѣ суть не что иное,

какъ выкладки, сдѣланныя для удобности людей, копорые или не умѣютъ считатьъ, или не имѣютъ на то досужнаго времени. — „Понимаю“ сказалъ Флоценъ: „но кто сдѣлалъ сіи выкладки?“ — Кто сдѣлалъ? — отвѣчалъ мудрецъ: — время, копорое лучше насъ вычислятъ умѣетъ. — „Если выкладка вѣрна“ возразилъ Флоценъ: „то повѣрка не уменьшишь ея достоинства.“ — Такъ; — отвѣчалъ Меранъ: — ежели изслѣдователъ имѣетъ потребныя способности, ежели онъ принимается за дѣло съ добрымъ намѣреніемъ, ежели онъ одаренъ здравымъ разумомъ, ежели чуждъ всѣхъ заблужденій и пороковъ, ежели столько просвѣщенъ, столько надѣется на самого себя, что можетъ отважиться судить о разумѣ многихъ народовъ, объ опытахъ вѣковъ. Но предположимъ, что вмѣсто епѣго рѣдкаго человѣка всякой спанетъ входитъ въ изслѣдованія; какихъ увидимъ судей, какихъ испытателей общественнаго ума, законовъ, ученія вѣры, а осо-

бливо нравственности, которой почти
 всѣ правила основаны на внутреннемъ
 чувствѣ, на тайныхъ условіяхъ цѣлаго
 общества? и легко ли, безопасно ли раз-
 бираешь сіи условія? — „Безъ сомнѣ-
 нія“ сказалъ путешественникъ: „пол-
 на народная не должна входить ни въ
 какія изслѣдованія.“ — Почему не долж-
 на? — отвѣчалъ Меранъ: — развѣ свобода
 разсуждать есть исключительное право?
 развѣ здравое сужденіе есть то же, что
 Астрономія, или часовыхъ дѣлъ масте-
 рство которыя пребываютъ предварительна-
 го ученія? развѣ запрещено каждому почи-
 тать себя умнымъ, какъ и другіе? Еже-
 ли ваши мудрецы учатъ, что не изслѣ-
 довавъ, не должно ни чему вѣрить; по
 какой причинѣ хотишь вы, чтобы
 народъ не смѣлъ разсуждать, и во всемъ
 полагался бы на сужденія другаго? —
 „Очень справедливо“ сказалъ Флоценъ:
 „всякой человѣкъ имѣетъ право усум-
 ниться, прежде нежели повѣритъ;
 имѣетъ право разсуждать, прежде не-

жели начнешь дѣйствовать.“ — Сколько — оповѣчалъ Меранъ: — сколько мап-рось имѣешь права разсуждать объ искусствѣ кормщика и оборонцахъ, копорые вѣрно ему дѣлашь. Общество есть корабль, на которомъ мы находимся; у каждаго своя должностъ: одни работающъ у руля, другіе у парусовъ; всѣ служатъ для общей пользы. Теперь сморрише, какое произошло бы смятеніе, какое бездѣйствіе, когда бы всѣ взялись за кормило и когда бы каждой спалъ повѣрять теорію движенія, вмѣсто того чѣмъ бы содѣйствовать оному! — „Еще уже было бы излишество, злоупотребленіе свободы;“ сказалъ Флоренъ: „но еслибъ кто нибудь, сидя на верхней палубѣ, замѣшилъ, что корабль идешь косо, не долженъ ли онъ объявить о томъ?“ — Онъ долженъ увѣдомишь о томъ кормщика, или капитана, но безъ шуму, чѣмъ бы не обезпокоить людей, на кораблѣ находящихся. — „Такъ вы не хотите, чѣмъ бы народъ былъ

просвѣщенъ? — Хочу, чѣмъ онъ былъ просвѣщенъ сполько, сколько нужно для него; чѣмъ просвѣщали его съ благоразумною оспорожностію, съ умѣренностію; хочу, чѣмъ плодъ мудрости медленно прозябалъ въ умѣ его, и не вдругъ распускался; хочу, чѣмъ засѣвали зерна въ умѣ его, а не садили бы топыхъ распынѣй. Новыя идеи, зрѣя медленно, не вредятъ разуму; онѣ порядочно одна за другою занимающъ въ немъ мѣста свои: но когда вдругъ множество ихъ насильственно вышесняетъ прежнія мнѣнія, тогда неминуемо наступаетъ опущеніе и пагуба; вотъ почему я думаю, что наставленія времени лучше всего полезны для народа. Вообще люди очень худо знаютъ то, чему научились очень скоро, и обыкновенно они знаютъ очень много того, чему научились очень худо. Книжки, на примѣръ, поршаютъ здравый смыслъ народа; ибо онъ безъ разбору глошаетъ и ядъ и цѣлительный бальзамъ. Когда всякой умѣетъ читать,

тогда наиболѣе должно присматриваніе за сочиненіями. —

„Вы изъяснили мнѣ“ сказала г-жа Жоффрень : „для чего просвѣщеніе, падающее въ видѣ росы, я всегда предпочитала тому, которое льется потоками.“ — Другъ нашъ господинъ Фоншенель — продолжалъ Меранъ : — сказалъ однажды, что имѣя въ рукѣ своей всѣ истины, онъ не открылъ бы ее. Спросивъ его, согласился ли бы онъ разгибать пальцы медленно одинъ послѣ другаго, я увидѣлъ изъ лица его, что онъ сдѣлалъ бы это не иначе, какъ съ великою осторожностію. Вотъ человекъ, который совершенно знаетъ людей. Истины бывають полезны въ извѣстное время, въ извѣстномъ мѣстѣ; нѣкоторыя изъ нихъ въ рукахъ народа были бы столько опасны, сколько бритва въ рукахъ младенца. Каждому человеку нужны знанія, соотвѣтствующія его состоянію, такъ точно какъ ремесленникѣ нужны орудія, приличныя его упражненію. Будуще

увѣрены, что и относительно правилъ поведенія, всѣмъ намъ общимъ, господа новые мудрецы не менѣе ошибаются, и почти всегда. Въ обществѣ, какъ на кораблѣ, не можешь быть никакого порядка, если всѣ не будутъ дѣйствовать вмѣстѣ съ общаго согласія; а чтобы дѣйствовать съ общаго согласія, потребны знаки всѣмъ извѣстные, съ которыми каждой долженъ соображаться. — „Потому-то“ сказала г-жа Жоффрень: „я всегда желала, чтобы Метифизика не мѣшалась въ наше поведеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ нами, еслибъ всякой разъ надлежало доискиваться первоначальныхъ правилъ истины и мудрости? Люди вѣчно оставались бы въ школѣ, и прежнее ученіе ни къ чему бы не служило.“ — Чтожъ дѣлать — возразилъ Флоренъ: — если люди прежде научены худо! — „Худо, или хорошо“ отвѣчала г-жа Жоффрень: „но лучше оставишь свѣтъ въ прежнемъ порядкѣ, нежели каждому дозволить все переизмѣнять по

своему. Свѣтъ безразсуденъ, прихотливъ; однакожъ епо не мѣшаетъ людямъ вѣрить бытію добра, справедливости и благопристойности — а въ томъ главное дѣло. Я не вхожу въ изслѣдованія, соображаюсь со мнѣніями, съ обычаями, и дѣлаю епо болѣе по склонности, нежели по разуму. Когда философія пребудетъ, чтобы я оставила какое-нибудь заблужденіе, тогда вспоминаю о садовникѣ, который захотѣлъ выгнать одного зайца, и выправилъ садъ свой. Кто увѣритъ меня, что мудрецъ, преподающій мнѣ новыя правила, есть въ самомъ дѣлѣ чело-вѣкъ весьма умной, не легкомысленной, не обманщикъ? Высокоуміе не есть ли поро-рокъ опаснѣйшій, которымъ заражены многіе люди? гордосць не есть ли бо-лѣзнь опаснѣйшая, неизлѣчимая? Вы не можете повѣрить, сколько суешныхъ головъ плѣнилось намѣреніемъ исправить своихъ современниковъ, сколько людей, соблазнившихся заразительнымъ тщесла-віемъ, рѣшилось вводить новоси! По

тому-то многіе не вѣряшъ имъ и, подобно мнѣ, лучше хопяшъ соображаться со внутреннимъ своимъ чувствомъ, нежели съ чужою системою. Скажу еще вамъ, что въ свѣтѣ кто чаще кричитъ о приличностяхъ, обязанностяхъ, томъ спарается не столько исполнять свои обязанности, сколько изобрѣтаетъ извиненія, что ихъ не исполняетъ.“ — Ба-ша правда, сударыня — сказалъ Меранъ: — нравоученіе въ этомъ походитъ на пѣ-жебныя дѣла; въ стряпчихъ трудно найти искренность. Но возвратимся къ нашему стаду. Я говорю, что для народа нужны мнѣнія, которыя удерживали бы его въ повиновеніи пастырю; иначе, стадо разбѣжится; а когда всѣ овцы рассыплю-ся въ разныя стороны . . . — „Тогда погибли нивы!“ сказала г-жа Жоффрень. — Погибли и овцы! — прибавилъ мудрецъ.

„Понимаю;“ говоритъ Флоценъ: „для черни законы и мнѣнія, приемлемыя безъ изслѣдованія, должны быть непремѣн-нымъ правиломъ поведенія, а особливо

еразсужденіи дѣлъ общественныхъ. Но
 не уже ли вы запретите человѣку, уда-
 лившемуся отъ народной толпы, про-
 свѣщенному испытателю истины, не
 уже ли запретите въ тихомъ уединеніи
 разсмапривать мнѣнія народныя? — Въ
 тихомъ уединеніи — оповѣчалъ Меранъ: —
 пускай разсмаприваетъ; ошибка его не
 сдѣлаетъ большого вреда. — „А если онъ
 въ предразсудкахъ народныхъ найдетъ
 важное заблужденіе, если у него будетъ
 гошова спасительная истина, — что при-
 кажете дѣлать ему?“ — Во первыхъ не-
 довѣряетъ самому себѣ; ибо можно утвер-
 дительно сказать, что истина его преж-
 де многимъ уже была извѣстна, и что
 свѣтъ принялъ бы ее, когда бы нашелъ
 для себя полезною. Уже пятьдесятъ
 лѣтъ я наблюдаю успѣхи разума человѣ-
 ческаго; много сдѣлано открытій въ
 Физикѣ, въ Химіи, въ Механикѣ, даже
 въ Метафизикѣ; но какія новыя истины
 найдены въ Политикѣ, въ Нравоученіи, и
 какія опровергнуты заблужденія, мнѣ не

извѣстно. Невѣжеству прилично присвоивать себѣ изобрѣшательность; часто и щеславіе подвергается той же слабости. И шакъ удивительно ли, что мы каждой день слышимъ о новыхъ отккрытіяхъ, кошорыя за тысячу лѣтъ прежде были извѣстны и брошены! Болѣе же всего совѣшую изобрѣшателью прилѣжно разсмотрѣнь, какому міру принадлежишь новая его истина, нашему, или другому какому нибудь, на примѣръ мечшательному, или созданному по особливому начертанію; ибо если она чужда намъ, то мы не можемъ почищать ее истиною. Надобно, чтобы истина годилась для нашего міра, чтобы сообразна была съ нашими обстоятельствомъ, чтобы удовлетворяла наши нужды. Добро есть ея существенное опличіе; но добра совершеннаго нѣтъ въ природѣ: хорошее въ одно время, въ одномъ мѣстѣ, при однихъ обстоятельствахъ, не можетъ быть хорошимъ во всякое время, во всѣхъ мѣстахъ, при всѣхъ обстоятель-

спвахъ; слѣдственно самая истина можешь слѣпаться ложью, и на оборотъ ложь истиною. Въ математическихъ вычисленіяхъ предполагается точка безъ пространства, черта безъ толщины; предполагается вѣрность въ количествѣ, точность въ мѣрѣ, правильность въ формѣ: но не приемлется въ разсмотрѣніе ни различная плотность тѣлъ, ни случайныя измѣненія жидкости въ которой тѣла движутся, ни препятствія которыя даютъ движенію другое направленіе. Чужо въходишь, когда послѣ умозрительныхъ предположеній приступаешь къ дѣлу? Самыя точныя вычисленія подъ перомъ математика, самыя вѣрныя рѣшенія оказывающіяся ложными подъ снарядомъ механика. Точно то же бываетъ въ полиптикѣ и въ нравственности: особенные случаи почти всегда не сходствуютъ съ общими предположеніями; прекрасное умозаключеніе часъ по никуда не годится на дѣлѣ. Слѣдственно лучше всего держаться пользы;

ибо добро, не будучи истинною, замѣняешь ее собою: но ни что его замѣнить не можешь, кромѣ истины, коюрой само добро должно уступить преимуществу.“

— Ваши слова — сказала г-жа Жоффренъ: — нѣсколько темны; не лзя ли объяснить примѣромъ? — „Воптъ онъ“ отвѣчалъ Меранъ. „Первыя должности человека, говоритъ Цицеронъ, состоятъ въ любви къ богамъ безсмертнымъ, вторыя въ любви къ отечеству, третьи въ любви къ родителямъ. Учреждая большое общество, не знаю, можно ли найти для человѣческихъ дѣяній пружины, которыя были бы прочнѣе и лучше сихъ первоначальныхъ обязанностей; но предложили ихъ на разсмотрѣніе мнимымъ мудрецамъ: Епикуреецъ скажетъ вамъ, что боги выдуманы людьми; всемірный гражданинъ скажетъ, что отечество тамъ, гдѣ хорошо жить; натуралистъ скажетъ, что животное забываетъ родителей, когда они сдѣлаются для него ненужны;“

и каждой изъ сихъ основъ приведенъ пышный доказательство. Положимъ на часъ, что умствования ихъ были бы убѣдительны, что ихъ ни чѣмъ опровергнуть не можно: что вышло бы изъ этого? Родились бы пагубныя мнѣнія, которыя общими силами надлежало бы уничтожить. Испребили сѣи три народныя предразсудка, и вы разрушите твердыя подпоры гражданскаго порядка, разорвете внутреннія связи государственныя, подроете основаніе, на которомъ утверждено общество. Такимъ образомъ можно было бы нападать на всѣ принятыя мнѣнія; вѣра, благонравіе, правленіе — все погибнетъ, если дать волю нашимъ алхимистамъ испытывать оныя въ своихъ горнилахъ. Самое чистое золото выдешъ изъ нихъ парами.“ — Что касается до любви къ отечеству, до повиновенія родителямъ — сказалъ Флоценъ: — это священныя обязанности, которыя вѣчно будутъ ненарушимы. Философія велитъ исполнять ихъ въ точности: но

Цицеронъ самъ признался бы, что не вѣровалъ въ безсмертныхъ боговъ; я думаю, что ешотъ предразсудокъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, отъ которыхъ мудрецъ можетъ себя уволить. —

При сихъ словахъ г-жа Жоффренъ жопѣла прекратить споръ. „Не бойтесъ ничего, сударыня!“ сказалъ Меранъ: „поспараюсь защитить истины, вамъ любезныя. Позвольте немного оплохнущь; видите, что г. Баронъ Флоценъ не даетъ мнѣ свободной минушъ духъ перевести.“

Часть вторая.

„Чтобы понять“ продолжалъ Меранъ, помолчавъ немного: „какъ заблужденіе можетъ быть совмѣстно съ истиною, по причинѣ сходства съ нею, и даже можетъ замѣнять ее, предположимъ, что въ странѣ, гдѣ люди не имѣли еще понятія объ истинной вѣрѣ, пошлы философы населили бы небо выдуманными богами, нѣсколько благонравнѣй-

ними тѣхъ, копорыхъ почитали древ-
 нѣе; предположимъ, что Судьбѣ подчи-
 нили бы они боговъ-защитниковъ, для
 охраненія добрыхъ людей, — боговъ
 справедливыхъ и справедливыхъ, для обуз-
 данія злодѣевъ, — боговъ присущныхъ
 сельскимъ работамъ, для ободренія и на-
 гражденія людей трудолюбивыхъ, — а
 особливо боговъ соспращательныхъ, для
 утѣшенія несчастныхъ и для облегче-
 нія бремени наспоящихъ бѣдспвѣй надеж-
 дою будущаго благополучія; предполо-
 жимъ, что богъ силы и могущесства
 былъ бы всегда мудрымъ и справед-
 ливымъ; что богиня красоты была бы
 вмѣспѣ и богинею цѣломудрія; что
 невинность была бы всегдашнею спущ-
 ницею забавъ и юности; что лю-
 бовъ, прелестъ и чистосердечіе соста-
 вляли бы свѣпу цѣломудреннаго Гимена;
 что вмѣспо боговъ безчинныхъ, копорые
 гонялись за сельскими Нимфами, были
 бы выдуманые боги покровители сель,
 мспитители утѣшаемой невинности; сло-

вомъ, предположимъ, что небо, преисподняя, воздухъ, вода, земля, спихи, времена года, представляли бы людямъ полезные примѣры подъ символическими знаками, и вмѣсто баснословныхъ соблазновъ на жертвенникахъ были бы видимы нравоучительныя истины, образцы благоспихи, правоспихи, добродѣтели: думаете ли, что иносказательныя выдумки не заслуживали бы почтенія мудрецовъ? думаете ли, что неизъяснимая случайность Демокриповыхъ атомовъ, непонятное ученіе Фалесово были бы лучше сего баснословія? Народъ любитъ предметны, чувствами постигаемые. Когда истина сокрыта, или когда истина не можетъ привлекать къ себѣ вниманіе народа; тогда полезно предлагать ему выдумки, способствующія назиданію общественнаго блага.

„Соглашаюсь, что языческое баснословіе не было такимъ, какимъ я предположилъ его; всѣ пороки, всѣ злодѣянія могли бытъ онымъ оправдываемы.

Поэты, думая о почности эмблемъ своихъ, упустили изъ виду, сколь опасны сѣмь эмблемы для благонравія. Но какимъ образомъ мудрецы и законодатели исправляли ошибки поетовъ? Они не уничтожили прежняго богослуженія; ибо знали, что зданіе сѣе въ минушу паденія производить величайшія бѣдствія. А еслибъ можно было въ одно мгновеніе разрушить оное, какъ волшебница движеніемъ своего жезла уничтожаетъ великолѣпные чертоги — тогда оспалась бы дикая пустыня, въ которой немедленно расплодились бы ядовитые гады, кровожадные чудовища. По тому-то мудрецы съ величайшею оспороженностію покрывали мѣнью только ту сторону баснословія, которая была опасна для нравственности; но оставили для народа то, что было достойно почтенія.

„Разсмотримъ ихъ жизнь: всегда и вездѣ они уважали мѣнія, ежели не за истину въ нихъ содержащуюся, то за добро, за пользу, приносимую ими обще-

спву. Цицеронъ, надѣясь на скромность
своего сына, откровенно говоритъ съ
нимъ о Судьбѣ; однакожь не проповѣ-
дуетъ Римлянамъ, чтобы они не спра-
щивались непостоянной Фортуны. Гораций
написалъ, что сія богиня по своему про-
изволу по возноситъ, по унижаетъ лю-
дей и царства, что она торжество по-
бѣды превращаетъ въ обрядъ погребенія,
что заставляетъ трепетать пиран-
новъ, — и сіе мнѣніе было весьма полез-
но; оно предохраняло несчастныхъ отъ
унынія, счастливыхъ отъ гордости,
чернь отъ изспуленія при удачахъ,
отъ пагубнаго опчаянія при бѣдствіяхъ.
Великій человекъ, спеченіемъ обстоя-
тельствъ обвиняемый за какое-нибудь
происшествіе, независѣвшее отъ его
распоряженій, могъ бы пострадать не-
винно; народъ вѣритъ всемогуществу
Фортуны — и молчитъ. Такимъ обра-
зомъ, пока истина еще не открыта,
мнѣніе управляетъ народомъ; ибо надоб-
но, чтобы онъ былъ управляемъ шакъ,

или иначе. Ежели заблужденіе ведетъ къ той же цѣли, къ кошорой истина; то первое и служишь вмѣсто послѣдней, а особливо когда имѣешь драгоцѣннѣйшія свойства самой истины — добро и пользу.“

— Признайся ли вамъ? — сказалъ Флоренъ: — мнѣ весьма неприятно, что вы хвалили заблужденіе, и хошили, чтобы оно замѣняло собою священную истину. — „А мнѣ очень приятно,“ отвѣчалъ Меранъ: „что вы шакъ горячо вступаешесь за истину; ибо я жилъ для нее одной, и теперь, при старости моей, ищу ее съ поспоянною неутомимостію. Она есть единственнѣйшій предметъ трудовъ моихъ. Смѣло могу похвалиться, что въ любви и почтеніи къ истинѣ не уступлю никому въ свѣтѣ: но люди шакъ сошворены, что, по различію отношеній между ними, добро иногда можетъ быть зломъ, и на оборотъ. Вы согласитесь, что не лзя утвердительно сказать, по крайней мѣрѣ въ наше время, что всѣ жены цѣломудрен-

ны, что всѣ мужья вѣрны, что всѣ матери добродѣтельны, что всѣ олцы добры, что всѣ судьи некорыстолюбивы; скажете же, не должно ли желать, для общественнаго порядка, чтобы каждой имѣлъ хорошее мнѣніе о женѣ своей, о мужѣ, о судьяхъ, о родителехъ? Множество найши можно подобныхъ примѣровъ. Истина, сударь, есть напитокъ превосходной; надобно только держа ее въ чистомъ сосудѣ: иначе, она испортится и сдѣлается ядомъ.“

— Мой философъ — сказалъ Флоценъ: — не принимаешь никакихъ исключеній. Онъ говоритъ, что для человѣческаго разума есть только два состоянія: *увѣренность* въ очевидной истинѣ и *сомнѣніе*. Все, болѣе или менѣе *вѣроятное*, принадлежитъ ко мнѣніямъ, не стоящимъ никакого уваженія. Онъ говоритъ: нѣтъ лучшаго способа просвѣпиться, какъ забыть народные предразсудки, забыть общественныя условія, и возвра-

пыться къ природѣ, къ мудрымъ законамъ внутренняго побужденія. —

„Знаю,“ отвѣчалъ Меранъ: „что это любимая система новѣйшихъ нравоучителей; но знаю также, что она есть сборъ ложныхъ умозаключеній, неисчерпаемый источникъ заблужденія. Не спору, голосъ природы есть самой лучшей наставникъ для того, кто внимательно слушаетъ его и разумѣетъ; надобно только заставить молчать страсти, когда говоритъ природа, — а ешаго то и не дѣлаютъ. Прежде нежели перебу-ютъ у нее совѣта, она уже приведена въ заблужденіе, и говоритъ подобно опто-лоску то, что говоритъ ее заставля-ютъ, а очень часто — ужасныя нелѣпости! Изъ тысячи примѣровъ, видѣ-ныхъ мною, расскажу вамъ одинъ, ко-торой еще въ молодая лѣта сдѣлалъ въ сердцѣ моемъ сильное впечатлѣніе, и ко-торой остался у меня въ свѣжей памяти.“

Г-жа Жоффренъ стала слушать съ боль-шимъ вниманіемъ; она любила повѣсти.

„У насъ въ Безьерѣ“ продолжалъ Меранъ : „жилъ человекъ , которой , желая все подводить подъ законы природы , училъ дѣтей своихъ презирать общественныя мнѣнія и руководствоваться разумомъ чистымъ , не зараженнымъ предразсудками. Имѣя сердце несравненно лучшее разума , онъ , впрочемъ безъ намѣренія , хорошими примѣрами своего поведенія исправлялъ погрѣшности наставленій , и долго не могъ примѣнить , сколь пагубны были правила , коими напичкалъ дѣтей своихъ. Наступило время спрассей и независимости ; дѣти не дали покою отцу своему до тѣхъ поръ , пока онъ не снялъ съ нихъ родительской власпи. Всѣ три сыновья тотчасъ женились по своей волѣ ; поступокъ ихъ былъ сообразенъ съ закономъ природы : ибо животныя понимаютъ по склонности , и не спрашиваютъ ни чьего дозволенія. Дикіе точно также заключаютъ брачныя союзы , говорили дѣти — и отецъ не могъ имъ пропивурѣчить.

„Тотчасъ послѣ женитьбы они потребовали вѣрнаго опчета въ оставшемся послѣ матери наслѣдствѣ; ибо какъ въ числѣ несовершенствъ общежитія находящіяся принадлежность имѣній и приобрѣтеніе по праву наслѣдства, то по чему же каждому въ свою очередь не пользоваться симъ незаконнымъ установленіемъ? Отецъ просилъ, чтобы уступили ему часть приданого; не задолго передъ тѣмъ онъ совершенно разорился отъ шажбы, копорая по естественному праву долженствовала бы рѣшиться въ его пользу, но копорой законы общественные не одобряли. Дѣти оставили ему самую малую часть имущества, только для предотвращения голодной смерти — и думали, что оказали великую милость! Тщепно старикъ напоминалъ, что далъ имъ жизнь, что заботился о нихъ въ младенческія ихъ лѣта, что распочалъ для нихъ свои благодѣянія, что любилъ ихъ съ горячностью. Они, выслушавъ его хладнокровно, спрашивали одинъ у другаго: не

но же ли дѣлакъ дикія животныя для дѣшей своихъ? Левъ, медвѣдь, шитръ, упрекають ли дѣшей, что дали имъ жизнь, что питали ихъ и защищали? Какое онъ право имѣеть требовать отъ насъ благодарности? Развѣ онъ по любви къ намъ подарилъ насъ жизнью? развѣ мы не можемъ свободно наслаждаться выгодами жизни, когда дошла до насъ очередь? развѣ онъ не вѣдаетъ, что должностъ повиновенія, по закону самой природы, оканчивается вмѣстѣ съ младенчествомъ, и что послѣ сего срока всякой долженъ помышлять самъ о себѣ?''

— Вы меня въ ужасъ приводите — сказала г-жа Жоффрень. — „Вопъ до чего доводитъ“ продолжалъ мудрецъ: „небреженіе объ установленіяхъ общесовѣстныхъ и безумное смѣшеніе законовъ природы животныхъ и человека! Между тѣмъ какъ несчастный, оставленный старикъ изнемогалъ подъ бременемъ нищеты, старшій сынъ его предавался поспыдному распуществу, промощалъ

все имѣніе въ шайкѣ безчестныхъ игроковъ, и призналъ выгоднымъ взявшись за ихъ ремесло для поправленія своего состоянія. Бывъ уличенъ въ плутовствѣ, онъ получилъ жестокой выговоръ. Не желая болѣе подвергаться спротоспѣ законовъ и проклиная неравенство въ раздѣлѣ имундествъ, копорыя по естественному закону равно принадлежали каждому, онъ рѣшился пользоваться правами своими въ дѣсу, то есть началъ грабить путешественниковъ — и понесъ достойное наказаніе съ шайкою подобныхъ себѣ правоучителей.

„Дочь шпарика, вышедши за одного мужчину, котораго, какъ ей казалось, сперва любила, и которой скоро наскучилъ ей, вспомнила правило, что вѣчное обязательство противно здравому разуму, и что право естественной свободы ничѣмъ не ограничено; не имѣя способа явно распоргнуть узелъ брака, по законамъ гражданскимъ нераспоргаемый, рѣшилась дѣлать все то, что, какъ она говори-

ла, сама природа предписываетъ существованію слабому, угнѣжаемому, лишенному свободы; широкію вооружилась противу силы; нарушила клятву супружеской вѣрности, сердцемъ своимъ презираемую; наконецъ, пользуясь правомъ естественной неотъемлемой свободы и безпрестанно мѣняя предметы невинныхъ своихъ наслажденій, до того довела себя, что ее посадили за желѣзную рѣшотку. Негодуя на мучителей своихъ, она убѣжала изъ монастыря, приѣхала въ Парижъ, и поселилась въ обществѣ нимфъ веселія. Цвѣтъ юности увялъ преждевременно, и несчастная окончила бѣдственную жизнь свою въ позорномъ убѣжищѣ скорби и раскаянія.

„Другой сынъ, соображаясь съ закономъ естественнаго равенства, взялъ за себя женщину низкаго состоянія и при томъ такую, которая чужда была всѣхъ предразсудковъ; дражайшая половина сія думала, что ласки ея суть блага, по праву естественному равно принадлежа-

щія каждому : какъ думала , такъ и поступала. Мужъ скоро ощутилъ слѣдствія сей досхохвальной щедрости , и началъ жаловаться ; почтенная супруга захватила дорогіе пожитки его , и шихонько отправилась въ Марсель къ одному мапросу , прежнему своему любовнику.

„Опець , видя семейство свое въ поношеніи , изнемогши подъ бременемъ нищеты , стыда и терзаній , лишился разума. Въ припадкахъ бѣшенства онъ — по видимому желая терпѣть наказаніе за свое безразсудство — билъ себя въ грудь и по лицу ; проспиралъ къ намъ руки , и взоромъ требовалъ прощенія и состраданія. Въ спокойныя минуты его я внимательнѣе замѣчалъ его поступки и ловилъ мысли , которыя вырывались изъ глубины сердца.

„Ахъ , сударь !“ говорилъ онъ мнѣ : „мои дѣти? что вы сдѣлали съ ними? У меня нѣтъ дѣтей! Я , такъ , я самъ. . . . Но я за то наказанъ. Увѣдомьте ихъ , что я наказанъ ; скажите имъ , что я опець

ихъ. Несчастной отецъ! онъ обманулъ ихъ; но онъ любилъ ихъ нѣжно. Такъ, онъ былъ для нихъ доброй отецъ; но онъ погубилъ дѣшей своихъ. Смотрише, какъ они ограбили меня! Дѣши ограбили меня! Скажише, что я прощаю ихъ. Но гдѣ они? Въ пропасти! Поведите меня къ пропасти! я вырылъ ее, — такъ, я вырылъ ее собственными руками. Сжалъ-шесь надо мною! Бѣдная голова моя разспроилась, знаю; но я не теперь сошелъ съ ума. Ахъ! я былъ сумасшедшимъ еще тогда, когда почиалъ себя мудрымъ.“

— Очень легко испортишь нравственность ложными умствованиями; — сказалъ Флоценъ: — но развѣ истинная мудрость не имѣетъ способовъ исправлять ее? развѣ добродѣтель спрашивается взоровъ здраваго разума? — „Да гдѣ естъ здравой разумъ?“ спросилъ Меранъ: „не у ссфисповъ ли, которые думаютъ, что нравственность очищается ихъ тонкими умствованиями? Надобно ли подвер-

гашь холодной Метафизикъ общественныя привычки и душевныя чувства? надобно ли добираться до самыхъ началъ нравственности среди народа, котораго здравой разумъ удобно помрачается, и котораго добрыя расположенія удобно превращаются въ худыя? Смѣло увѣряю, что заставивъ человека отыскивать причины врожденныхъ склонностей и развращая его — есть одно и то же. Хорошо, когда изслѣдованія не испортишь въ немъ внутренняго побужденія къ добру; но если, сомнѣваясь во всемъ, онъ привыкнетъ быть нерѣшительнымъ въ минуты расположенія къ добру, къ справедливости: то сердце его сдѣлается лабиринтомъ безъ проводника, безъ нити.

— Но Пифагоръ сказалъ, — возразилъ Флоценъ: — когда сомнѣваешься, удержишься. Это правило самой мудрости. — „Правда;“ отвѣчалъ Меранъ: „однакожь надобно хорошо понимать его; ибо удерживаясь часто значитъ то же, что рѣ-

шиться. Когда, увидѣвъ ушопавшаго человека, начну разсуждать, должно ли помочь ему, — онъ между тѣмъ ушонетъ. Но всего хуже, что при сомнѣніи разума не рѣдко страсть заставляетъ рѣшиться. Частная польза гражданина легко можетъ обойтись безъ философическаго рѣшенія, которое Скептика ведетъ къ своевольству. Нравственность погибнетъ, когда сдѣлаемъ ее сомнительною, когда станемъ добираться до началъ ея; ибо въ законахъ, во нравахъ, въ ученіи о справедливомъ и честномъ, можетъ быть, не лзя найти ни одного положенія, которое устояло бы противъ хитростей Скептика, вооруженнаго софизмами. Человекъ, одаренный острымъ умомъ, но скрывающій злое намѣреніе, удобно можетъ поколебать всѣ права, всѣ обязанности, предъ глазами обыкновеннаго разума. Если опровергнута принятыя мнѣнія, постановленныя правила, внутреннее чувство истины; то на чемъ будешь утвержде-

но общественное благонравіе? на чемъ
будетъ утверждена честность народная?"

— Клеантъ ни во что ставитъ внутреннее чувство истины — сказалъ Флоренъ: — онъ спрашиваетъ, можетъ ли назваться истиною то, чему разумъ противурѣчитъ? — „Спросите его самого“ отвѣчалъ Меранъ: „разумъ ли увѣрилъ его, что существуютъ шѣла, которыя вокругъ себя видятъ? разумъ ли увѣрилъ его, что существуетъ собственное его шѣло? Спросите его, неслучалось ли ему когда нибудь онѣмѣть передъ умствовавшими, которые доказываютъ, что все видимое есть только призракъ, сновидѣніе? Но кто въ самомъ дѣлѣ, имѣя здоровой умъ и говоря чистосердечно, кто можетъ сомнѣваться въ существованіи собственныхъ глазъ своихъ и лучей свѣта?"

„Такимъ же образомъ оспариваютъ у человѣка свободу воли; такимъ же образомъ заспаваютъ разумъ молчаніемъ, утверждая, что какъ онъ самъ, такъ и все въ природѣ покорено закону не-

обходимости; не смотря на это, все люди, и самые фашисты, действуют, будучи совершенно уверены, что действуют свободно, и что воля их ничем не связана. Все правила поведения, все законы, все впечатлѣнія — почтение и презрѣніе, похвала и ругательство, чувство дружбы, благодарности, оскорбленія — все уверяешь, что человек имѣетъ свободную волю избирать доброе и худое. Вотъ что называется истинами, внутреннимъ чувствомъ постигаемыми; онѣ обитаютъ не въ разумѣ, но въ душѣ; природа открываетъ ихъ человеку, не касаясь разума.“

— Такъ вы вѣрите врожденнымъ понятіямъ? — спросилъ Флоценъ, улыбаясь. „Вѣрю врожденнымъ чувствованіямъ;“ отвѣчалъ Меранъ: „вѣрю понятіямъ, которыя получаемъ отъ внутреннего побужденія, и сіи понятія никакимъ не уступаютъ въ точности. Я вижу, что птицъ никто не училъ вить

гнѣздо, и что онѣ не имѣли нужды въ примѣрахъ, для того чтобы, появившись, тотчасъ приготовить мягкое ложе для дѣтей, которыя лишь только еще зародились; вижу, что новый рой пчелъ въ искусствѣ дѣлать соты при первомъ опытѣ не уступаетъ старымъ; равнымъ образомъ тысячи другихъ животныхъ, не учась, умѣютъ дѣлать, что имъ нужно: слѣдственно есть въ нихъ врожденное знаніе. Почему же хопише вы, чтобы человѣку природа не дала внутреннего побужденія, которое нужно ему? На примѣръ, училиль васъ, сударыня, искусству сосать, когда вы родились? — Искусству сосать? — „Да, искусство обвернуть языкомъ сосокъ, и втягивать въ ротъ молоко для насыщенія себя, есть конечно искусство чудесное; я удивилъ бы васъ, еслибъ изъяснилъ, какимъ образомъ оно производится. Но пойдемъ далѣе. Не думаете ли, что васъ научили говорить? Знаю, что возрастъ, примѣръ, привычка, склонность подражать,

подали вамъ случай прежде сдѣлать
 опытъ, потомъ мало по малу управ-
 лять орудіями слова; но сіи орудія,
 сіи многосложныя пружины дѣйствуютъ
 съ такою удобностію, что глотка,
 языкъ и губы точно, быстро, легко оп-
 правляютъ свою должность; кто на-
 училъ васъ приводитъ въ порядокъ сіи
 части, дѣлаетъ дыханіе звонкимъ, пере-
 мѣняетъ звуки, выговариваетъ ихъ, на-
 конецъ заставитъ ихъ выражать ваши
 желанія и мысли по произволению? —
 — Но орудія сіи дѣйствуютъ механиче-
 ски. — „Такъ, сударыня; однакожь про-
 изволь управляешь. Мы дѣйствуемъ ими
 по своей волѣ; не зная; какимъ обра-
 зомъ орудія слова намъ повинуются, мы
 однакожь умѣемъ заставить ихъ дѣйство-
 вать, когда и какъ хотимъ: вотъ врож-
 денныя знанія, которыя сравниваю съ
 лептаніемъ пшпцъ, съ бѣганьемъ чешверо-
 ногихъ — и сіе искусство мы получаемъ
 отъ самой Природы, ибо никакой разумъ
 не постигнетъ его тайнства. Ето еще не

все : замѣшилиль вы въ дѣтяхъ искусство соединять и раздѣлять понятія? Думаете ли, что наука предшествовала врожденной ихъ логикѣ? Спросите ребенка, начинающаго говорить: чего онъ болѣе хочетъ, винограду, или груши?“ — Безъ сомнѣнія — сказала г-жа Жоффренъ: — услышимъ въ отвѣтъ, что болѣе хочетъ винограду и груши. — „Видите ли, что онъ уже знаетъ различіе между союзомъ раздѣлительнымъ, коимъ заставляешь его выбрать одно, и союзомъ соединительнымъ, коимъ даешь ему и виноградъ и грушу?“ — Я видала много примѣровъ подобныхъ умствованій. Когда говорящій дитяти: я тебя выскѣку розгою, ежели будешь дурачиться; — дитя не пугается, потому что угроза еще условія зависитъ. Но когда скажешь ему: я тебя выскѣку; ты дурачился; — дитя плачетъ, ибо разумѣешь, что тутъ уже нѣтъ условнаго ежели. — „Очень хорошо, сударыня! Училиль ребенка ещой логикѣ? Нѣтъ, она

врожденная; послѣ подвели ее подъ правила, и сдѣлали наукою: но источникъ ея — Природа. Епѣ логика внушеннаго чувства; большая часть разумныхъ существъ не знаетъ другой. Перейдемъ къ искусству краснорѣчія. Какой Квинтилианъ открылъ дѣшамъ тайну изворотовъ рѣчи, напряженія, жипрости? Древніе прежде меня сказали: Душа въ судебныхъ словахъ своихъ употребляетъ всѣ жипрости витійства; оно умѣетъ ласкаться и льстить, показывая видъ боязни и покорности, — угрожать неприятелю, котораго устрашить желаетъ, — приводитъ доказательства для оправданія себя и защищенія, — опровергать доводы противника, — рассказывать происшествія выгодными для себя образомъ, — наконецъ жаловаться, чтобы получить удовлетвореніе, и просить о помилованіи.

„И такъ, не опровергая Плинія, которой написалъ, что человекъ въ первыя лѣта младенчества умѣетъ только

плакать, могу сказать въ добавокъ, что природа служитъ ему весьма хорошею наставницею, и преподаетъ чудесные уроки по мѣрѣ укрѣпленія силъ его. Но ни что столь не очевидно въ ея наставленіяхъ какъ нравственные истины. Человѣкъ, не учась, не размышляя, но единственно повинувшись внутреннему побужденію, чувствуетъ обязанность быть справедливымъ, сострадательнымъ, добрымъ; одно внутреннее побужденіе заставляетъ его почитать и любить прямодушіе, скромность и вообще всѣ добрыя качества души и сердца. На сихъ истинахъ основаны мнѣнія народныя; портишь врожденное чувство добра и развращаешь народъ — есть одно и то же.“

— Соглашайся — сказалъ Флоценъ: — что опасно доискиваться причинъ внутренняго чувства, опасно даже разбирать принятыя мнѣнія; ибо, положимъ, онѣ суть предрассудки, общественныя условія: но онѣ полезны людямъ — епато доволь-

но. Можно ли однакожь сказать то же самое вразсужденіи полишки? и . . . —

„Скоро приѣдемъ въ Шапиіонъ“ прервала г жа Жоффренъ: „оставимъ разговоръ нашъ до вечера, до обратнаго пуши.“

Часть третья.

Никогда не забуду приятнѣйшаго времени, проведеннаго за обѣденнымъ столомъ въ Шапиіонѣ. Дружелюбіе, снисхожденіе, — сладкая увѣренность, что всѣ собрались единственно наслаждаться чистыми ушѣхами разума, — удовольствіе, ощущаемое каждымъ опъ содѣйствія сему наслажденію, — общее опреченіе опъ самолюбія и тщеславія, — свободной токъ разговора, въ продолженіи котораго мысли, мнѣнія, чувствованія изливались прямо изъ источника, — наконецъ расположеніе къ веселости, къ искренности, къ изобрѣшенію новыхъ понятій, изобрѣшенію, которое, по моему мнѣнію, есть душа бесѣды, и ко-

второе становится день ото дня рѣже: — все это нашему обществу ученыхъ придавало такое свойство, которое навсегда останется у меня въ свѣжей памяти. Прибавлю, что сіе свойство любезности и веселости имѣло прочное основаніе. Умъ острыми и замысловатыми своими выдумками можетъ развеселить общество на нѣкоторое время, но не можетъ сдѣлать его навсегда приятнымъ; остроуміе доставляетъ прочныя удовольствія только въ кругу честныхъ людей. Таковы были собесѣдники въ Шапилионѣ; и поному не удивительно, что мы очень весело провели тамъ свое время.

Не стану повторять всего, что говорено было за столомъ. Острое слово, сказанное кспани, замысловатая шутка, живая мысль, которыя одушевляли бесѣду, теряютъ свою цѣну при холодномъ повтореніи. Я упомяну только о томъ, что подало случай къ разговору, происходившему въ тихой рощѣ, гдѣ мы наслаждались свѣжестію воздуха.

Передъ окончаніемъ обѣда говорили о
 нѣхъ книгахъ, копорыхъ названія обѣща-
 ли много, и — обманули чипаштелей. Спра-
 шивали объ именахъ сочинителей; упо-
 минали о Зрѣлищѣ природы, изъ копо-
 раго Фоншенель, творецъ Разговоровъ
 о мірахъ, сдѣлалъ бы прекрасную кни-
 гу; упоминали о сочиненіи Аббата Дюбо,
 въ копоромъ сочинитель сравниваетъ
 стихотворство съ живописью; гово-
 рили, что для сего сравненія пре-
 бовалось живое воображеніе, красно-
 рѣчивое перо, нѣжное чувствованіе кра-
 снѣе обоихъ искусствъ, и что холодной
 разумъ Аббата Дюбо бралъ въ займы ос-
 трошу и вкусъ у какого-нибудь Вольтера
 или Винкельмана. Упоминали о Ссылоч-
 ныхъ гжи Вильдѣе; говорили, что изъ
 сей счастливой идеи она сдѣлала толь-
 ко любовную сказочку, и что искусный
 живописецъ, каковъ Гамильшонъ, сдѣлалъ
 бы изъ нее прекрасную картину двора
 Августова. Упоминали о Трактатѣ, о
 мнѣніяхъ, за копорой лучше было бы не

приниматься Лежандру, и ждать, пока Вольперъ что нибудь легкое и забавное напишетъ о семъ предметѣ, или пока Монпескье сочинитъ глубокомысленное о немъ разсужденіе.

„Но самъ Монпескье“ спросилъ нѣкто: — „развѣ удовольствовалъ названію одного изъ своихъ лучшихъ сочиненій? и не правда ли, что его Существо законовъ, скажу словами гжи Д* *, есть не что иное, какъ — нѣсколько умныхъ сужденій о законахъ?“

Только немногіе согласны были съ симъ мнѣніемъ. Нѣкоторые изъ недовольныхъ говорили, что въ книгѣ Президента Монпескье много блеску, но что блескъ сей въ разныхъ мѣстахъ свѣпигаетъ, подобно молніи, и не даетъ ошъ себя лучей постоянныхъ; другіе — что Существо законовъ есть большая груда обтесаннаго камня, котораго однакомъ недостало бы для сооруженія зданія, которой сложенъ не на своемъ мѣстѣ, и изъ котораго зодчій ничего не сдѣлаетъ.

Нѣкто сказалъ даже, что если Мон-тескье работалъ по плану, то мы никогда не откроемъ его, и что Существо законовъ столь же далеко отъ совершенства, какъ и Паскалевы мысли.

Графъ С. вмѣшался въ разговоръ. Епо былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, имѣя умъ просвѣщенный, основательный, зрѣлый, просто и смиренно преподающъ свои наставленія. Никто не получалъ столько пользы отъ путешествій, отъ чтенія, отъ обращенія въ свѣтъ; никто лучше не видѣлъ въ природѣ и въ книгахъ того, что достойно осваиваться въ памяти. Обширныя знанія свои онъ сообщалъ всегда ксшати; не былъ скупъ на нихъ, но не былъ и расточителемъ; можно бы подумать, что онъ знаетъ только то, о чемъ спрашиваютъ его — не болѣе. За обѣдомъ Графъ говорилъ мало; всякой радъ былъ слушать его.

„Планъ Паскалева сочиненія“ сказалъ Графъ: „зависѣлъ онъ самаго

содержанія; всякой знаешь, что сочинителю недоставало только времени его докончить. Но можно ли поже сказать о книгѣ Президента Моншескье? Справедливо ли было бы хотѣть, чтобы онъ содержаніе столь многоразличное, столь невязное, столь разнообразное, каково есть Существо законовъ, привелъ въ единство, полное и правильное? Въ семъ превосходномъ твореніи надлежитъ удивляться быспрому взору ошличнаго ума, а не требовать, чтобы пошъ поработилъ себя строгимъ правиламъ обыкновеннаго порядка, кпо парилъ надъ неизмѣримымъ пространствомъ, и окомъ своимъ часто досягаетъ до невѣроятной отдаленности. Чпожъ касается до изреченія, прополкованнаго Вольперомъ въ худую сторону, то я вопреки напому похвалу, которую онъ же приписалъ книгѣ О Существо законовъ; вошъ слова его: „Родъ человѣческій потерялъ свою собственность; Моншескье отыскалъ ее, и возвратилъ человѣческому роду.“

Часть I.

Д

— Въ похвальномъ словѣ была бы у мѣста сія пышная фраза, кошорой одна-кожъ я право не понимаю — сказала г-жа Ф* *. „Что шунъ вамъ кажется непоняшнымъ?“ спросилъ Графъ. — Я не разумѣю, что значить собственность, кошорую пошерялъ родъ человѣческій. — „Собственность правъ.“ — Очень хорошо; но какихъ правъ? Что такое собственность правъ? Какъ она пошеряна? какъ Монпескъ нашель ее? — „Вы сами, сударыня, легко узнаете все, если только подумае о томъ прилѣжно.“ — На сей разъ просимъ васъ доставить намъ выгоду, кошорую доставляющъ хорошія книги; разгонише мракъ нашего невѣдѣнія; изъяснише намъ то, что мы хочя и понимаемъ, но весьма неявственно. —

„Извольте; попытаюсь удовлетворить вашему желанію;“ сказалъ Графъ съ видомъ скромности. „Подъ правами человека разумѣю вообще права, данныя ему закономъ Природы; а собственность правъ есть то, что особенно къ нему отно-

сится въ томъ законъ всеобщемъ, котораго напечатлѣніе видно въ добрѣ и въ справедливости.“ — Такъ вы вѣрите, что естъ всеобщій законъ сущесвуемъ? — „Вѣрю точно также, какъ и бытію всеобщаго порядка! Все внутри и внѣ меня находящееся увѣряетъ, что порядокъ сей учрежденъ по намѣренію первой причины, всемогущаго разума, провидящей воли, которая всегда согласна сама съ собою, и кою все повинуются. Кто не признаетъ всеобщаго порядка; кто сомнѣвается, что око сотворено для воспріятія лучей, легкое для дыханія воздухомъ, сердце для переливанія крови, жилы для печенія той же крови; кто думаетъ, что чудесное составленіе шѣлъ, непоспижимое возрожденіе животныхъ и растѣній производятся ко слѣпому случаю, безъ намѣренія; кто думаетъ, что свѣтила, въ пространствахъ небесныхъ вращающіяся, поддерживаются взаимнымъ приращеніемъ и постоянно совершающъ пуши свои, не бу-

лучи управляемы первою движущею силою, первымъ закономъ: для того я и словъ не хочу прашишь. Требую совершенной увѣренности въ истинѣ сказаннаго мною; если вы сомнѣваетесь, я долженъ остановиться.“ — Не только не сомнѣваемся, но твердо увѣрены. —

„Очень хорошо. И такъ намѣреніе Природы есть законъ ея, а всеобщій порядокъ есть не что иное, какъ исполненіе сего закона. Ему повинуются небесныя свѣтила, растѣнія, животныя; человекъ, какъ существо, одаренное жизнью, на равнѣ съ прочими животными исполняетъ волю его по врожденному побужденію. Наконецъ, повшоряю, законъ первый, всеобщій есть намѣреніе высочайшаго Художника, явственнаго напечатлѣнное на твореніи рукъ его. Теперь останавливаясь разсмотрѣть различныя отношенія перваго намѣренія ко всѣмъ частямъ всеобщаго порядка, и отношенія того же намѣренія къ родамъ существъ.

Надѣюсь, что это будетъ для васъ понятно.

„Природа захотѣла, чтобы свѣтила небесныя, движущіяся въ пространствѣ, въ теченіи своемъ были поддерживаемы одно другимъ; она взвѣсила тяжесть ихъ, измѣрила разстояніе между ними, и для каждаго изъ нихъ назначила скоростъ, для одного большую, для другаго меньшую: вотъ законъ притяженія. Природа захотѣла, чтобы спихи помѣщались въ разныхъ областяхъ по мѣрѣ плотности своей, и чтобы по смѣшеніи каждая опять стремилась къ своему мѣсту: вотъ законъ тяготѣнія, вотъ законы равновѣсія. Природа захотѣла, чтобы неисчислимое множество на землѣ живущихъ существъ находило въ себѣ и въ нѣдрѣ общей матери своей средства къ сохраненію себя и къ произведенію себѣ подобныхъ: вотъ законы прозябенія для растѣній, — законы врожденнаго побужденія, или инстинкта для животныхъ, — законы

ного же инстинкта и разума для человека.

„Прошу замѣтить, милосивыя государыни, что касательно живыхъ существъ Природа ясно обнаружила намѣреніе свое сохранять бытіе ихъ, возраждать ихъ и пещись о продолженіи породъ ихъ; ибо сколько она, по видимому, нерадимъ объ одномъ животно́мъ, объ одномъ стеблѣ, столько печется о сохраненіи цѣлыхъ породъ. Распѣніямъ, на примѣръ, даны способы прозябанья и размножанья, не взирая на то, что онѣ служатъ пищею животно́мъ: права ежедневно пожираются, но цѣлыя породы правъ никогда не погибаютъ. Назначивъ животно́ныхъ въ пищу животно́мъ же другой породы, она распоряжается ея очень бережливо, что при ежедневномъ уменьшеніи числа гусей родъ гусиный не уменьшается. Есть животно́ныя, копорыя, кажется, сотворены бытъ жертвами хищничества; есть и такія, копорыя родясь тотчасъ умираютъ: за то они

плодородіемъ своимъ безпрестанно дополняютъ число, уменьшаемое опустошеніями и смертію. Сельди, безпрестанно пожираемые акулою, плодятся до безконечности; наѣдомое, живущее только одинъ день, производитъ множество себѣ подобныхъ; слабая бабочка не умираетъ безъ потомства, — она не видитъ своихъ малюшковыхъ, но оставляетъ яйца, кошорыя зрѣютъ и оживляются воздухомъ и свѣтомъ; гнѣздо русеницы препоручается попеченію солнца.

„Изъ всѣхъ предосторожностей, ко-
торыя употребила Природа для сохране-
нія царства животныхъ, очевиднѣйшее,
достоинѣйшее удивленія есть то, что
она запретила имъ посягать на жизнь
подобныхъ себѣ. Самые ненасытные звѣ-
ри повинуются сему закону, и никогда
безъ крайней нужды не нарушаютъ она-
го: медвѣдь и шитръ не смѣютъ шер-
завъ подобныхъ себѣ животныхъ, ежели
только чрезвычайной голодъ не доводитъ
ихъ до бѣшенства. Природа сдѣлала еще

болѣе: самые люшые зѣри забывающъ обыкновенную жестокость, когда производящъ на свѣшъ, или воспишывающъ дѣшей своихъ. Львица и барсиха въ материнской нѣжности не уступаютъ ни козѣ, ни кропкой лани. Вамъ извѣстно, какъ оспорожно боязливая пшичка сидишъ на гнѣздѣ своемъ, какъ опважно защищаетъ своихъ малюшоекъ. Извинише, милосшивыя государыни, что упоминаю обспоятельствва всѣмъ извѣстныя; онѣ важны въ нашемъ разговорѣ: сіе чудесное побужденіе, какъ я думаю, есптъ есполь ясное доказательство намѣренія Природы, что всякъ, обративъ на него свое вниманіе, непременно увѣрился въ истиннѣ моего мнѣнія.“ — Она очевидна — сказали собесѣдницы: — мы всѣ увѣрены. —

„Очень хорошо!“ продолжалъ Графъ: „я доволенъ. И шакъ не стану говорить о преимуществахъ, которыми Природа надѣлила человѣка; не стану доказывать, что человѣкъ, болѣе нежели всѣ прочія животныя, облагодѣтель-

сповованъ ею: но только предложу за главное правило простую истину, которую вы уже одобрили, а именно, что Природа хотѣла сдѣлать и для человѣка то, что сдѣлала для насѣкомаго, и что ея намѣреніе, хранишь и продолжаешь бытіе породъ животныхъ вообще, не менѣе относится и до человѣческаго рода.

„Изъ сего неоспоримаго правила вывожу заключеніе, что законъ естественный существуетъ для человѣка; ибо Природа, захотѣвъ, чтобы родъ человѣческій продолжался, необходимо долженствовала предписать человѣку способы сохранять родъ его, и удаляться всего, что могло бы уничтожить оной. И такъ законъ естественный для человѣка есть то, что врожденное побужденіе для прочихъ животныхъ; въ томъ и другомъ открывается первобытное намѣреніе, относящееся ко всѣмъ животнымъ, ко всѣмъ породамъ. Теперь, милостивыя государыни, вамъ не трудно понять,

какая собственность правъ была потеряна и отыскана г-мъ Моншескье.

„Нѣкто сказалъ : право не есть возможность — и сказалъ справедливо. Нельзя утверждать, что будто бы гдѣ нѣтъ силы, тамъ нѣтъ и права. Въ чемъ же состоитъ оно? Во всемъ томъ, что Природа дозволила человѣку дѣлать въ отношеніи къ подобному себѣ, къ прочимъ животнымъ и ко всѣмъ живущимъ созданіямъ. Вразсужденіи сихъ послѣднихъ, право человѣка ограничивается его силою, потребностями, выгодами; но во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми и право должно быть взаимное: оно должно быть подчинено закону, коимъ опредѣляется каждому свое. Уничтожьте сей законъ, и увидите, что не только право естественное, но и права человѣческія должны исчезнуть; тогда воля каждаго, самолюбіе, сила, личная польза сдѣлались бы единственнымъ закономъ человѣческихъ поступковъ; каждый почиталъ бы добромъ только то,

что самому полезно; никто не имѣлъ бы
понятія о справедливости. Слѣдственно
законъ, одинъ законъ опредѣляетъ, что
справедливо въ поступкахъ людей и что
несправедливо; онъ самъ имѣетъ харак-
теръ справедливости только тогда, ко-
гда происходитъ изъ перваго намѣре-
нія, изъ того верховнаго разума, отъ
котораго всеобщій порядокъ получилъ
свое начало. И такъ естественныя и
взаимныя права существуютъ для лю-
дей, потому что законъ естественный
существуетъ. Сіе-то правило г-ну Мон-
тескье подало причину, какъ бы съ нѣ-
которой высоты, наблюдать, каковы
должны быть сущность и цѣль челове-
ческихъ установленій, и какое должно
быть направленіе хорошихъ законовъ (*).

— Но какимъ образомъ — сказали Графу: —
отъ сего неопредѣленнаго, общаго правила,

(*) Есть первобытный разумъ — говоритъ
Монтескье; законы суть отношенія
между симъ разумомъ и цварами.

опшъ сего перваго намѣренія хранишь и продолжашь бытіе породъ живошныхъ , выхошише вывести всѣ споль многоразличныя законы , споль многосложную систему , споль несходственныя между собою общественыя устанавленія ? Взаимныя отношенія между людьми, безпрестанно умножаясь, не должны ли произвести тысячи новыхъ случаевъ, совершенно противныхъ первому намѣренію Природы? Раздѣленіе племенъ, соперничество, ссоры, любовь къ опечеству, завидованіе могуществу сосѣдей, торговля, война, внутреннія несогласія, дѣлежъ, собственность, неравенство въ имѣніи и состояніяхъ, — всѣ сіи причины и множество другихъ не должны ли заставили нашихъ законодательей забыть о правѣ первобытномъ и общемъ, правѣ, которое могло существовать въ естественномъ состояніи человека, но которое въ состояніи гражданскомъ совершенно измѣнилось? —

„Во первыхъ надобно знать“ отвѣчалъ Графъ безъ малѣйшаго замѣшательства на сдѣланныя возраженія: „что такъ называемое естественное состояніе никогда не существовало для человека.“ — Какъ, сударь! а дикіе? — „Совершенно дикихъ людей нѣтъ, и никогда не бывало. Изъ всѣхъ обществъ человѣческихъ семейство есть самое меньшее, и весьма рѣдко случается, чтобы оно оставалось долгое время уединеннымъ, не имѣющимъ съ другими никакого сообщенія. Вездѣ, во все времена люди составляли общества по нуждѣ, для общей безопасности, для обороны, для пропитанія. Сіе первое попеченіе, первое желаніе Природы во все времена было основаніемъ законовъ. Какимъ образомъ люди, кошорыхъ продолжительное и слабое младенчество подвержено многимъ опасностямъ и бѣдствіямъ, — какимъ образомъ могли бы сохранить родъ свой, скишаясь въ одиночество?“

„Плиній сказавъ справедливо: Изъ всѣхъ животныхъ одинъ только человѣкъ не получилъ одежды отъ Природы . . . ; она въ самой день рожденія бросаетъ на- го го человѣка на голую землю, и ничего не оставляетъ ему, кромѣ слезъ и воп- ля. . . . Прочія животныя, движимыя внутреннимъ побужденіемъ, бѣгаютъ, летаютъ, плаваютъ. Человѣкъ, не учив- шись, не умѣетъ ни говорить, ни хо- дить, ни питать себя; слезомъ, Приро- да научила его только плакать. Но пред- положимъ, что человѣкъ отъ Природы былъ бы одаренъ превосходнѣйшимъ внут- реннимъ побужденіемъ, и что, родясь на свѣтъ, тотчасъ получилъ бы разумъ зрѣ- лаго возраста: не уже ли онъ болѣе ни въ чемъ не имѣлъ бы надобности? Нѣтъ, милосливныя государыни; боязливость, слабость, медленность — совершенно про- шивуположныя смѣлости, силъ, быспро- тѣ непріяшелей, отъ которыхъ ему над- лежитъ убѣгать, или защищаться — неми- нуемо сдѣлали бы его добычею живоп-

ныхъ , близъ коихъ онъ родился. Природа вдохнула въ хищнаго и волка спасительное отвращеніе отъ крови животныхъ одной съ ними породы , но не вдохнула въ нихъ того же отвращенія отъ крови человѣческой; она обрекла человѣка быть жертвою звѣрей плотоядныхъ , какъ овцу и козу ; она предала имъ человѣка нагаго , слабаго , безоружнаго.

„Какую же предосторожность употребила Природа для сохраненія и продолженія рода человѣческаго? Сдѣлала его общепонимнымъ , то есть дала ему склонность и охоту дѣлать съ другими бѣдствія , труды , силы , помощь , обязанности и добровольныя услуги. Такое общепониміе видимъ сперва между человекомъ и матерью дѣтей его , потомъ между имъ и дѣтьми его , наконецъ между имъ и прочими людьми , которые , движимы будучи внутреннимъ побужденіемъ , составляютъ съ нимъ одно общество. Такимъ образомъ , посредствомъ супружества , какъ союза неразрѣшима-

го, домашнее общество, постепенно возрастающее, было ядром общества гражданского.“

— Позвольте остановить васъ — прервала г-жа Д* * : — вы упомянули одну сущую, сущую закона естественнаго, которая пребудетъ разсмотрѣнія. Вы назвали супружество неразрѣшимымъ союзомъ ! — , Точно, милоспивая государыня! Какъ бы ни думали объ этомъ союзѣ, однакожъ Природа точно хотѣла сдѣлать его неразрѣшимымъ. Нарушая законъ сей, общество дозволяетъ себѣ излишнюю вольность. Посмотрите на рожденіе человека въ лѣсу, первобытномъ жилищѣ его : не правда ли, что онъ имѣетъ нужду въ матери, которая питала бы его молокомъ своимъ, — въ опѣку, которой охранялъ бы, защищалъ его, и досматривалъ бы пищу матери младенца? Переспавши сосавъ грудь, не бываетъ ли онъ долго еще слабымъ, и можетъ ли обойтись безъ помощи своихъ родителей? Еслибъ во время продолжительна-

го своего младенчества онъ остался безъ
 призрѣнія; не былъ ли бы несчастнѣе
 всѣхъ шварей, и не подвергся ли бы не-
 минуемой гибели? Человѣкъ принадле-
 житъ къ числу тѣхъ животныхъ, ко-
 торыхъ Природа назначила быть долго-
 вѣчными; ибо онъ раждаетъ — какъ
 быкъ, левъ, слонъ — по одному, рѣдко
 по два; промежутки времени довольно
 велики между эпохою рожденія двухъ
 младенцевъ отъ одной матери; человѣкъ
 медленнѣе всѣхъ другихъ животныхъ
 достигаетъ того возраста, въ кото-
 ромъ самъ можетъ раждать дѣтей. Те-
 перь, какъ согласишь Природу съ нею
 самою? почему она, желая продолжаясь
 бытіе рода человѣческаго, не дала чело-
 вѣку силы для сохраненія себя? почему
 не дала ему способвъ поспѣшиѣ размно-
 жаясь себѣ подобныхъ? Здѣсь, милоспи-
 выя государыни, съ благоговѣніемъ при-
 знаемъ Творческую премудрость: про-
 должительное младенчество человѣка,
 долговременная слабость его, спряхъ

грозящей гибели, — такъ, сей самой
страхъ, сіе опасеніе отдаляютъ гибель
человѣческаго рода и даютъ человѣку
высочайшее превосходство передъ всѣми
животными.

„Человѣкъ долго имѣетъ нужду въ
помощи родителей: вошь источникъ
сихихъ удовольствій семейственной
жизни, продолжительной любви отца и
матери къ дѣтямъ, любви дѣтей къ отцу
и матери; вошь источникъ наученія сло-
вами и примѣрами наслѣдственной опы-
тности, совершенствуемой промышлен-
ности, изобрѣшенія знаковъ для взаим-
наго сообщенія мыслей, составленія че-
ловѣческаго слова, успѣховъ просвѣще-
нія, наукъ, художествъ; вошь источ-
никъ тѣхъ безчисленныхъ способовъ къ
усовершенствованію человѣчества, ко-
торые произвели Платоновъ и Архиме-
довъ, Гиппократовъ и Ньютоновъ!

„Если бы младенчество человѣка
продолжалось нѣсколько мѣсяцовъ; если

бы человекъ, вышедши изъ краткаго своего младенчества, могъ обойтись безъ посторонней помощи, подобно коню, быку, льву: ни къ чему не служили бы ему гибкой языкъ, звонкой голосъ, чудесное орудіе рукъ, и еще болѣе чудесные дары памяти и предусмотрительности. Человекъ, опдѣленный опъ другихъ почти со времени рожденія своего, страхась одиночества, одичавши, вездѣ встрѣчая опасности, во всю жизнь заботясь только о невредимости своей и оборонѣ, ни чѣмъ не опличался бы опъ безсловесныхъ шварей. Природа, желая научить человека пользоваться данными ему способностями, весьма благоразумно поступила, вдохнувши въ отца и мать нѣжнѣйшую любовь къ дѣтямъ, а дѣтей привязавъ къ родителямъ чувствомъ нужды и узами благодарности.

„Тѣ очень грубо ошибаются, которые, желая оправдать разводъ, ссылаются на Природу, и говорятъ о

первобытномъ супружествѣ. Пусть знаютъ они, что первое супружество было продолжительное и крѣпкое; пусть знаютъ, что, по намѣренію Природы, продолжительность брака была защитою человѣческаго рода, основою могущества его, единственнымъ для человѣка способомъ приобрѣсти господство надъ всѣми живыми существами.“

— По крайней мѣрѣ — возразила г-жа Д* *: — когда дитя достигнетъ до совершеннаго возраста, дозволяетъ ли родителямъ законъ Природы разрѣшить брачныя узы, и могутъ ли они заключить новыя обязательства? — „Не могутъ, сударыня! Младенчество человѣка продолжается до десяти и до двѣнадцати лѣтъ. Между тѣмъ какъ отецъ и мать пекутся о первомъ своемъ младенцѣ, рождается другой, потомъ третій, а шамъ — по благодѣтельности врожденнаго побужденія къ любви — и четвертой, и пятой, и шестой; слѣдственно каждое рожденіе дитяти становится

ся для супругов, такъ сказать, новою цѣпью, и возлагаешь на нихъ новыя обязанности, равныя первымъ: ибо законъ Природы одинаковъ и непремѣненъ; онъ никого не лишаетъ правъ родства и крови. И такъ видишь, что союзъ супружескій необходимо долженъ быть неразрѣшимымъ, по крайней мѣрѣ до того времени, пока чета не сдѣлается безплодною и не воспишетъ послѣдняго ребенка. Какая же польза супругамъ въ старости разводиться и распоргалъ союзъ, копорой обязываетъ ихъ взаимно помогать другъ другу? какая польза родителямъ прошившись закону Природы въ то самое время, когда имъ осталась въ свою очередь наслаждаться любовію и благодарностію дѣтей своихъ? 66

— Графъ! — сказали наши собесѣдники: — ученіе ваше ясно для ума и сладостно для сердца; мы не можемъ не согласиться съ вами. — „Увѣрившись въ истинѣ намѣренія Природы и святейша-

то изъ ея законовъ въ первобытномъ обществѣ,“ продолжалъ Графъ: „разсмотримъ теперь нѣ премногочисленные, премногосложныя отношенія, опъ копорыхъ постепенно составились народы, республики, царства; вездѣ увидимъ то же намѣреніе и ту же цѣль; увидимъ, что между сими двумя почками самая прямая черта есть самой лучшей образъ правленія, установленій и законовъ.“

Тутъ наши собесѣдницы сказали, что имѣютъ нужду въ отдыхѣ.

Часть четвертая.

Походивши молча нѣсколько минутъ, Графъ С. опять началъ говорить. „Вы видѣли, милосердые государыни, что общежитіе было необходимымъ для человека, и что по изволенію самой Природы первая потребность человека есть общежитіе; вы видѣли также, что во всѣхъ живыхъ существахъ ясно обнаруживается намѣреніе Природы сохранять и продолжать бытіе породъ

животныхъ: изъ сихъ двухъ истинъ непосредственно слѣдуетъ, что существуетъ для человѣка законъ естественный, который содержишь въ себѣ самую сущность законовъ гражданскихъ, и который полагаетъ врожденное побужденіе за основу, за правило нравственности.

„Законъ врожденного побужденія за-
 прещаетъ животнымъ испреблять себѣ
 подобныхъ, то есть животныхъ одной
 породы; причина тому очевидна: будучи
 побуждены по потребности рождашь
 дѣшей и кормишь ихъ по крайней мѣрѣ
 до нѣкотораго времени, живучи въ одной
 пещерѣ, въ одномъ гнѣздѣ, они имѣютъ
 весьма частые и опасные случаи вредишь
 одно другому; шерзая другъ друга,
 онѣ испребили бы родъ свой. Что было
 бы и съ человѣкомъ, еслибъ онъ, будучи
 онъ природы созданъ для общежитія,
 не имѣлъ внутренняго побужденія
 щадить себѣ подобныхъ? Человѣкъ, будучи
 кровожаднымъ врагомъ человѣка же,

сдѣлался бы злѣе пигра и коршуна : ибо ежечасно имѣлъ бы случай, средства, даже охоту — губить свою брaтiю.

„Человѣкъ по природѣ своей хитръ, лукавъ, способенъ выдумать тысячу средствъ дѣйствовать и вредить ; онъ гордъ, сердитъ, самолюбивъ, безпокоенъ, склоненъ къ обидѣ ; наконецъ, спроси и пороки человѣческаго сердца болѣе всего неблагопріятствовали бы общежитiю, еслибъ нравственное побужденіе не укрощало ихъ. Человѣкъ, будучи самолюбивъ, завистливъ, гнѣвливъ, наглъ, бѣшенъ въ ревнивости, въ злобѣ, во мщенiи, превосходитъ самыхъ лютыхъ звѣрей глубокою своею скрытностью, коварнымъ вѣроломствомъ и ужасною продолжительностью памятозлобія.

„И такъ — скажешь кто-нибудь — гдѣ же благоразуміе Природы, если она соединила существа, столь страшныя одно для другаго, и сдѣлала для нихъ общежитіе необходимымъ? Не значить ли

что дать животнымъ вѣрнѣйшіе способы
къ испребленію своей породы? — Знайте
же, милоспивыя государины, что изъ
смѣшенія сихъ несходныхъ, прошивупо-
ложныхъ началъ, происпекаетъ обще-
спвенной порядокъ, посредспвомъ коего
сохраняется родъ человѣческой; но что-
бы поддержать сей порядокъ, надлежа-
ло для началъ нравспвеннаго міра, такъ
точно какъ для спихій міра вещеспвен-
наго, установить законъ согласія, за-
конъ, копорой, удерживая порывы ихъ,
никакъ не позволялъ бы имъ разрушить
всеобщій порядокъ. Законъ сей есть
врожденное нравспвенное побужденіе; съ
нимъ - то должны быть согласны всѣ
законы человѣческіе. Единспвенное на-
мѣреніе, единспвенное назначеніе сихъ
законовъ состояло и всегда будетъ со-
стоять въ томъ, чтобы удерживать во-
лю человека, свободу и вообще всѣ спо-
собности вредить подобнымъ себѣ, —
въ томъ, чтобы всячески склонять его
быть справедливымъ, миролюбивымъ,

услужливымъ , сострадашельнымъ , вѣрнымъ договору общежитія , для собственнаго спокойствія , блага , безопасности , — наконецъ въ томъ , чтобы его самолюбіе наклонялъ къ общей пользѣ , и дасть ему возможность только наслаждаться своимъ , ничего у другихъ не отнимая.

„Такова была сперва цѣль закона естественнаго ; такова же была должность и законовъ гражданскихъ : ибо , еще повторяю , никакъ невозможно , чтобы Природа хотѣла сдѣлать гражданское состояніе необходимымъ для человѣка , и въ то же время не хотѣла , чтобы человѣкъ спокойно , безопасно , невинно наслаждался своими способностями и плодами трудовъ своихъ. Слѣдственно все естественное съ сею первобытною волею есть законно и справедливо , и на семъ по естественномъ правѣ основаны всѣ права человѣческія.

„Предположимъ на часъ , что въ порядкѣ общественномъ все споспѣше-

существовало бы сему первому намеренію: что иное были бы права народовъ и взаимныя отношенія государствъ, какъ не право естественное, какъ не взаимныя отношенія одного человека къ другому, то есть безопасность, собственность, безвредная свобода, употребленіе силы для отраженія насильства, сопротивленіе обидѣ и угнетенію? Права отечества не сходствовали бы съ правами оццовъ и матерей въ отношеніи къ дѣтямъ, а права дѣтей не то же ли были бы, что права гражданъ, покровительствуемыхъ и защищаемыхъ отечествомъ? Скажите, можно ли спастись, чтобы хорошій законъ гражданскій, или благоразумное, справедливое учрежденіе политическое было несообразно съ намереніемъ Природы, съ разумомъ ея законовъ? "

— Я не вижу — возразилъ Докторъ Г.: — для чего бы право естественное, на примѣръ право собственности, личной безопасности, свободы, имѣло надоб-

ность въ предшесствующемъ ему законѣ, отъ котораго оно зависѣло бы: сіи выгоды какъ для меня, такъ и для всѣхъ людей, суть принадлежности бытія, коими я, какъ человекъ, имѣю право пользоваться. —

„А ежели“ отвѣчалъ Графъ: „чтобы удобнѣе наслаждались своими выгодами, признаете нужнымъ лишить меня жизни, или свободы; ежели, имѣя въ рукахъ своихъ способы вредить и насильствовашь, имѣете къ тому и желаніе: что удержитъ васъ? Ежели ни что не препятствуетъ вамъ налагать ярмо на быка и узду на лошадь; то по какой причинѣ станете думать, что не позволяется возложить оковы на человека, которой слабѣе васъ? Что заспавишь васъ думать, будто можно убить медвѣдя, чтобы одѣться его кожею, и не лзя умертвить человека, чтобы присвоить его хижину? Чѣмъ защитите вы себя предъ человекомъ, которой начнетъ припѣснять васъ, и съ жестокою

гордостію скажешъ : я тебя не знаю ;
 Природа сотворила тебя для меня : ибо
 ты слабъ , я силенъ ?

„Создавши челоѣка способнымъ пи-
 таться и растѣніями и мясомъ ; назна-
 чивши ему въ пищу зерна , огородные
 овощи , плоды , молоко , плоть и кровь
 животныхъ ; предоспавивши ему и
 пищу воздушныхъ и рыбъ живущихъ
 въ моряхъ , рѣкахъ и озерахъ , Природа
 ясно показала , что сдѣлала его прожор-
 ливѣйшимъ истребителемъ изъ всѣхъ
 обитателей земнаго шара. И такъ , что
 будешь съ правомъ слабаго , съ сею за-
 щитною бытія его , если челоѣкъ пре-
 небрежетъ законъ , запрещающій ему ,
 равно какъ и льву , терзать и пожи-
 рать себѣ подобныхъ ? Каннибалы не
 исполняютъ сего врожденнаго закона ;
 тиранны , тѣ же людоеды , равно небре-
 гутъ о немъ. Нѣтъ , сударь ! если бы
 Природа , созидая существо споль крово-
 жадное и ненасытное , каковъ чело-
 вѣкъ , не дала ему закона ; тогда не

было бы предѣловъ хищничеству его и жестокости.“

— Развѣ не довольно — опять возра-
зилъ Докшоръ Г.: — что человекъ чув-
ствуетъ потребность быть добрымъ и
соспращапельнымъ къ подобнымъ себѣ
существамъ? Слабость напоминаетъ ему
о томъ; бѣдность возлагаетъ на него
долгъ быть добрымъ; самая безопасность
его зависитъ отъ сей должности. И
такъ собственная польза служитъ ему
вмѣсто закона; ибо онъ долженъ
предвидѣть, что если станешь вре-
дить другимъ, то будетъ изгнанъ,
или убитъ, и что не иначе можетъ
надѣяться помощи отъ ближняго, какъ
съ условіемъ, ежели самъ будешь помо-
гать ближнему. —

„Еще расчетъ выгоды;“ отвѣ-
чалъ Графъ: „но гдѣ справедливость?
Ежели заставите людей заботиться
только о частной пользѣ, что будетъ
съ общеою? Когда потеряемъ изъ виду сіе
первое намѣреніе, которое всѣмъ рас-

поряжаетъ въ міръ, какъ нравствен-
 номъ, такъ и вещественномъ; тогда
 права, должности, взаимныя отноше-
 нія между людьми, всѣ понятія о спра-
 ведливости и несправедливости будутъ
 примѣняемы только къ частной пользѣ.
 Но сіе-то самое и доказываетъ необ-
 ходимость перваго закона, выше дан-
 наго человѣку: ибо расчеты выгоды
 бываютъ непостоянны, и зависятъ отъ
 прихоти, отъ самолюбія, которое хо-
 четъ все подчинить себѣ, хочетъ все
 принести себѣ на жертву; направле-
 ннаго законъ справедливости, направляе-
 мый къ цѣли, самою Природою предна-
 значенной, вездѣ одинаковъ и неизмѣ-
 нямъ, какъ сама Природа. И такъ
 сія цѣль намѣренія Природы въ отно-
 шеніяхъ ея къ обстоятельствомъ мѣстъ,
 людей и времени всегда долженство-
 вала быть правиломъ для законовъ. От-
 сюда произошли обязанности человѣка
 въ отношеніи ко всему роду человѣче-
 скому; отсюда предпочтеніе общей

полезы выгодамъ частнымъ ; опшуда
спѣсненіе, ограниченія, исключенія,
которыя сдѣланы законами граждански-
ми. первобытному равенству, личной
свободѣ, употребленію даровъ Природы
и плодовъ шрудолубія ; наконецъ, оп-
шуда система законовъ, споспѣшеству-
ющихъ намѣренію Природы и первому
ея закону. Сему - по закону всѣ прочіе
соопвѣпспвующь ; онъ - по долженъ
озаряшъ пущи законодателей ; онъ - по
долженъ бышъ ихъ звѣздою полярною ;
всѣ правительсва должны совѣпсванъ-
ся съ симъ всеобщимъ руководителемъ,
когда хошяшъ бышъ добрыми и благо-
разумными.“

— Ежели. правило споль просто —
спросила г-жа Т* : — ежели цѣль оче-
видна ; по опъ чего случаетсѣ, что
часто не понимаютъ намѣренія Приро-
ды ? опъ чего сполько прошивуполож-
ныхъ законовъ, сполько различныхъ
образовъ правленія, опъ чего шакое не-
поспоянство ? — „Объ ешомъ, судары-

ня, больше меня знаетъ Монтескье“
отвѣчалъ Графъ. „Пустъ онъ вамъ ска-
жетъ; я только замѣчу, что обще-
ство есть бурное море, гдѣ частныя вы-
годы и страсти взаимно спалкиваются;
что быстрые токи мнѣній и привычекъ
спремятся въ разныя стороны и пере-
сѣкаются . одни другими, и что благо-
разумнѣйшій кормчій долженъ иногда
уклониться отъ пути своего, и плышь
на парусахъ не прямо шуда, откуда
дуешь вѣтеръ. Неудобства велики; од-
накожъ корабль плаваетъ по морю: за-
коны борются со страстями; но ко-
рабль не боится гибели, которая ко-
нечно постигла бы его, еслибъ не было
законовъ.“

Тутъ Меранъ, обратясь къ Барону
Флоцену, сказалъ: „Вы что думаете объ
этой системѣ, о семъ единомъ и про-
стомъ началѣ, отъ котораго проис-
текаютъ всѣ права человѣческія? Что
думаете о семъ первомъ намѣреніи, о

семъ — законъ всеобщемъ, источникъ всѣхъ законовъ ?“

— Я хотѣлъ бы — отвѣчалъ Фло-
ценъ : — чшобъ не оставалось никакого
сомнѣнія ; но въ епой системѣ, благо-
видной по простотѣ своей, содержиш-
ся много непонятнаго для меня ; весьма
желалъ бы я, чшобъ изъяснили мнѣ одно
главное затрудненіе. —

Всѣ приготовились слушать еще съ
большимъ вниманіемъ. Графъ С. просилъ
молодаго человѣка изъясниться ; женщи-
ны, благороднымъ и крошкимъ видомъ
предупрежденные въ пользу чужестран-
ца, знаками одна другую ободряли ко
внимательности. Флоценъ, потупивши
взоры и покраснѣвши, предложилъ со-
мнѣніе свое въ слѣдующихъ словахъ :
Врожденное побужденіе никогда не измѣ-
няется въ живошномъ, и всегда точно
соотвѣтствуетъ первому намѣренію При-
роды ; нушъ я не могу не видѣть, что
законъ дѣйствуетъ, и ему во всемъ по-
винуются. Не менѣе увѣренъ я, что че-

ловѣкъ вещественный, управляемый внутреннимъ побужденіемъ, въ точности повинуется тому же закону; но обративши вниманіе на человѣка духовнаго, живущаго въ просвѣщенномъ обществѣ, не вижу ниже слѣдовъ закона, соотвѣствующаго намѣренію Природы хранишь и продолжашъ бытіе рода человѣческаго: каждой печется о себѣ самомъ, о своей пользѣ; никто не думаетъ о всемъ человѣчествѣ.

„И въ животныхъ видимъ то же“ отвѣчалъ Графъ С.: „однакожъ нравы ихъ, склонности, даже забавы соотвѣствуютъ намѣренію Природы и содѣйствуютъ первому ея закону. Ежели пчела или пчела думаетъ, то вѣроятно каждая думаетъ о себѣ самой, — одна складывая гнѣздышко, другая дѣлая сопы. Такимъ образомъ и между людьми, личная выгода заставляетъ дѣйствовать художника, землепашца, купца, отправляющаго въ далекія страны, рабочника, коимъ дѣлается корабль для куп-

ща; между тѣмъ все общество, весь родъ человѣческій пользуется плодами землеспашества, произведеніями торговли, издѣліями промышленности. И такъ самолюбіе каждаго челоѣка въ особенности очень можетъ споспѣшествовать намѣренію Природы, клонящемуся къ сохраненію всего рода челоѣческаго. Оно можетъ дѣйствовать свободно, ежели не вредитъ ближнему; въ противномъ случаѣ надобно удерживать его. Вотъ по чему законы гражданскіе суть помощники закона еспешвеннаго и охранители общаго блага отъ покушеній выгодъ частныхъ.“

Къ чему же служатъ помощники сіи общаго, перваго закона? спросилъ молодой челоѣкъ. Имѣетъ ли онъ нужду въ помощникахъ, запротивъ шкуру перзать шкура и повелѣвъ коршуну щадить гнѣздо коршуна? Были бы надобны другіе законы, еслибъ челоѣкъ имѣлъ рѣшительное побужденіе нравспвенное, споль же поспоянное, каково

побужденіе плотское? Ежели правда, что законы человѣческіе суть дополненіе къ закону естественному; то для чего сей послѣдній такъ неясенъ, такъ недоспашоченъ, что имѣетъ нужду въ дополненіи?

„Лучше спросите,“ отвѣчалъ Графъ: „для чего въ безчисленномъ множествѣ существъ Природа сотворила человѣка; для чего она одарила его способностями разума, способностями внимать, различать, рассуждать о себѣ, наблюдать, изобрѣтать? спросите лучше, для чего изъ всѣхъ существъ одушевленныхъ только человѣку даны память и предусмотрительность, какъ спутницы разума и наставницы воли? Все сіе было бы для него бесполезно, когдабъ одно врожденное побужденіе управляло имъ, какъ управляешь животными. Выбору должно предшествовать разсужденіе. Не мое дѣло доискиваться тайны, къ чему человѣкъ предназначенъ; однако же мнѣ кажется, что Природа знала, для чего

предоставила на его собственной произвольное исполнение своего закона. И для животных Природа не все сделала; она дала работу их промышленности, долготеловости, потребности действовать; она же дала работу и человеческому разуму, смыслу, воле. Какое прекрасное явление представляешь разумъ человеческій, трудящійся надъ усовершенствованіемъ даровъ, полученныхъ отъ Природы! Воспоминая о Миносахъ, Солонахъ, Нумахъ, Конфуціяхъ, можно подумать, что она сама просила совѣтовъ у людей при сочиненіи безсмертнаго своего закона!

„Изъ всѣхъ животныхъ одинъ только человекъ имѣетъ власть самъ надъ собою; онъ одинъ имѣетъ свободной произволь надъ разумомъ своимъ и сердцемъ; можешь или приобрести знанія и добрыя качества, или впасть въ заблужденіе и заразиться пороками. Возвысившись добродѣтелями, униживъ себя пороками, онъ равняется или съ небожи-

шелями, или съ презрѣнными животны-
 ми: какое чрезвычайное пространство
 для свободной воли человека! Не пред-
 принимая измѣрять сіе пространство,
 ни изъяснять сіе чудо, рассмотримъ
 среднюю степень, на которой стоить
 большая часть людей. Разумъ подвер-
 женъ ошибкамъ; онъ часто погрѣшаетъ,
 обольщается мечтами; нравственное по-
 бужденіе, отъ котораго зависитъ ра-
 зумъ, измѣняется и поработается плот-
 скому побужденію: при всемъ томъ не
 обнаруживаются ли намѣреніе Приро-
 ды и главныя сущіи закона ея въ
 семъ нравственномъ побужденіи? Что
 такое давить наше сердце, когда ви-
 димъ страдающаго человека? что без-
 покоить насъ, когда сдѣлаемъ дурной
 поступокъ? что заставляетъ насъ по-
 мочь находящемуся въ опасности, утѣ-
 шить печальнаго, любить благодушнаго?
 Между самыми грубыми народами не ви-
 димъ ли слѣдовъ человеколюбія, искрен-
 ности, справедливости, благошвори-

пелльности? не видимъ ли примѣровъ великодушія? Какой же другой законодапель, ежели не сама Природа, предписаль челоуѣку сіи должності, сіи добродѣтели въ тѣхъ странахъ, гдѣ не знають даже названій добродѣтели, должностей, законовъ?

„Ахъ, любезной чужестранецъ! не въ вашей душѣ буду искать я напечатлѣнія закона естественнаго и слѣдовъ нравственнаго побужденія; воспитаніе, примѣръ, навѣкъ способствовали сдѣлать васъ добрымъ; вы можете оспаривать у Природы тѣ хорошія качества, которыя она сама влила въ нравы ваши: но дикой гостепріимецъ, проведеній при дни безъ пищи, охотно дѣлился добычею своею съ голоднымъ чужестранцемъ! Незнакомой приходитъ въ хижину къ нему и говоритъ: братъ, я голоденъ! Дикой отвѣчаетъ ему: братъ! возьми это и кушай: и я голоденъ, но я могу потерпѣть, а ты не можешь. Скажи же, въ какой книгѣ, въ какомъ учи-

лицѣ Міямисъ , Иллиноецъ , Гуронъ на-
шли высокія правила челоѣколюбія ,
весьма обыкновеннаго между ними ? На
льдиспыхъ берегахъ озеръ Американ-
скихъ , тамъ Природа положила печать
своего закона , желая показать , что она
одна только умѣетъ творить добродѣ-
тели , какъ творить золото , жемчугъ ,
алмазы. “

Можетъ быть Флоценъ предложилъ
бы еще новое сомнѣніе , ибо молодые
люди обыкновенно любятъ , чѣмъ имъ
все изъясняли ; но г-жа Жоффренъ пре-
крапила разговоръ нашъ. Сѣвши въ ко-
ляску , мы нечувствительно опять за-
вели рѣчь о томъ , что слышали.

Часть пятая.

— Я очень довольна Графомъ С. —
сказала г-жа Жоффренъ : — онъ объяснилъ
мнѣ мысль , которую давно уже я имѣ-
ла , что челоѣкъ носитъ въ себѣ вро-
жденные понятія о благодѣи , и что
начала нравственности основаны на вну-
треннемъ чувствѣ. — „А я , сударь.

мя⁴⁶ прибавилъ Меранъ : „ушверждаю,
 что и начала полишки шуда же при-
 надлежащъ ; думаю , что цѣлой на-
 родъ носитъ въ себѣ врожденное чув-
 ство, которое побуждаетъ его при всѣхъ
 поспановленіяхъ , при всѣхъ условіяхъ
 предпочтительно избираетъ все луч-
 шее , или по крайней мѣрѣ то , что ме-
 нѣе вредно. Правда , что сіе врожден-
 ное чувство непостоянно , что многія
 случайныя причины уклоняютъ его отъ
 полезной цѣли , и что опыты вѣковъ
 только могутъ доказать его доброту ;
 ибо , касательно узаконеній , предумо-
 вительность бываетъ ненадежна, шру-
 дна и обманчива , опыты медленны и
 опасны , успѣхи сомнительны : однако
 же въ такомъ случаѣ можно положитьсь
 на цѣлой народъ , когда послѣ многихъ
 искушеній онъ удостовѣряется , что
 нашелъ истинное добро ; ибо постоянная,
 непоколебимая увѣренность есть самое
 надежное слѣдствіе опытности, въ ше-
 ченіе вѣковъ приобретаемой.

„Вообще, чѣмъ старѣе какое-либо мнѣніе, тѣмъ оно достойнѣе уваженія. Вопреки выдумщикамъ новыхъ зашѣй, смѣло утверждаю, что достоувѣренность мнѣнія тѣсно соединена съ продолжительностью онаго. Въ молодости своей — извините сударыня, что объясняюсь посредствомъ иносказанія — въ молодости оно бываетъ упрямо, безразсудно, прихотливо, непостоянно, легкомысленно; тогда надобно поступать съ нимъ весьма осторожно, надобно угождать ему съ благоразумною осмотрительностью, какъ угождають модѣ, не покоряясь всѣмъ ея прихотямъ. Въ зрѣломъ возрастѣ оно уже становится постояннѣе; теряетъ цѣну новости, но за то никому не вредитъ соблазнами, а симъ самымъ и получаетъ право на общее вниманіе. Въ старости своей оно становится важнымъ и почтеннымъ. Камешки отъ долговременнаго тренія въ кипящихъ волнахъ дѣлаются тяжелыми;

мыѣніе опѣ шренія и спалкиванія умовъ
получаетъ свое достоинство.“

Мы теперь — сказала г-жа Жоф-
френъ — находимся опять на той поч-
кѣ, на которой остановились, ѣдучи въ
Шапильонъ. — „Точно такъ, судары-
ня“ отвѣчалъ Меранъ: „кажется Е.
Баронъ хотѣлъ спросить, какъ я ду-
маю о здоровомъ смыслѣ народномъ, враз-
сужденіи гражданскаго управленія. От-
вѣчаю на сей вопросъ:“

„Признаюсь, на политикѣ я не
смогъ глазами простодушнаго оптимис-
та; однакожъ не хочу быть и дерз-
скимъ ругателемъ. Когда народъ принялъ
одинъ какой-нибудь образъ правленія, и
при всемъ безпокойствѣ своемъ хранилъ
его чрезъ многіе вѣки; тогда я прину-
жденъ думать, что въ свойствѣ сего
народа, въ его обстоятельстве, въ
отношеніяхъ есть сильная побудитель-
ная причина столь долговременному по-
стоянству.“

„Почти вездѣ разумъ народовъ, или лучше сказать врожденное побужденіе, писало законы; почти вездѣ образъ правленія принаровленъ къ свойству народа, къ качеству климата, мѣстнымъ об- стоятельствамъ, къ числу жителей и пространству, ими занимаемому. Въ ешомъ я бываю совершенно увѣренъ, ко- гда, читая Исторію политическаго мі- ра, смотрю на карту. Тутъ не только вижу, какая прилична конституція та- кому-то народу; но нахожу, что на- родъ избралъ себѣ почти тотъ образъ правленія, который ему приличенъ. Гре- ція, на примѣръ, необходимо долженство- вала быть раздѣлена на многія области; напрошивъ того Азія должна была вмѣщать въ себѣ одно пространное го- сударство.“

— А Римъ? — возразилъ Флоренъ.
„Пока Римъ вмѣщался въ Италію“ оп- вѣчалъ Меранъ: „до тѣхъ поръ могъ оставаться при своей республиканской свободѣ; но когда онъ сдѣлался облада-

телемъ міра, тогда пошребна ешала дѣятельность монархической власти: ибо надлежало управляшь покоренными обласпями и держашь ихъ подъ своими законами. Наконецъ и Римъ обрушился опъ собспвенной тяжести; пошому что ослабѣли связи, копорыя соединяли сію обширную громаду.

„И такъ предразсудокъ, касапельно полишическихъ условій, пошоянно продолжающійся многіе вѣки, заслужи- ваешъ наше уваженіе. Опъ случайныхъ причинъ происходяшь разныя перемѣны; однакожь продолжишельность гражданскихъ пошановленій служишь доказа- тельствомъ, что онѣ полезны; самыя пошрясенія, копорымъ онѣ бываюшь подвержены и послѣ копорыхъ оста- юшся въ цѣлости, служашь доказатель- ствомъ, что основанія ихъ шверды и непоколебимы. Народъ, перемѣнивъ об- разъ правленія, прошивъ своей воли опяшь возвращается къ первому, какъ любовникъ идешъ къ любовницѣ, на ко-

порую беспрестанно жалуется, но которую любишь нѣжно: гдѣ начало сей притягательной силы?

„Все человѣческое подвержено недоспашкамъ; изъ всѣхъ вещей лучшая та, въ которой менѣе недоспашковъ. Починая правительство машиною, которая сдѣлана человѣческими руками, и припомъ такою, въ которой сами люди исполняютъ должности пружинъ и колесъ, — могу ли требовать, чтобы въ ходѣ ея и движеніи наблюденa была строжайшая точность? Но ежели — не смотря на очевидную неправильность, не смотря на множество и разнообразіе частей, составляющихъ сію необъятную машину, не смотря на шрение и спалкиваніе, которыми подвержены внѣшнія части ея — ежели тысячу лѣтъ она дѣйствуетъ не останавливаясь, — скажите, не чудо ли это? Кто дерзнетъ увѣрять, что разрушивъ ее, опять сложишь искусно и дасть ей лучшее устройство?“

— Сколько вы удивляетесь чудесной
сей машинѣ, — сказалъ Флоценъ: — сколько
я удивляюсь часамъ своимъ; одна-
кожъ, примѣтивши, что они испорти-
лись, тотчасъ отсылаю ихъ для по-
чинки. —

„Я согласенъ;“ отвѣчалъ Меранъ:
„когда испортившися часы, надобно раз-
смотрѣть, что мѣшаетъ порядочному
ихъ ходу. Но опять останавливаюсь на
той мысли, что никакія часы въ свѣтѣ
не могутъ быть совершенно вѣрны, и
что астроному только надобна строгая
точность въ секундахъ; а тому она ни
къ чему не служишь, кто не обязанъ на-
блюдать движенія свѣтилъ, вычислять
и предсказывать затмѣнія. Поселянинъ
располагаетъ время работы своей по
часамъ сельской колокольни; гдѣ нѣтъ
часовъ при церкви, тамъ крикъ пѣпужа
и печеніе солнца показываютъ ему вре-
мя. Политическія дѣла никогда не мо-
гутъ быть такъ точны въ ходѣ сво-
емъ, какъ морскія часы. Если народъ

вздумаешь искашь новаго совершеннаго правленія, такого, копорымъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ бы доволенъ; по никакого не получишь. Желаю и пребую того только, чшобы попеченіе исправляшь полишическую машину ввѣряемо было людямъ искуснымъ, и чшобы прохожіе не смѣли къ ней прикасаться; ибо, по моему мнѣнію, лучше оставишь при ней нѣкоторыя прежніе недоспашки, можешь быть необходимыя, или маловажныя, нежели дозволишь каждому поправлять, и попомъ ежеминутно бояться, чшобы вовсе не разспроили машины.“

— Въ самомъ дѣлѣ — прибавила г-жа Жоффрень: — шѣ поступающъ весьма неблагоразумно, копорые, спараясь поправишь часы свои, поршяшь ихъ. —

Въ государственной машинѣ, сказалъ Флоценъ, часто видимъ шакія не-совершенствова, о копорыхъ по привычкѣ думающъ, будто онѣ необходимы, и копорыя зависяшь отъ старинныхъ мнѣній. Смотрише, сколько бесполез-

Часть I.

ныхъ, даже вредныхъ предразсудковъ уважается за ихъ древность! „Какіе, на примѣръ, прошу сказать?“ возразилъ мудрецъ. — На примѣръ, опвѣчалъ Флоценъ, предразсудокъ рожденія, предразсудокъ неравенства, предразсудокъ. . . — „Въ самомъ дѣлѣ много предразсудковъ для нынѣшняго дня;“ опвѣчалъ Меранъ: „однакожь разсмотримъ сіи спашьи; изслѣдуемъ, кто правъ, новая философія, или старое благоразуміе.

„Вамъ швердятъ, что люди раждающіеся равными; ешаго не бывають и бытъ не можень ни въ лѣсахъ, ни въ городахъ. Всѣ люди раждающіеся съ одинакимъ правомъ невинно пользовахья природными своими способностями, дѣлають все полезное, и не дѣлають ничего вреднаго. Человѣкъ получаетъ сіе право вмѣстѣ съ жизнію; оно должно бытъ ненарушимо. Но всѣ ли люди раждающіеся съ одинакими способностями? всѣмъ ли дана одинакая доля дѣятельности,

ловкости, силы, прилѣжанія, смысла, отважности? можетъ ли слабый употребить въ дѣло свои способности, живучи въ лѣсу, ежели сильный не дастъ ему на то своего дозволенія?

„Люди никогда не были равными между собою въ естественномъ состояніи; никогда не могутъ они быть равны и въ состояніи гражданскомъ: ибо не всѣ равную пользу приносятъ обществу, не всѣхъ способности имѣютъ равную цѣну. Человѣкъ, котораго разумъ изобрѣщаетъ то, что другіе исполняютъ, человѣкъ, которой лучами своей мудрости озаряетъ современниковъ, человѣкъ, которой мужествомъ своимъ защищаетъ общество, по всѣмъ правамъ долженъ пользоваться не иными выгодами, какими пользуется тошъ, кто служитъ обществу на ряду съ другими. Равнымъ образомъ человѣкъ дѣятельный, догадливый, искусный, бережливый въ распоряженіи плодовъ своего

трудолюбія — приобретенныхъ посредствомъ опличныхъ способностей, и сохраняемыхъ съ помощію благоразумія, — безъ сомнѣнія имѣетъ право владѣть своимъ собственнымъ добромъ, наслаждаясь имъ и упоминая по своему произволу, а не лѣнивѣцъ, который завидуетъ ему, не распочишель, который поглотилъ свое имѣніе: сей неоспоримый законъ справедливости, законъ гражданскаго неравенства есть главная подпора государства. По силѣ сего закона всѣ люди равно пользуются правомъ собственности и личной безопасности; сей законъ равно всѣхъ оберегаетъ: подъ его защитою робкій не спрашивается насильства, дерзкій не смѣетъ похищать, сильный, который въ лѣсу припѣснилъ бы слабаго, здѣсь уважаетъ его, оставляетъ въ покоѣ. Такимъ образомъ единственное равенство, возможное между людьми, равенство въ правѣ жить подъ защитою законовъ — есть благодѣяніе гражданскаго общежитія, но не Природы.

„Скажите, не безразсудно ли хотѣть, чтобы въ гражданскомъ обществѣ человѣкъ слабоумной, неимѣющей никакихъ отличныхъ способностей, грубой и непросвѣщенной, стоялъ наровнѣ съ человѣкомъ одареннымъ силою ума, высокими качествами сердца, съ человѣкомъ богатымъ обширными знаніями? Въ какой землѣ и въ какое время человѣкъ, который по званію своему долженъ повиноваться, былъ равенъ тому, кто также по званію своему долженъ приказывать? Какой безпорядокъ вышелъ бы изъ своевольтва, когда бы на кораблѣ, въ полку, въ рабочей, мапросѣ, солдаѣ, ученикѣ, переспали повиноваться своему начальнику? Что было бы даже въ семействахъ, если бы опъ власти родительской опияѣ права начальства надъ дѣтьми? Не распорглись ли бы священныя узы крови?

„Богачъ не имѣетъ надъ бѣднымъ никакой власти; посмотриѣ однакожъ на различіе между человѣкомъ, который

трудами рукъ своихъ долженъ питать
 себя, и другимъ человѣкомъ же, который
 плащитъ первому, и даетъ ему пищу.
 Природа и законъ какія ни употребляли
 бы предосторожности, уменьшая сред-
 ства къ набогащенію и запрудняя ихъ; но
 промыслы и торговля, охота собирать,
 успѣхи въ обширныхъ намѣреніяхъ, смѣ-
 лые разчеты, наслѣдства и множество
 другихъ случаевъ увеличивъ доспашокъ,
 не должны ли въ пространномъ и сильномъ
 государствѣ необходимо произвести осо-
 бое сословіе богатыхъ людей, опъ ко-
 торыхъ другіе получаютъ плату за тру-
 ды свои? Человѣкъ, питающій вокругъ се-
 бя двадцать семействъ, не долженъ ли
 быть уважаемъ? Только въ Спартѣ — и
 нигдѣ болѣе — могло держаться равен-
 ство, потому что все граждане были
 бѣдны, вели жизнь суровую и праздную,
 и господствовали надъ рабами, которыхъ
 заставляли служить себѣ; но и Спарта
 доказываетъ своимъ примѣромъ, что

гдѣ золото введено въ употребленіе, тамъ не можетъ быть равенства. Скажите мнѣ теперь, чѣмъ вы менѣе гнушаетесь: преимуществомъ по богатству, или по душевнымъ способностямъ? — Преимущество по душевнымъ способностямъ для меня сноснѣе; — отвѣчалъ Флоценъ: — но по способностямъ собственнымъ, незаимствованнымъ. Отличнымъ качествамъ и заслугамъ конечно принадлежитъ первенство; ешаго пріобуесть право естественное, которое наблюдается даже между дикими. Не можно ли и должно ли передавать другому сіе право? —

„Вы хотите“ продолжалъ Меранъ: „чтобы я коснулся права рожденія? Извольте. Во первыхъ замѣчу, что хотя между людьми качества родителей не всегда переливаются въ дѣтей съ кровію, какъ то бываетъ между животными, и хотя случайныя причины не рѣдко тому препятствуютъ: однакожь, если всѣ живыя существа, да-

же растѣнія , наслѣдственно получающъ большую или меньшую долю качествъ , не только всей породѣ общихъ , но еще и особенно принадлежащихъ тѣмъ , кои дали имъ жизнь; по чему не заключить, что и человекъ , сотворенный по общему закону , долженъ имѣть ощутительное сходство въ качествахъ съ тѣми , отъ которыхъ получилъ жизнь свою? Сей догадкѣ равно вѣрятъ и Монархъ и земледѣлецъ : выбирая себѣ зятя , или невестку , каждой смотритъ на природныя качества , на нравы отца и матери. Для дочери хорошей женщины почти не нужно приданое; сынъ честнаго человека вездѣ уважается. Пусть самой рѣшительной врагъ предразсудка о рожденіи чистосердечно признается , такими ли глазами будешь смотрѣть на малолѣтнаго сына Равальякова , какими на сына Сюлліева ! Сославшись еще на свидѣтельство Гораціева , который говоритъ , что сильные раждаютъ сильныхъ , или на послононародныя наши пословицы ,

увидимъ, что заключеніе основано на правдоподобіи и сходствѣ, и что надлежитъ допустить различіе гражданскихъ состояній, а особливо ежели сіе различіе заключаетъ въ себѣ менѣе неудобствъ, нежели выгоды. Сіе обстоятельство, по моему мнѣнію, достойно внимательнѣйшаго разсмотрѣнія.“

— Клеантъ думаетъ — сказалъ молодой путешественникъ: — что оно уже разсмотрѣно и рѣшено. Онъ говоритъ: „Къ чему сіи почести, чины, опличія, „которыя помрачаютъ истинное достоинство и никогда въ удѣлъ ему не „достаются? Къ чему сіи степени, на „которыя возводишь одно только имя „предковъ, и до которыхъ, безъ помощи предковъ, достигнуть не можно? „Къ чему сіе уваженіе, слѣпо воздаваемое иногда людямъ ничтожнымъ, недостойнымъ своего рожденія? Къ чему „исключительныя преимущества, даруемыя прежде заслугъ такимъ людямъ, „которые могутъ унижить себя гнусны-

„ни пороками, сдѣлались недостойными
 „членами общества и поношеніемъ рода
 „человѣческаго? Можно ли выдумать
 „что-либо такое, ошъ чего болѣе спѣ-
 „снялось бы истинное достоинство?
 „Что удобнѣе можешь повергнуть опъ-
 „личныя способности въ бездну унынія?
 „Какого соревнованія ожидать въ народѣ,
 „оскорбляемомъ такою несправедливо-
 „спію и осужденномъ на всегдѣшнее
 „презрѣніе?“

„Краснорѣчія много, но гдѣ доказа-
 тельства?“ возразилъ Меранъ. „Послу-
 шайте. Въ обществѣ гражданскомъ есть
 должности, которыя всякой опправ-
 лять можешь, не будучи приготовленъ
 къ тому особеннымъ воспитаніемъ; есть
 и другія должности, для которыхъ по-
 требны опличныя дарованія, тщательнѣ
 обработанныя, потребны рѣдкія каче-
 ства, долговременная наука, опытность,
 чувствованія, нравы, превыше обыкно-
 венныхъ; есть еще и шакія, которыя
 пребуошъ, чшобы люди заблаговременно

имѣли уваженіе къ той особѣ, которой оныя препоручаются: ибо конечно мы уже почищаемъ того, кто нѣкогда будетъ повелѣванъ нами.

„Надлежало выбрать одинъ изъ двухъ способовъ наполнять мѣста сіи людьми достойными: или оставить Природѣ и воспитанію производить и приготавливать людей способныхъ; или же нѣкоторымъ семействамъ, коихъ родоначальники отличились добродѣтелями, дать, не говорю исключительное право (Боже сохрани меня отъ того!), но особенное преимущество передъ другими, отправлять сіи должности — разумѣется, ежели они не помрачили себя пороками и не сдѣлались недостоинными своихъ предковъ.

„Въ малыхъ республикахъ, гдѣ всѣ граждане воспитывающся почти одинакимъ образомъ и на общемъ иждивеніи, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга отъ самаго младенчества, и слѣдственно не могутъ ошибаться, какое кому должно

оплачивать почтеніе, — въ малыхъ, говорю, республикахъ принявъ первой способъ: тому я и не удивляюсь. Но для большіхъ государствъ показался лучше и выгоднѣе второй способъ, чему я также не удивляюсь. Когда Римъ состоялъ изъ одного немногочисленного племени, тогда призывалъ гражданъ опъ сохи, и возводилъ ихъ на степени консуловъ и полководцевъ; но распространивъ свои владѣнія, верховное начальство повѣрялъ уже сенаторамъ. Всѣ многочисленныя народы такимъ же образомъ раздѣляли гражданъ своихъ на особыя сословія. Они думали, что люди, отличные по рожденію, по воспитанію, по наученію, по примѣрамъ, которые они хранящъ въ памяти своей и наслѣдственно передающъ потомству, думали, говорю, что такіе люди удобнѣе могутъ образовывать чиновниковъ, способныхъ опправлять общественыя должности и хранить въ семействахъ своихъ духъ,

нравы и качества, приличныя ихъ состоянію.

„Опнюдъ не утверждаю, что это есть самое вѣрнѣйшее, несомнительное средство приготавливать наилучшихъ судей, превосходнѣйшихъ военачальниковъ и вообще людей рѣдкихъ; однакожь вижу, что подобнымъ способомъ приготавливаютъ хорошихъ лошадей для штыгостей, для бѣгу, для сраженій; вижу, что такимъ способомъ разводятъ плодовицыя деревья; вижу, что въ Римѣ славились поколѣнія Фабіевъ, Мешелловъ, Емилиевъ, Сципіоновъ; вижу, наконецъ, что, не смотря на измѣненія отъ множества постороннихъ причинъ, люди во всѣ времена уважали преимущество породы. Можно ли полагать въ числѣ заблужденій такое установленіе, которое утвердило и озарило славою многія государства?“

— Такъ вы почитаете дѣломъ благо-разумнымъ, — спросилъ Флоценъ: — что благородство досщается по наслѣдству?

„А для чегожъ не почиашъ?“ отвѣ-
чалъ Меранъ: „и богатство также до-
стается по наслѣдству, и богатство
получается не отъ Природы; ибо сынъ
милліонщика рождается на свѣтъ на-
гимъ, какъ все люди. Благородство и
богатство предославляюща наслѣднику
по общественному условію. Положимъ,
что мой отецъ приобрѣлъ достатокъ
торговлею, или заслужилъ славу воен-
ными подвигами; достатокъ мнѣ соб-
ственнѣе принадлежитъ, равно какъ сла-
ва. Дабы возбудить въ опцѣ моемъ
желаніе обогатиться, или охоту опли-
тить себя знаменитыми подвигами, то
есть тѣмъ и другимъ служить отече-
ству, законы обѣщали ему, что дѣ-
ти его наслѣдуютъ приобретенныя бо-
гатства и будутъ славиться памятію
заслугъ его. Право передавать дѣтямъ
свое имѣніе драгоцѣнно; но еще драго-
цѣннѣе право передавать дѣтямъ свое
благородство. Повѣрьте, законодаще-
ли, предославляя людямъ пользоваться

ими правами, знали, что и для чего дѣлали; повѣрыте, едва ли что подобное сему было выдуманно для общей пользы. Ни что столько не подкрѣпляетъ души, какъ мысль, что я и послѣ смерти своей буду жить въ моемъ потомствѣ. Люди охотно дѣлаютъ для дѣшей своихъ то, чего для самихъ себя не рѣшились бы сдѣлать. Наслѣдственное благородство всегда было и будетъ прекраснѣйшею монетою, если только оно будетъ воздаяніемъ за отличные подвиги, удѣломъ истиннаго геройства.

„Знаю, что съ перваго взгляду весьма не правится обычай предославлять шишпа, почести, достоинства, даже самыя должності, праву рожденія; но все сіе — кромѣ только должностей, для опиравленія коихъ потребны истинныя дарованія — по моему мнѣнію не такъ важно, какъ вообще о томъ думаютъ; ибо всякой знаетъ цѣну внѣшнимъ украшеніямъ. Пока дворянинъ не

явилъ собственныхъ своихъ достоинствъ, то есть качествъ душевныхъ, до тѣхъ поръ благородство его служить только памятникомъ добродѣтели предковъ: почитая внука, отдаемъ должную справедливость заслугамъ дѣда; снимая шляпу передъ испуканомъ героя, думаемъ о знаменитыхъ его подвигахъ. Во всемъ этомъ я ничего несправедливаго не вижу. Только завистливые и тщеславные неохотно воздаютъ уваженіе заслугамъ.

„Неоспоримо также, что съ чувствомъ уваженія къ добродѣтелямъ предковъ сопряжена бываетъ надежда, что попомокъ будетъ похожъ на великихъ людей, которыхъ собою напсминаешь; вы уже видѣли, что причина сего предубѣжденія, сего предварительнаго почтенія находится въ самой Природѣ. Но если попомокъ является недостойнымъ своихъ предковъ, если онъ лѣнностію ума, если злонавіемъ унижаетъ родъ свой; то, воздавая наружное, долгомъ предписываемое почтеніе добродѣ-

шелямъ предковъ въ лицѣ потомка, съ какимъ негодованіемъ, презрѣніемъ, отвращеніемъ, кои не всегда скрыть можемъ, какими глазами смопримъ на сего выродка! Не жалѣемъ ли тогда о знашности, которая украшаетъ его, но которую онъ безчеститъ? — Вспомнише, сударыня, какими глазами смопрѣли на сына одного изъ нашихъ героев! Достойно примѣчанія, что даже народъ умѣетъ различить, что принадлежитъ имени и что самой особѣ. Мнѣніе общества никого споль жестоко не наказываетъ, какъ знашнаго дворянина, поступками унижающаго родъ свой. Посредственность проспишельна въ людяхъ обыкновенныхъ; но ее не извиняють въ дѣтяхъ или потомкахъ предковъ знаменитыхъ. Всѣ поступки ихъ сравнивають съ заслугами рода; по мѣрѣ недостатка въ истинныхъ достоинствахъ уменьшаютъ уваженіе, и такимъ образомъ удовлетворяють и праву породы и справедливости.

„Не спору, что случай при дворѣ, довѣріе, пышность, а особливо богатство, обыкновенно сопутствующее знатности по роду, могутъ внушать почитеніе къ человѣку недоштойному, но сильному, котораго боятся, или опъ котораго надѣются помощи; однакожъ случай и довѣріе не увеличиваютъ истиннаго достоинства. Они сходны съ наросами на деревѣ; срѣжьне наросы, дерево едѣлается опъ того здоровѣе. Чтожъ касается до богатства и зависящей опъ него пышности — это до породы не принадлежитъ. Богачъ, которой своею распочителъностію питаются художества и ремесла, необходимо уважается, знатенъ ли онъ по роду, или незнаменъ. Будемъ чистосердечны: со властію богатства сопряжено существеннѣйшее изъ всѣхъ опличій. Знатность безъ денегъ — ничего. Богатой человѣкъ, вышедшій въ чины, пришеворяется, будто думаетъ, что народъ оскорбляется его новою знатностію;

жѣтъ, мы угадываемъ, что у него на
 сердцѣ: чины и почести ему самому не-
 сносны, но для народа они полезны.
 Спанилъ ли народъ, и досугъ ли ему,
 завидовать новому платью, въ которое
 одѣты слуги, или новому гербу, кошо-
 рой выспавленъ на веропахъ? Что ну-
 жды ремесленнику, земледѣльцу, промы-
 шленнику, Графомъ Тюфьеромъ, или
 просто Анпономъ называющагося пошъ че-
 ловѣкъ, которой даетъ имъ работу,
 платитъ деньги и доставляетъ про-
 питаніе? Простодушной народъ ни ма-
 ло не заботился ни о спеси Графа, ни
 о заносчивости Маркиза, ни о шиплахъ,
 ни о гербахъ, лишь бы только Графъ
 и Маркизь исправно платили деньги.
 Онъ знаетъ, что живетъ съ ними подъ
 одними законами, и что сіи законы за-
 щищаютъ его отъ обидъ и прищесно-
 ній: симъ правомъ онъ пользуется на-
 равнѣ со всѣми; по сему праву земле-
 дѣлецъ равенъ знатному барину. И такъ
 въ различіи состояній я ничего не вижу.

ненавистнаго, какимъ нѣкошорые пред-
ставитъ оное спараюшся.

„Скажу откровенно, что о должно-
стяхъ думаю иначе: надобно, чтобы
никому недоспавались онѣ, кромѣ лю-
дей истинно достойныхъ. Есть мѣста,
до которыхъ одни доспигають медлен-
нѣе, рѣже, пруднѣе, нежели другіе;
но не должно совсѣмъ преграждать до-
рогъ сихъ; ни у кого не должно отни-
мать надежды. Пусть честолюбіе мы-
сленно возносится до той почки, до
которой достигла истинная заслуга.“

— Надежда щепная! — сказалъ моло-
дой путешественникъ: — прослодинъ
никогда не догонитъ другихъ, встрѣчая
на пути своемъ тысячу препятствій,
тысячу затрудненій, которыхъ истоща-
ють всю бодрость. —

„Такъ, ешо большая невыгода;“
отвѣчалъ Меранъ: „но разсмотримъ, отъ
чего она происходитъ. Вы согласитесь,
что въ обширномъ государствѣ не воз-
можно учредить для всѣхъ людей равное

воспитаніе ? Согласись, что сынъ стряпчего или купца силою предубѣжденія бываетъ привязанъ къ промыслу отца своего, получивши отъ него первыя наставленія? Вотъ причина, для которой сыну воина опдаются преимуще-ство передъ сыномъ земледѣльца, когда оба вступающъ въ службу. Одинъ при самомъ началѣ знаетъ уже, что имя его уважается, что кровь, текущая въ жилахъ его, лилась уже на полѣ чести, что онъ несетъ съ собою примѣры, память и славу своихъ предковъ, — все сіе у него, такъ сказать, въ запасъ приготовлено; другой вступаетъ въ новое званіе безъ всякаго приготовленія, покажетъ на дѣлѣ свое усердіе, будетъ счисляться на ряду съ исправными воинами: но безъ особливаго случая оплечишься рѣдкими дарованіями едва ли скоро можешь опередить толпу своей бранныи. Сверхъ того, трудно ему обгонять товарищей, не оскорбляя ихъ самолюбія; трудно ему заставить другихъ

забытъ , что недавно былъ равенъ имъ ; трудно привычку вольнаго обращенія перемѣнитъ въ долгъ повиновенія и зависимости. Тѣ же самые воины охотно служатъ подъ начальствомъ сына спартаго полководца ; его одно имя ободряетъ ихъ , напоминая славные подвиги. Когда на полѣ сраженія сынъ храбраго полководца принимаетъ начальство ; то воинамъ кажется, что спартанецъ ему предшествоуетъ. Напрошивъ того пусть прежній товарищъ ихъ сдѣлается начальникомъ ; солдаты пойдутъ за нимъ, но уже не такъ охотно : шумъ почтеніе взвѣшивается на вѣсахъ разсудка ; жаръ усердія не заставляетъ повиноваться, воображеніе хладѣетъ.

„Слѣдственно должно желать, чтобы народъ по предубѣжденію уважалъ людей, коихъ судьба надъ нимъ поспавила. Новѣйше, что гражданскія оплитія не беспокоятъ его ; онъ лучше новыхъ вашихъ философовъ знаетъ, что ему принадлежитъ. Ежели здравой смысломъ

его повреждается, ежели добрая склонности его сбиваются съ пупи истиннаго, ежели гоняешся онъ за блестящими призраками; то винишь должно тѣхъ лжеумудрецовъ, которые распро-страняють ученіе о равенствѣ и перво-бытной свободѣ: народъ не понимаетъ соблазнительныхъ словъ сихъ, и понявъ ихъ не можетъ иначе, какъ несчастнымъ для себя образомъ.“

— Ахъ! не говорите ешаго о свободѣ — сказалъ Флоценъ: — она есть наилучшая принадлежность чловѣка, истинное отличие благородства его, причина мужества его, душа всѣхъ добродѣтелей. —

„Свобода“ отвѣчалъ Меранъ: „есть иѣлебной, но крѣпкой напипокъ, котораго умѣренное употребленіе веселишь, ободряетъ и возвышаетъ сердце; но излишнее — дѣлаетъ чловѣка безумнымъ, свирѣпымъ, даже бѣшенымъ. Ваши Клеанты ложными своими умешвованіями хотяшь обратишь насъ къ соспоянію естественному, чтобы рѣшишь, какими

должны мы быть въ состояніи гражданскомъ. Если и принявъ, что естественное состояніе существовало, какъ они утверждаютъ; то какое сходство между людьми, обитающими въ лесахъ, свободными и независимыми, но безпомощными, и по тому самому не имѣющими никакихъ обязанностей, — и людьми, живущими въ городахъ и селахъ, людьми, которыхъ нужда соединила, но которыхъ раздѣляютъ частныя выгоды и самолюбіе, людьми, которые, ужасаясь собственныхъ страстей своихъ, по неволѣ должны были подчинить ихъ законамъ, дабы предупредить раздоры и бѣдствія!“

— Всякой знаетъ — сказалъ Флоценъ: — что свобода человека, живущаго въ обществѣ, не есть свобода дикаря, и что онъ, будучи обязанъ повиноваться законамъ, можетъ дѣлать только то, что законы дозволяютъ; никто не споритъ противъ ешаго: однакожъ между народомъ свободнымъ и народомъ пора-

бощеннымъ есть различіе. Одинъ самъ себѣ повинуется; другой подчиненъ законамъ, кошорые предписали сила и необходимость.

„Были примѣры“ отвѣчалъ мудрецъ: „что сила и необходимость предписывали хорошіе законы; были также примѣры, что происки народныя, заблужденіе, приспращіе, буйство, предписывали законы самыя негодныя. Не на то надобно смотрѣшь, кто сочинилъ законы, но на то, какіе сочинены: вотъ что важно для свободы. Законы справедливыя и мудрыя суть даръ небесный, и народъ, повинующійся хорошимъ законамъ, не спонетъ подъ бременемъ рабства.“

— Хорошими законами называютъ — сказалъ Флоценъ: — кошорые дѣлають людей сколько возможно счастливейшими. — „Скажице лучше, сколько возможно менѣе несчастными;“ отвѣчалъ Меранъ: „ничего болѣе и желать не должно; все прочее обманъ. Тотъ врагъ народа,

кто обманываетъ его, кто вселяетъ въ немъ желаніе достигнуть до такой степени счастья, до которой никогда не можно достигнуть. Вездѣ, во всѣ времена, шрудъ былъ участію большаго числа людей; къ чему простаго народа скажу, что онъ еще чувствуетъ и — не жалуется, развѣ когда выведутъ его изъ терпѣнія. Онъ знаетъ, что судьба опредѣлила ему въ удѣлъ работу, простоту и умеренность; съ младенческихъ лѣтъ учища привыкаетъ къ образу своей жизни, и оспается ею доволенъ, ежели только ни что не нарушаетъ его спокойствія и безопасности. Но толкуйте ему, что неравенство состояній и имѣній должно быть для него оскорбительнымъ; толкуйте, что всѣ гражданскіе законы противъ него несправедливы; устремите его вниманіе на естественное состояніе, въ которомъ, по вашему, всѣ люди свободны, всѣ равные имѣютъ право владѣть землею, точно какъ и дышать воздухомъ, всѣ независимы, всѣ

равны между собою: народъ, покорный законамъ гражданскимъ, довольный своимъ жребіемъ, спанетъ безпокойсья, спанетъ жалѣнь о томъ, чего не имѣетъ, съ досадою смотрѣть на ваши преимущества, возненавидитъ работу, и сдѣлается несчастнымъ, забывъ привычки и нравы своего состоянія, которыя прежде были источникомъ его благополучія. А когда къ ложному понятію о равенствѣ, которое кажется ему прекраснымъ, еще присоединится понятіе о неограниченной свободѣ, или, что все равно, о своевольствѣ; тогда города и села неминуемо будутъ разграблены злодѣями. Надивись не могу дерзкой безпечности господъ философовъ, которые распространяютъ ложныя правила свои, ни мало не заботясь о слѣдствіяхъ.“

— Пускай народъ уменъ, или глупъ — сказалъ Флоценъ: — пускай справедливо, или несправедливо жалуется; но когда онъ недо-

воленъ своимъ состояніемъ, развѣ не имѣешь
права перемѣнить его? развѣ не имѣешь
права располагать собою, къ чему бы пере-
мѣна ни послужила, ко вреду, или къ
пользѣ? — „Можешь, прилѣжно обду-
мавши свое намѣреніе, и подтвердивши
оное общимъ согласіемъ всѣхъ членовъ;
но располагая самъ собою, не коснешся
ли онъ чужихъ правъ?“ — Не долженъ
касаться; права другихъ ненарушимы,
священны. —

„Вы пошчасъ увидише“ продол-
жалъ Меранъ: „можешь ли народъ рас-
полагать собою, не касаясь чужихъ правъ.
Человѣческая жизнь недолговременна; но
бышіе политическое цѣлаго народа про-
должаются многіе вѣки. Оно течетъ,
какъ рѣка; поколѣнія сучь по же, что
волны, изъ коихъ одна слѣдуетъ за
другою. Слѣдственно бышіе политиче-
ское народа не принадлежитъ поколѣ-
нію людей, живущихъ въ одно время.
Нынѣшнее поколѣніе должно передать
будущему то, что получило отъ предъ-

шедшаго. Оно можетъ пользоваться стяжаніемъ предковъ своихъ, можетъ увеличитъ его; но не имѣетъ права уменьшать. Благо общее находится въ рукахъ его, какъ драгоцѣнность, сберегаемая для потомства; нынѣшнее поколѣніе не можетъ разрушитъ его, какъ я не имѣю права обижать васъ. И такъ, чѣмъ узнать, воленъ ли народъ перемѣнить правленіе, законы, установленія, которыми получилъ отъ предковъ, надобно прежде изслѣдовать, будетъ ли сія перемѣна полезна для потомковъ; ибо, дѣйствуя по своей волѣ, дѣйствуя подобно существу независимому, отдѣленному отъ всего, онъ истребилъ бы драгоцѣнные памятники предковъ и сдѣлалъ бы великой вредъ потомству.“

— Все это весьма ясно — сказала г-жа Жоффрень: — однакожь благо общественное всегда будетъ во власти нынѣшняго поколѣнія; кто удержишь его, когда по безразсудству своему оно вздумаетъ все переиначить? — „Кто удержишь, суда-

рыня?" отвѣчалъ Меранъ: „хранители
наслѣдственнаго блага народовъ; ибо, по
счастію, сіи хранители всегда были и
будутъ. Народъ надобно вести къ поле-
зной цѣли, и не давая ему воли идти,
куда самъ захочетъ, — такъ всегда было и
будетъ. Вся вольность, копорою шѣ-
шашъ его, состоитъ въ томъ только,
что онъ перемѣняетъ своихъ пушеводи-
телей. Иногда истинное достоинство,
добродѣтель, мудрость, обширныя свѣ-
дѣнія и дарованія, соединенныя въ че-
стномъ человѣкѣ, обращающъ на себя
вниманіе народа и получающъ право на
его довѣренность: это самое лучшее для
него время; иногда, и по большей части,
происки, хитрость, обманъ, ослѣпленіе,
коварное краснорѣчіе, золото, ласка-
тельство и подлое угожденіе приобрѣ-
тающъ его благосклонность: народъ то-
гда рабствуетъ, когда почиаетъ себя
совершенно свободнымъ; скопища его,
мяшежи, ненависть, мщеніе, всѣ его по-
ступки управляюща чужими спростя-

ми, между тѣмъ какъ народъ думаетъ, что никому не повинуются, что все дѣлается по своей волѣ. Говорятъ, будто народъ самъ себѣ даетъ законы! Когда народъ былъ въ состояніи дать себѣ законы? Достоинство наилучшихъ законовъ состоитъ въ томъ, что они благообщее соглашаютъ съ благомъ частнымъ. Много ли найдете въ толпѣ народной головъ, кои вмѣщали бы въ себѣ понятіе о благѣ общемъ и частномъ? много ли умовъ, кои могутъ согласить одно благо съ другимъ? Земледѣлецъ, купецъ, сельской житель и городской забудутъ ли собственную пользу, или захотятъ ли свое благо подчинить благу общему, которое до нихъ не касается, и о которомъ они вовсе не вѣдаютъ? Ремесленникъ въ своей рабочей, купецъ за письменнымъ столомъ, земледѣлецъ на гумнѣ, думалиль о тѣхъ безчисленныхъ отношеніяхъ, копорыя должны вмѣщаться въ хорошихъ законахъ? Всякому изъ нихъ жаль опадать часть своей свободы, или

имущества для общей пользы и безопасности. По сей-то причинѣ легко склоняешь народъ къ новымъ переменамъ. Ахъ, молодой человекъ! пусть народъ почитаетъ жестокими своими неприятелями тѣхъ людей, кои оправляютъ его учениемъ ложной философіи. Посмотри на пьянаго человека: чѣмъ слабѣе голова его и нѣтъ, тѣмъ онъ упрямѣе, тѣмъ неговорчивѣе, когда приятель подаетъ ему руку, предлагаетъ ему помощь, и хочетъ весели его. Таковъ и народъ: чѣмъ онъ безразсуднѣе, пьянѣе онъ не исповснваетъ, тѣмъ упорнѣе спойтъ въ требованіи, чшобъ дали ему волю управлять собою; въ такомъ случаѣ любовь къ господству, къ независимости сушь въ немъ самая бѣшеная спрасн. Не довольснвуясь своею свободою, онъ хочетъ самъ быть господиномъ, шира-номъ; въ первомъ движеніи своемъ спре-мися все опровергнушь, разрушишь, уничпжишь. Но онъ долженъ знать, что пошомки уничпжашъ и его дѣло.

какъ онъ уничижилъ дѣло своихъ предковъ. Такимъ образомъ и выдешъ, что никакое учрежденіе, никакой договоръ сего народа не могутъ быть долговѣчны. Политическое зданіе, на пескѣ основанное, безпрестанно будетъ колеблемо вѣтрами спрасей противоположныхъ. Такой народъ долженъ быть увѣренъ, что попомсшво будетъ презирашъ его, равно какъ онъ презиралъ своихъ предковъ.“

— Однакожъ вы вѣрно и того не хотите — сказалъ Флоценъ: — чтобы народы были, подобно Кипайцамъ, порабощены стариннымъ своимъ узаконеніямъ? — „Я не хочу ничего излишняго;“ отвѣчалъ Меранъ: „впрочемъ, соблазнъ непостоянства кажется мнѣ опаснѣе, нежели власть привычки. Не перестану думать, что для народа самое опасное, самое страшное время то, въ которое возносятъ права его, твердяшъ ему о власти надъ самимъ собою, увеличивающъ на словахъ несчастія его, возбуж-

дающъ въ немъ гордоспъ, честполубіе и суешныя надежды, совѣшуютъ ему распоргнутъ свои узы и перемѣнитъ свою долю. Правда, въ теченіе вѣковъ появлялись люди испиинно добродѣтельные, искренніе друзья челоѣчества, копорые симъ языкомъ говорили народу; за то на каждаго такоао доброхоша было по тысячѣ обманщиковъ и честполубцевъ, копорые вводили народъ въ заблужденіе для гнусной корыспи.“

Въ епо самое время коляска наша приближилась къ ворошамъ дома г-жи Жоффренъ. — Благодарю васъ, любезной другъ! — сказала она: — вы опкрыли истину молодому путешественнику. Желала бы я знатъ, чѣмъ Клеантъ и ему подобные философы могутъ опровергнутъ ваши доказательства. — „О, сударыня! они рѣшипельно объявлятъ, что епо спаринныя сказки, и что самъ рассказикъ долженъ быть какой-нибудь добренькой спаричокъ, присяжный рабъ привычекъ и мнѣній своего времени.“

Мармонтель.

СЧАСТЛИВОЕ ЛИЦЕМѢРСТВО.

П О В Ъ С Т Ъ .

При концѣ зимы, на спрасиной недѣлѣ, молодой Графъ Арманъ обѣдалъ въ госпяхъ, и не могши дождаться своей кареты, рѣшился опсправиться домой пѣшкомъ. Когда онъ шелъ по улицѣ Б*, вдругъ полившійся дождь заспавилъ его вбѣжать въ церковь. Монахини за рѣшеткою пѣли вечерню. Спусти чепверть часа Арманъ вспалъ съ мѣспа и хопѣлъ выдти; но послѣ короткаго молчанія раздалось въ церкви восхитительное пѣніе: голосъ, выходившій изъ за рѣшетки на хорахъ, былъ такъ пріятенъ, что Графъ спяшь сѣлъ и расположился слушать. Невидимая особа пѣла съ совершеннымъ искусствомъ. Хопя Арманъ былъ напишанъ правилами новой философіи; однакомъ небесной голосъ, доходявшій до сердца, производилъ въ немъ сладкія впечатлѣнія, и придавалъ окружающимъ предметамъ

прогнѣвающую, поржесшвенную наружность. Арманъ, наслаждаясь ангельскимъ пѣніемъ, съ чувствомъ благоговѣнія смотришь на черныя покрывала, на жершвенникахъ лежащія; смотришь на гробницу, у которой признашельное благочестіе, проспершись передъ Распяшіемъ, въ безмолвіи размышляетъ о таинствѣ искупленія... смотришь съ робостію на символическіе свѣшильники, погашаемые по пропѣшіи каждаго спиха Все напоминало о жершвѣ, о благодѣянніи, о любви неизреченной; все изображало задумчивость, печаль, благодарность. Голосъ умолкъ; свѣшильники угасли; едва можно было видѣть Свяшой гробъ, слабо освѣщаемой лампадою, завѣшенною чернымъ флеромъ Арманъ предается глубокому размышленію. Подходитъ монахиня, собирающая подаяніе. Графъ опамашивается, кладетъ деньги и спрашиваетъ, не монастырская ли послушница пѣла такъ искусно? — „Нѣтъ, сударь“ отвѣчаетъ.

монахиня: „это дѣвица Ермина Вельмаръ.“ — Какъ! дочь Маркизы Вельмаръ, которая живешь недалеко отсюда? — „Точно.“ — Сколько ей лѣтъ? — „Девятнадцать.“ — Слѣдственно, она въ монастырѣ воспитывается? — „Нѣтъ; Маркиза и дочь ея каждой годъ проводятъ съ нами всю спраспную недѣлю.“

Разговоръ кончился. Арманъ, по дѣйствию оставшатася впечатлѣнiя столь необыкновеннато, не осмѣлился спросить, какова собою Ермина; вздохнулъ, вспалъ и вышелъ. Въ тотъ же вечеръ ему случилось ужинашь у Баронессы Урзель, богатой вдовы, сорокалѣтней кокешки, щеславной, легкомысленной и любящей злословіе. У нее было двѣ дочери, изъ которыхъ старшую сильно хотѣлось ей выдать за Армана. Аглая — это имя ея — имѣла наружность не совсѣмъ правильную; въ восемнадцать лѣтъ отъ роду уже цвѣтъ лица ея поблекъ отъ румянъ, танцованья, жеманства, и лишилась свѣжести, приличной ея возрасту;

не смотря на то, мужчины хвалили ее физиономію. Живые глаза, красивые волосы, тонкой станъ, искусство наряжаться, знаніе свѣта, принужденная чувствительность, напаянная ловкость, желаніе нравиться благодаря симъ причинамъ, Аглая прослыла умницей и красавицей. Она въ самомъ дѣлѣ не имѣла никакихъ познаній, ни дарованій, кромѣ того, что отличалась въ танцахъ, — однакожь показывали рисунки будто бы ее работы; совсѣмъ не имѣла голоса — не смотря на то, пѣла очень приятно съ своимъ учителемъ, которой умѣлъ закрывать недоспашки ученицы. Ее любили слушать играющую на клависинѣ, потому что обыкновенно два или три искусные музыканта помогали ей своими инструментами. Ето служило доказательствомъ, что съ хитрыми уловками, съ приговорствомъ, съ деньгами, легко можно пропустишь о себѣ молву, какую угодно. Есть много славныхъ людей, которые съ пошерею имѣнія непременно

лишились бы своей знаменитости. Такие люди не приобретают таланты, но только занимают ихъ. Тому болѣе ничего не надобно, кпо хочешь блистать въ кругу ласкателей.

Арманъ не былъ влюбленъ въ Аглаю; не смотря на то, всѣ его приятели хотѣли, чшобы онъ женился на ней, всѣ старались выхвалять передъ нимъ ея достоинства. Графъ вездѣ слышалъ о ней самыя вытодныя отзывы; всѣ люди большаго свѣта, по легкомыслию своему, повсюду рали слова другихъ въ ея пользу. Чего не лзя сдѣлать съ юношею, даже съ зрѣлымъ мужемъ, разгорячая его воображеніе и льстя его самолюбію? Общій порокъ свѣпскихъ людей состоить въ томъ, что они сами ни о чемъ не судяшъ, но повинуются мнѣнію другихъ. Удивленіе, чему бы то ни было, самое неосновательное, спановишся эпидемическою болѣзнію, если оно сдѣлалось предметомъ разговоровъ въ праздныхъ общесшвахъ. Арманъ поздравлялъ себя съ вы-

боромъ такой славной дѣвицы, и былъ уже почти готовъ жениться на ней, хотя еще не открывалъ ей своего намѣренія.

Въ тотъ вечеръ ужинало множество гостей у Баронессы. Арманъ завелъ разговоръ объ Ерминѣ. Никто не зналъ ее, кромѣ Аглаи и Баронессы, которая была въ свойствѣ съ Маркизомъ Вельмаромъ; она отвѣчала на всѣ вопросы. Женщины спросили, притожа ли дѣвица Вельмаръ? Арманъ старался не проронить ни одного слова. „Она была бы довольно изрядна,“ отвѣчала Баронесса: „еслибъ умѣла казаться болѣе приличною, болѣе ловкою. Представьте себѣ дѣвушку, которая не умѣетъ ни одѣться, ни войти въ комнату!“ — Спранное дѣло! — примолвилъ толстой мущина въ черномъ плащѣ: — г-жа Вельмаръ была въ свое время мила и прекрасна, да и теперь еще кажется любезною, даромъ что набожной нарядъ. . . . — „Набожной нарядъ!“ подхватила Баронесса съ громкимъ

смѣхомъ, и продолжала самымъ приятнымъ голосомъ: „прошу, сударь, не сочиняшь эпиграммы на мою родспвенницу!“ Потомъ опять захохотала и разлила удовольствіе веселости на все общество. Толстой мущина, которой совсѣмъ не думалъ насмѣхаться и коптой во всю жизнь свою не сочинилъ ни одной эпиграммы, обрадовался нечаянной удачѣ, и для поддержанія успѣха рѣшился явно шутить надъ благочестіемъ г-жи Вельмаръ. Одинъ изъ собесѣдниковъ замѣтилъ, что г-жа Вельмаръ очень умна, и что слѣдственно ея набожность должна быть прищворна. Баронесса одобрила ея замѣчаніе значительною улыбкою. „Однакожь, скажите“ возразилъ Арманъ: „къ чему послужилобы лицемѣрство въ наше время? Я думаю, набожность теперь не лзя обратишь на себя вниманія; теперь ея не лзя ни войти въ милость, ни приобрести уваженія.“ — Теперь ея можно сдѣлаться оштраннымъ, чудакомъ. — „Надобно признашься, что человекъ

съ умомъ найдешь для себя другія средства оплотившися, менѣе скучныя, менѣе шитоспныя.“ Сказавши ешо, Баронесса сѣла за каршы. Арманъ, не рѣшась играть, оспался подлѣ Аглаи, копорая продолжала прежній разговоръ, и сердечно жалѣла о дѣвицѣ Вельмаръ. „Бѣдненькая!“ наконецъ сказала Аглая: „она, по причинѣ дурнаго воспитанія, не обрабошала своихъ шаншовъ, и пошому должна вести образъ жизни, неприличной ея лѣшамъ.“ — Она поешъ превосходно. — „Да, вѣроятно церковныя концершы.“ — Скажите, умна ли она? — „Безчеловѣчно было бы судить объ умѣ дѣвушки робкой и незнающей свѣта.“ — Понимаю; а ея характеръ? — „Она воспитана въ такомъ смѣшномъ принужденіи, что характера ея узнать не лзя, а только можно объ немъ догадывашься.“

Разговоръ симъ кончился. Арманъ въ продолженіе вечера былъ менѣе привѣтливъ, менѣе забавенъ, нежели прежде; ему предспавилась въ дурномъ видѣ склон-

ность Аглаи къ насмѣшкамъ, къ ядовитой колкости. Послѣ ужина Аглая зашла; Арманъ удивился, замѣтивъ, что голосъ ея былъ не самой приятной — и вспомнилъ объ Ерминѣ.

Арманъ, имѣя отъ роду только двадцать девять лѣтъ, былъ вдовъ уже два года послѣ несчастливаго супружества. Его жена, до крайности преданная распущенности, умерла при окончаніи пышнаго карнавала отъ горячки, — обыкновенно слѣдующей за удовольствіями сего рода. Графиня Арманъ, вмѣсто приятныхъ напоминаній, оставила мужу долги; не смотря на то Графъ, изъ уваженія къ памяти ея, не перервалъ тѣсной связи съ шуриномъ своимъ, распутнымъ человекомъ, который проводилъ время въ однихъ только постыдныхъ удовольствіяхъ, но впрочемъ нравился своимъ остроуміемъ и веселостію. Арманъ, одаренный душою чувствительною и доброю, оплакивалъ заблужденія Кавалера Ельмора (такъ назывался его шуринъ);

соужалъ. его деньгами и давалъ полезныя совѣты. Кавалеръ отвѣчалъ шутками, смѣшилъ Графа, не сердился за совѣты, и продолжалъ губить время и здоровье по прежнему.

Въ концѣ Апрѣля мѣсяца, въ одинъ день поутру Арманъ увѣдомился, что заимодавцы посадили въ пюрью Ельмора. Ввечеру онъ посѣтилъ своего шурина и провелъ съ нимъ цѣлой часъ. Идучи домой, на дворѣ повспрѣчался съ двумя господами, копорыя вели ченырехъ шариковъ, освобожденныхъ ими изъ темницы. Обѣ Госпожи были завѣшены черными, большими покрывалами. Арманъ спросилъ у пюремнаго пристава, не знаешь ли онъ, кто таковы ещи женщины? — „Какъ не знашь!“ отвѣчалъ приставъ: „я ихъ здѣсь вижу не въ первой разъ; ещо знатныя дамы.“ — Кто же онѣ? — „Маркиза Вельмаръ съ дочерью.“ Арманъ пустился было догонять; но дамы, вышедши за ворота, сѣли въ карету и уѣхали. Была ночь, —

слѣдственно Арманъ ничего не могъ примѣшнѣ, кромѣ того что женщина, которая шла позади, имѣла станъ самой прелестной. Ея встрѣча сдѣлала въ немъ сильное впечатлѣніе и подала поводъ къ размышленіямъ на цѣлыя сутки. Шумъ свѣтской заглушилъ въ немъ воспоминаніе о семъ происшествіи.

Графъ каждой день хлопоталъ о дѣлахъ своего шурина. Въ одно утро, когда онъ ѣхалъ онъ спрятано, но несчастію случилось кучеру его опрокинуть бѣдную женщину на серединѣ улицы; Арманъ тотчасъ велѣлъ остано-
 виться; подняли женщину, которая получила рану отъ паденія, и отнесли ее въ ближайшую лавку. Арманъ, отдавши ей всѣ свои деньги, и видя, что толпа любопытныхъ увеличивается, приказалъ ударить по лошадямъ и ускакалъ. На другой день по утру, ѣдучи по той же улицѣ, онъ узналъ лавку, остановился, вышелъ изъ кареты и спросилъ о состояніи бѣдной женщины. „Она по-

вредила себѣ ногу“ отвѣчала торговка : „по счастью на ту пору была у меня въ лавкѣ одна прекрасная барышня съ своею надзирашельницею, поспѣшнѣе перевязала рану и. . .“ — Какъ, барышня! можно ли? — „Увѣряю васъ; она велѣла перенести больную въ заднюю комнату, изорвала плашки свои и надзирашельницы, надергала корпіи, сдѣлала перевязку. . . .“ — Не знаете ли, какъ называется она? — „О! это знашная особа; ея имя дѣвица Вельмаръ.“ — Боже мой! — „Развѣ и вы знаете ее? Это настоящій Ангелъ, не правда ли?... Если бы вы видѣли, съ какою заботливостію она перевязывала больную! истинная Сестра Милосердія! . . . попомъ взяла ее въ свою карету и отвезла къ ней домой.“ — Домой? — „Точно; она живетъ недалеко отсюда, на концѣ улицы, подлѣ лавки съ духами.“ — Пойду узнать объ ея здоровьѣ. — Арманъ выбѣгаетъ изъ лавки, величнѣе везти себя въ бѣдной женщинѣ, подѣзжаетъ къ дому,

всходитъ на четвертое жильё; дверь была не крѣпко заперта; онъ толкаетъ въ нее, отворяетъ, идетъ въ комнату, видитъ подлѣ постели двухъ женщинъ — Ермину и ея горничную — и Лѣкаря, перевязывающаго больную. Ермина, взглянувъ на Графа, казалась удивленною. Она не была красавица во всемъ совершенствѣ; но свѣжестъ юнаго возраста, невинностъ, милая фizioномія, выражавшая искренностъ и чувствительностъ — все ещо дѣлало Ермину сколько прелестною, что глазамъ Армана показала она болѣе нежели красавицею! . . . Онъ видалъ многихъ прекрасныхъ женщинъ въ роскошныхъ кабинетахъ, видалъ ихъ небрежно сидящихъ на бархатныхъ диванахъ, окруженныхъ богатыми занавѣсами и зеркалами. . . . но Ермина на чердакѣ, Ермина подлѣ нищенскаго одра, Ермина служащая бѣдной женщинѣ помрачила въ его воображеніи всѣ роскошныя карпины. Сердечное участіе, святое человеколюбіе

придавали ей ангельскую наружность. . . .
 Какая прогашельная прошивуположность
 между свѣжестію цвѣщущаго возраста и
 томноспію лица, опъ бѣдності и спра-
 даній изнуреннаго! Арманъ пораженъ
 былъ чувспвомъ споль новымъ, споль
 сильнымъ, споль восхипишельнымъ, чшо
 забылъ объявишь о причинѣ своего посѣ-
 щенія. Ему казалось, чшо въ первой
 разъ видишь не красавицу, но женщину;
 онъ съ умиленіемъ взиралъ на любезное
 сущесво, созданное опъ напуры сла-
 бымъ, нѣжнымъ и чувспвишельнымъ един-
 ственно для того, чшобъ любить и
 опирашь слезы, — взиралъ на сіе сущес-
 сиво, не получившее въ удѣлъ силы, по-
 требной для защищенія, но одаренное
 прелеспами, которыя нужны для ушѣ-
 шенія смертныхъ, — на сіе сущесво
 скудельное, боязливое, которое,
 повинуюсь внутреннему побужденію,
 ищеть сокрытыхъ мѣспъ и уединенія.
 Творецъ изрекъ: „Слава не для тебя
 назначена; Я даровалъ тебѣ гораздо бо-

лѣе: Я вмѣстилъ въ сердцѣ твоемъ сокровища жалости; распочи ихъ, изливай на землю твои благодѣянiя.“ — Арманъ подходитъ, не чувствуя того смѣшенiя, которое рождается отъ возрѣнiя на предметъ соблазнительный; душа его наслаждалась воспортомъ праведника, бесѣдующаго съ небожителями. Онъ объявилъ съ чувствомъ состраданiя, что „кучеръ по несчастной оплошности опрокинулъ бѣдную женщину, и что онъ пришелъ — было подать спраждущей нужную помощь, но видишь, что нѣтъ въ томъ никакой надобности.“ Ермина закричала. Арманъ имѣлъ осторожность не говорить ничего лишняго, хотя и привыкъ всякую женщину осыпать похвалами. Онъ чувствовалъ, что прелестная незнакомка не одобрила бы похвалъ на счетъ поступка богоугоднаго, дѣлаемаго вшайнѣ. Острое словцо, скочокъ въ панцахъ, пѣсенька, заставляющъ кричать, бить въ ладоши, изумляться; добродѣтельный подвигъ, вмѣсто при-

нужденнаго минушнаго восторга, раждаетъ въ душѣ тихое, продолжительное удовольствіе. Кпо въ подобномъ случаѣ показываешь изумленіе, пошъ представляешь себя челоѣкомъ, неумѣющимъ цѣнить добраго дѣла, копорому — какъ бы впрочемъ ни было оно чрезвычайно — благородная душа удивляется съ крошкимъ умиленіемъ. Ермина не отвѣчала ни слова. Лѣкаръ сказалъ, что по челоѣколюбивому попеченію дѣвицы Вельмаръ больная скоро оправившя, пошому что рана, хошя довольно опасная, перевязана въ надлежащее время.

Ермина ожидала своей матери, которая, ославивъ ее съ Лѣкаремъ у бѣдной женщины, сама отправилась посѣщать другихъ несчастныхъ, и должна была скоро возвратишя. Когда перевязали больную, Ермина отошла отъ поснели и сѣла на стулъ. Начался общій разговоръ; Ермина говорила мало, но съ такою любезною кротостію, что Арманъ не могъ не плѣнишя ея бесѣдою.

Черезъ полчаса услышали стукъ кареты, остановившейся на улицѣ: епо была Маркиза Вельмаръ. Ермина поспѣхъ вспала, поклонилась и вышла. Арманъ въ глубокой задумчивости долго смотрѣлъ на дверь; наконецъ, опаматовавшись, подошелъ къ постели бѣдной женщины, и спросилъ объ ея имени. — „Меня зовутъ Магдалиною.“ — Вы за мужемъ? — „Я вдова, оставшаяся съ двумя маленькими сиротами.“ — Гдѣ ваши дѣти? — „Они теперь у сосѣдки; сего дня ввечеру придутъ ко мнѣ.“ — Чѣмъ вы занимаетесь? — „Шью бѣлье, и часпосижу безъ работы. Я должна была хозяину за наемъ комнаты за три мѣсяца; теперь, слава Богу! по милости вашей и великодушной госпожи могу расплатиться.“ — Я обязанъ о васъ заботиться Но дѣвица Вельмаръ? . . . — „Ахъ, сударь! какъ она милостива!“ При семъ восклицаніи глаза Армановы наполнились слезами; чувство доброты и состраданія проникло его душу. — Бѣдная

Магдалина! — сказалъ онъ съ горячностію: — опнывъ будьте спокойны и берегите только свое здоровье; вамъ не нужно работашъ для пропитанія: обѣщаюсь ежегодно выдавашъ вамъ по шести сотъ ливровъ; за первую четверть получите въ сію мину. Графъ тотчасъ кладетъ деньги на постелю Магдалины, и не давъ ей времени изъяснить радость свою и благодарность, поспѣшно уходитъ. Арманъ распросилъ въ домѣ о поведеніи Магдалины; всѣ отзывались о ней, какъ о доброй и честной женщинѣ. Онъ нанялъ служанку для смотрѣнія за больною, обѣщался на другой день опять приѣхашъ — приѣхалъ въ самомъ дѣлѣ, и каждой день посѣщалъ Магдалину, однакожъ никогда не видалъ у нее Ермины, которая сама уже не приѣзжала къ больной, но присылала навѣдывашся объ ея здоровьѣ. Когда Магдалина совершенно выздоровѣла, Арманъ пригласилъ ее съ дѣтьми жить въ своемъ домѣ.

Признательная Магдалина немедленно переселилась въ домъ Армана и заняла прекрасныя комнашки, нарочно для нее приготовленныя. Арманъ въ тошъ же самой день совѣщавалъ ей идти къ дѣвицѣ Вельмаръ, и поблагодарить ее за милости. Магдалинѣ самой хошѣлось исполнить сію должностъ. Ермина приняла ее благосклонно, и продержала у себя довольно долго. Магдалина хвалилась своимъ благополучіемъ; ее слушали съ видомъ участія. По возвращеніи домой, Арманъ сдѣлалъ ей множество вопросовъ, и говорилъ съ нею объ Ерминѣ болѣе часа.

Кавалеръ Ельморъ освободился изъ тюрьмы. Арманъ не могъ уже извиняться дѣлами своего шурина, и снова долженъ былъ явиться у Баронессы Урзель. Онъ сморѣлъ на Аглаю уже не такими глазами, какъ прежде; примѣпилъ, что она говорила слишкомъ много, говорила тономъ рѣшительнымъ; ухвaпки ея показались ему слишкомъ вольными, игра ли-

на совѣмъ не нравилась. Онъ приеодилъ себѣ на память крошкіе взгляды, благородную осанку, плѣняющій голосъ.... Сравнивая поддѣланныя прелести жеманства съ натуральною любезностію, съ пріяпностію простоты, съ невинностію добродѣтели, можно ли сомнѣваться въ выборѣ? Арманъ, выходя изъ дому Баронессы, сказалъ самъ себѣ: нѣтъ, Аглая никогда не будетъ моею.

Арманъ имѣлъ тѣсную дружескую связь съ Виконтомъ Рамилли, которой хотя былъ умница и энциклопедистъ, однакожъ наблюдалъ благоприспособленность въ разговорахъ, любилъ умѣренность во мнѣніяхъ и зналъ свѣтскія приличія.

Рамилли, будучи родственникомъ Маркиза Вельмара, часто посѣщалъ домъ его. Арманъ неопισпупно просилъ Виконта ввести его въ ешопъ домъ и представить хозяевамъ. „Какъ!“ спросилъ Рамилли: „не уже ли ты влюбленъ?“ — Я еще не увѣренъ въ томъ, однакожъ хотѣлъ бы опяшь жениться —

„А дѣвица Урзель?“ — О! я уже болѣе не думаю о ней; мы не созданы другъ для друга. — „Однакожь она прелестна, имѣешь дарованія, пылкой умъ, пламенное воображеніе“ — Будемъ чистосердечны, Виконшъ; не уже ли епихъ качествъ должно искашъ въ женщины; избираемой для супружескаго союза? Знаешь ли, другъ мой! мнѣ начинають казаться несносными женщины пылкія, страстные, ослѣпляющія своимъ блескомъ. Предсказываю тебѣ, что онѣ скоро выйдутъ изъ моды; ихъ ухватки, ихъ поведеніе, копорыми теперь онѣ опличаются въ нашихъ общеснвахъ, въ театральныхъ сочиненіяхъ, въ романахъ, всѣмъ неприличны ихъ нѣжному соснзаву, физическому и нравспвенному: все достоинство ихъ пола, все величіе ихъ характера должно соснзаться въ добродѣтельной рѣшительности исполнять священную должность свою. Пламенные женщины, копорыя, не радя о семействѣ и дѣтяхъ, посвящаютъ себя сентимен-

пальной дружбѣ, обо всемъ говорящъ рѣ-
 шительно, и набивающъ голову свою не-
 сбыточными мечтами, не имѣющъ здра-
 вато смысла; онѣ походящъ на дурныхъ
 пѣвцовъ, копорые поющъ невѣрно, опъ
 того что дѣлающъ усилія. — „Тебѣ,
 видно, надобна какая нибудь смиренная
 Агнеса? . . .“ — Мнѣ надобна жена раз-
 судительная, крошкая, благонравная,
 добродѣтельная. Не правда ли, что вкусъ
 мой *весьма испорченъ*, или по крайней мѣ-
 рѣ *спраненъ*? — „Такъ женись на дѣви-
 цѣ Вельмаръ. Только я вижу шущъ одно
 препятство, очень важное, а именно:
 Маркиза рѣшилась не выдавать дочери
 своей за философа . . .“ — Однакожъ,
 кажется, моя философія не надѣлала еще
 въ свѣтѣ столько шуму, чшобы могла
 помѣщатъ женищбѣ . . . — „На ещо не
 голайся; набожныя женщины знающъ
 по слуху обо всѣхъ философахъ, укра-
 шающихъ наши общесства. Если Маркизѣ
 неизвѣсны свои правила, то она по-
 ешарается развѣдать о нихъ, когда сша-

нешь свататься за ея дочь.“ — Ахъ, ешо правда! я въ опчаяніи... — „Ешъ средство...“ — Какое? — „Можно увѣришь Маркизу, что склонясь на ея совѣты и убѣждаясь ея примѣромъ, отрекаешься опъ философіи...“ — Такъ надобно, чтобы она сама начала увѣщавать меня. — „Она сдѣлаетъ ешо, если ты спашешь угождать ей, и заставишь принимать въ себѣ участіе. Какая боготомка не спарается обращаться къ православію? ...“ — Но обманывать... — „Ты одержалъ множество побѣдъ надъ женщинами; скажи, любезной Арманъ! можно ли понравиться имъ, не прибѣгая къ обманамъ?“ — Хорошо; предпавъ меня Маркизѣ, а тамъ... увидимъ. —

Спустя нѣсколько дней послѣ ешаго разговора, Виконтъ выпросилъ дозволеніе, и ввелъ Графа въ домъ Маркизы. Первое посѣщеніе скоро окончилось; однакожъ Арманъ былъ имъ доволенъ. Маркиза Вельмаръ приняла его очень ласково; Ермина покраснѣлась, когда онъ

явился. На третій день Арманъ опять приѣхалъ къ Маркизѣ, и пробылъ у нее долѣе нежели прежде. Когда прочіе госпи начали уходить, онъ сѣлъ подлѣ хозяйки. Маркиза спросила Армана о состояніи Магдалины, и взглянула на него такъ приятно, такъ благо-склонно, что сей вопросъ надлежало по-чищать похвалою. Арманъ въ поропливости перваго движенія уклонкою головы изъяснилъ свою признательность; но примѣтивъ, что смѣшно благодарить такимъ образомъ, покраснѣлъ и пришелъ въ замѣшательство. Г-жа Вельмаръ, которая не спускала съ него глазъ, улыбнулась. „Мнѣ очень приятно“ сказала она: „когда отгадываюшъ мысль мою; это показываетъ, что мы уже коротко знакомы другъ съ другомъ.“

— Ахъ, сударыня! — отвѣчалъ Арманъ: — я желалъ бы, чтобы вы имѣли ту проницательность, какую во мнѣ предполагаете. . . . Признаюсь, иногда она была бы для меня страшною; одна-

кожъ я увѣренъ и въ то, что весьма часто заслуживалъ бы ваше одобреніе. — Маркиза казалась довольною симъ оповѣ-
щеніемъ. Черезъ четверть часа Арманъ хо-
тѣлъ уйти; его удержали ужинать.

Г-жа Вельмаръ, пропивъ своего обы-
кновенія, не уѣзжала на лѣто въ дерев-
ню: дѣла мужа ее принуждали оставаться
въ Парижѣ. Арманъ весьма часто ѣздилъ
къ ней и всегда былъ принимаемъ благо-
склонно. Черезъ два мѣсяца онъ увидѣл-
ся съ Виконтомъ, который недѣль на
шесть отсутствовалъ изъ Парижа, и увѣ-
домилъ его объ успѣхѣ. „Наконецъ мож-
но поздравить тебя“ спросилъ Рамильи:
„ты влюбленъ?“ — Склонность къ Ерми-
нѣ — оповѣчалъ Арманъ: — ни усилилась
во мнѣ, ни ослабла, потому что я не
больше ее знаю, какъ и прежде; не смо-
тря на то, я твердо увѣренъ, что она
сдѣлается счастливымъ своего мужа. Ер-
мина является въ гостинной за часъ до
ужина, всегда садится подлѣ матери;
или совсѣмъ ничего не говоритъ, или го-

воришь по нѣскольку словъ самыхъ обык-
 новенныхъ; безпрестанно занимаешься
 шипьемъ, или другою какою нибудь ра-
 ботою; по видимому совсѣмъ не слу-
 шаешь, что говорятъ другіе; послѣ ужи-
 на потчасъ уходишь въ свою спальню:
 теперь самъ разсуди, могли ли я узнать
 умъ ея? — „Вопъ прямо старинное вос-
 пишаніе! Ешихъ нѣныхъ дѣвушекъ уда-
 ляюшь изъ гостинныхъ, и думаюшь шѣмъ
 предохранить ихъ отъ соблазновъ. . . .
 Какою показалась тебѣ сама г-жа Вель-
 маръ? — Умною и любезною женщиною.
 Я совсѣмъ иныя мысли имѣлъ о домѣ набо-
 жной женщины; мнѣ казалось, что тамъ
 должно бытъ до смерти скучно. . . —
 „Однакожъ и въ домѣ Маркизы злословіе
 въ чеспи, какъ и вездѣ. . .“ — О, на-
 прошивъ! Сама хозяйка ни объ комъ не
 говоришь дурнаго; если же госпи заводяшь
 разговоръ на счетъ ближняго, то Мар-
 киза или спарается перервать его, или
 молчишь, или защищаешь поносимыхъ. —
 „Клянусь тебѣ, что набожность ея не

искренна. . . .“ — Нѣтъ! Маркиза не умѣетъ припворяться. — „Искренность и благочестіе! и когда? въ осмнадцатомъ вѣкѣ! . . .“ — Прибавь еще, въ такое время, когда издана Енциклопедія! . . . —

Слѣдствіемъ сего разговора было условіе, чшобы Виконтъ, которому черезъ два дня надлежало ѣхать изъ Парижа, тогожъ вечера отправился къ г-жѣ Вельмаръ, и сдѣлалъ ей отъ Графа предложеніе о женихѣбѣ на Ерминѣ. Онъ въ самомъ дѣлѣ исполнилъ препорученіе; его спокойно выслушали, и отвѣчали, что — подумають. Восхищенный Арманъ питалъ себя сладкою надеждою. На другой же день онъ полетѣлъ къ Маркизѣ, и заспалъ ее одну. Лишь только онъ явился, г-жа Вельмаръ позвонила и велѣла не впускать никого: это значило, что надлежало ожидать изъясненія. Маркиза немедленно объявила со всѣмъ чистосердечіемъ, что изъ числа жениховъ, свѣтавшихся за ея дочь, Арманъ кажется ей болѣе выгоденъ по всѣмъ отношені-

ямъ, исключая одно. . . „Я не только не желаю“ продолжала Маркиза: „чтобы мужъ моей дочери испребилъ правила, мною напечатлѣнныя въ ея сердцѣ; но хочу даже, чтобы онъ имѣлъ съ нею одинакія мнѣнія; — ваши мнѣ извѣстны: вы не уважаете религіи.“ — Ваша правда, сударыня; — отвѣчалъ Арманъ: — однакожь несчастіе, которымъ вы упрекаете меня, произошло болѣе отъ легкомыслія, нежели отъ мнѣнія обдуманнаго. . . — „О! я увѣрена“ прервала Маркиза: „что многіе молодые люди, впрочемъ добрые и любезные, отвергаютъ религію по невѣжеству. Вы читали только такія книги, въ которыхъ содержатся насмѣшки и ругательства на счетъ вѣры. Извѣстны ли вамъ доводы, что всѣ несчастныя умствованія, васъ соблазняющія, суть не что иное, какъ нелѣпыя софизмы, сплетенія лжи и клеветы? . . .“ При семъ вопросѣ, произнесенномъ съ жаромъ, Арманъ чувствовалъ, что не захохоталъ, а особливо видя, что

Маркиза не шутя спарается обратишь его къ благочестию. Онъ удержался отъ смѣха, и отвѣчалъ съ важнымъ видомъ, что охотно опречется отъ своихъ мнѣній, если докажутъ ему, что онъ ложны. Маркиза вспала, сыскала двѣ большія книги (Письма нѣкоторыхъ Іудеевъ), и подавая ему, сказала: „Ето превосходное сочиненіе вамъ не наскучитъ; начинайте съ него; когда окончите, дамъ вамъ другія.“ Пошомъ велѣла отворишь дверь; вошли посторонніе люди, и бѣдной Арманъ избавился отъ мучительнаго разговора.

Г. Вельмаръ бывалъ Посланникомъ, и пошому принималъ у себя многихъ иностранцовъ. Въ шопъ вечеръ приѣхали къ нему два спарика, одинъ Нѣмецъ, другой Англичанинъ; первой говорилъ очень дурно пофранцузски; послѣдній не зналъ ни одного слова, хотя и былъ человекъ весьма ученый и извѣстный лингвисторъ. Когда сѣдись ужинашь, г. Вельмаръ приказалъ дочери заняшь мѣ-

ешо между иностранцами. Арманъ край-
не удивился шакому приказанію, не зная,
къ чему оно относится, и сѣлъ подлѣ
Англичанина, во первыхъ для того чшобъ
находиться поближе къ Ерминѣ, вовшо-
рыхъ, чшобъ разговаривать съ умнымъ
человѣкомъ, на котораго природномъ
языкѣ умѣлъ изъясняться.

Спусня нѣсколько минушъ, Арманъ
приведенъ былъ въ крайнее изумленіе,
когда услышалъ, что молчаливая Ерми-
на весьма бѣгло говорила съ Нѣмецкимъ
Барономъ. „Какъ!“ сказалъ онъ: „дѣ-
вица Вельмаръ говоришъ понѣмецки?“ —
— Точно — отвѣчала другой чужеспра-
нецъ: — она говоришъ понѣмецки шакъ
же хорошо, какъ и поанглійски. — Ска-
завши ешо, Англичанинъ обрашилъ рѣчь
свою къ Ерминѣ, копорая немного за-
краснѣлась, примѣшивъ, съ какимъ вни-
маніемъ смотришъ на нее Графъ Арманъ;
но отвѣчала на вопросы, и продолжала
разговоръ умно, живо и прияшно. Ее для
того и посадили между иностранцами,

чѣшбы занимаѣ ихъ; ибо они не могли браѣ участвіа въ общемъ разговорѣ. Ермина въ продолженіе ужина съ однимъ сосѣдомъ говорила понѣмецки, съ другимъ поанглійски, — говорила съ милою скромностію, но безъ застѣнчивости. Сіе новое открытіе восхищало Графа. Ермина была умна, ловка! Ермина хорошо воспитана! Ермина совершенная дѣвица!... Вспавши изъ за спола, Арманъ подошелъ къ ней и сказалъ: „Ахъ, сударыня! какъ былъ бы я счастливъ, еслибъ вашъ батюшка велѣлъ вамъ говорить со мною пофранцузски!“ — О! тогда я была бы гораздо скромнѣе — отвѣчала Ермина: — въ своемъ языкѣ не прощаюшъ погрѣшностей; — и поспѣшно удалилась, не дождавшись отвѣта. Арманъ цѣлой вечеръ не отспавалъ отъ Англичанина единственно для того, чѣшбы говорить объ Ерминѣ и хвалили ея достоинства. Съ ешаго времени онъ сдѣлался совершенно влюбленнымъ. На другой день Графъ началъ говорить съ г-жею Вельмаръ

о ея дочери, и изъяснялся съ жаромъ. „Не надѣйтесь найти въ ней“ сказала Маркиза „ничего болѣе, кромѣ того, о чемъ вы извѣстны. Ермина одарена разсудкомъ и памятью; я старалась образованъ умъ ея; выучила ее пѣть, примѣшивъ въ ней прекрасной голосъ. Ермина не любитъ никакого музыкальнаго инструмента, и я не почла надобнымъ принуждать ее къ такому упражненію, которое должно быть забавою. Она нѣсколько играетъ на клависинѣ только для голоса, и не можетъ дать концерта; совсѣмъ не танцуетъ; любитъ рисовать только цвѣты. Впрочемъ моя Ермина имѣетъ всѣ склонности, всѣ свѣдѣнія, нужныя для женщины: она можетъ хорошо управлять домомъ, и знаетъ сельское хозяйство. Наконецъ, смѣю увѣрить васъ, что она добра, благородна, бережлива, умна и добродѣтельна.“ — Ахъ, милостивая государыня! — вскричалъ Арманъ: — какъ внимательно спану читаешь Письма нѣкоторыхъ Гудеевъ! —

Арманъ обманывалъ Маркизу. Онъ много слышалъ объ епомъ сочиненіи; зналъ, въ чемъ состояло его содержаніе, и твердо рѣшился не обременять себя чтеніемъ толстыхъ томовъ. Виконна не было въ Парижѣ; Арману непременно хотѣлось говорить объ Ерминѣ; оставалось Ельмора сдѣлать повѣреннымъ души своей. — „Непонятное дѣло!“ сказалъ Кавалеръ: „какъ могло придти въ голову умной женщинѣ, будто нѣкоторыя книги перемѣняютъ мнѣніе въ человѣкѣ своего возраста! . . .“ — Епо самое показываешь ея искренность, и то сколько она увѣрена въ силѣ священныхъ доказательствъ. — „Женщины ни въ чемъ не сомнѣваются; чего онѣ сильно желаютъ, все то имъ кажется возможнымъ. Думаю, что ты скоро обратишься къ православію, и если Ермина въ самомъ дѣлѣ такъ прелестна, то благодать немедленно воспоржествуетъ надъ тобою.“ — Спѣшить не надобно; иначе откроется обманъ. Черезъ нѣсколько дней

опшведу книги, и припшворюсь, будто не-
 вѣріе мое поколебалось. . . . Но вошъ
 чшо для меня спрашно: Маркиза объяви-
 ла, чшо надобно прочесшъ еще нѣсколь-
 ко шомовъ. — „Видно, она выдасшъ за
 шебя дочъ свою не прежде, какъ перечи-
 шаешъ всю ея библіошеку: припшное за-
 няшіе!“ — Если будешъ ссужашъ неиз-
 вѣспными книгами, шо заспавишъ по
 неволѣ просматривашъ ихъ, чшобы по
 крайней мѣрѣ умѣшъ чшо нибудь опвѣ-
 чашъ на вопросы. . . — „Всего лучше,
 когда велишъ чипашъ своему секретна-
 рю.“ — Прекрасная мысль! шакъ и сдѣ-
 лаю. — „Однакожъ право можешъ слу-
 чишся, чшо на шебя навязушъ де-
 сяшокъ фоліаншовъ, — шогда не скоро бышъ
 свадьбѣ! Впрочемъ, если хорошо сыграешъ
 свою роль, шо надѣйся, чшо сокращашъ
 время швоего искуса.“ — Признаюсь те-
 бѣ, ешо припшворство спѣишъ мнѣ очень
 дорого; Маркиза сполько обязывашъ меня
 своею дружбою. . . . — „То-шо забав-
 но, если вы оба обманываешесь, если

философъ и богомолка дурачатъ другъ друга! . . . Не правда ли, что епо безподобно?“ — Божусь тебѣ, что г-жа Вельмэръ не лицемеритъ. — „Полно! всѣ святоши обманываютъ.“ — Я не спорю, что набожные мужчины всѣ Тартюфы; но женщины . . . — „И я не спорю, что женщины не умѣютъ . . .“ — Онѣ умѣютъ принимая на себя всѣ виды, но неспособны долго выдерживать занятые характеры. Онѣ хитры, но весьма рѣдко лицемерятъ въ набожности. — Арманъ всячески старался доказать, что Маркиза не притворствуешь. Искренность и довѣренность были главными чертами ея характера; она такъ была убѣждена въ святости религіи, что не умѣла вообразить себѣ, какъ можно — при здоровомъ смыслѣ, праводушіи и желаніи научиться — не вѣрить истинамъ столь яснымъ, столь очевиднымъ. Когда Графъ Арманъ привезъ назадъ книги, Маркиза тотчасъ повѣрила всему, что онъ ей сказалъ, и почла его обращеніе

къ благочестію столь несомнѣннымъ, что
удовольствовалась взятымъ опъ него
общаніемъ прочесть Мысли Паскалевы
и Сочиненія Боссюета. Арманъ охотно
согласился на все, чего опъ него требо-
вали; опдалъ упомянутыя книги своему
секретарю, который слегка пробѣжалъ
ихъ, и сдѣлалъ сокращенную выписку на
нѣсколькихъ страницахъ. Арманъ все вы-
училъ наизусть; по прошествіи одного
мѣсяца опдалъ книги, увѣряя, что чи-
талъ ихъ день и ночь, — что совер-
шенно убѣдился истинами религіи, —
что опрекается опъ мнимой философіи,
которой заблужденія обнаружены въ чи-
танныхъ имъ сочиненіяхъ, — что гну-
шается пагубными правилами вольнодум-
ства, и что впредь во всю жизнь свою
станетъ соображаться съ ученіемъ Рим-
ско - Католической вѣры. Торжествую-
щая Маркиза пролила слезы умиленія,
обняла Графа, и сказала съ восторгомъ:
Ермина ваша. — Арманъ, при всей ра-
дости своей, не могъ выслушать словъ

сихъ безъ внутренняго угрызенія; сердце упрекало его въ томъ, что за дружбу и довѣренность плашишь онъ постыднымъ лицемъріемъ. . . .

Г. Вельмаръ охотно согласился на замужство дочери, и Ермина съ кроткою чувствительностію покорилась волѣ родительской. Былъ назначенъ день свадьбы; между тѣмъ счастливый Арманъ имѣлъ дозволеніе присылать цвѣты къ любезной своей Ерминѣ, и проводишь вечера съ нею вмѣстѣ. Въ ихъ разговорахъ не слышно было слова любовь. Арманъ думалъ, что швердя о любви, оскорбишь нѣжнѣйшую склонность, питаемую въ сердцѣ; думалъ, что для чувства, спользоваго, надлежало выдумать новый языкъ. Скоро онъ приобрѣлъ довѣренность Ермины. Съ какимъ восхищеніемъ открывалъ невинность ея сердца! Положено провести конецъ лѣта въ помѣсть Маркизы Вельмаръ; Ермина, говоря объ удовольствіяхъ, которыя вкушала въ деревнѣ, совсѣмъ безъ намѣренія произносила

самую выгодную похвалу своему характеру и своимъ чувствамъ. Графъ слушалъ ея бесѣду, и предварительно наслаждался увѣренностію въ будущемъ своемъ счастіи.

Наконецъ насталъ день желанный. Перваго числа Сентября Графъ Арманъ получилъ руку Ермины; немедленно по совершеніи обряда отправились въ Лимузенъ, гдѣ надлежало провести два мѣсяца.

Арманъ совсѣмъ не намѣренъ былъ сдѣлать жену свою вольнодумкою, зная, что такое превращеніе лишилобъ ее многихъ приятностей, и заставилобъ забыть многія полезныя правила. Однакожъ ему хотѣлось мало по малу смягчить ея суровость, хотѣлось приучить ея къ блестящимъ забавамъ большаго свѣта: тщеславіе и самая любовь утверждали въ немъ сіе намѣреніе. Какъ жаль, что Ермина, имѣя такой прекрасной снѣтъ, такія прелести, не выучена танцовать! Нѣсколько уроковъ помогуть въ епой бѣдѣ, и доставяють Ерминѣ возможность по-

мрачишь на балѣ всѣхъ красавицъ! Ермина ослѣпляешь днемъ, но при свѣчахъ красота ея много теряетъ. . . Что нужды! румяны оживляяшь ешо неудобство! . . . — И Арманъ общался самъ себѣ по приѣздѣ въ Парижъ сдѣлавъ сіи неважныя переменны и другія имъ подобныя.

Не смотря на суровость матери и дочери, осень прошла непримѣтно для Армана, которой даже захопѣлъ побыть въ деревнѣ какъ можно долѣе. Въ Парижъ приѣхали не прежде, какъ въ концѣ Ноября мѣсяца. Кавалеръ Ельморъ поначасъ прибѣжалъ къ Графу съ вопросами. — „Наконецъ, благодаря судьбѣ“ сказалъ онъ: „ты теперь хозяинъ въ домѣ; спрогая Маркиза не мучишь себя своими наставленіями, и ты можешь располагать всѣмъ по своей волѣ! Надобно смягчить въ Ерминѣ ешу смѣшную суровость, которая вовсе неприлична ея возрасту.“ — Ешо у меня на умѣ; — отвѣчалъ Графъ: — однакожъ мнѣ не хотѣлось бы лишить ея всей набожности.

Воюсь, чтобы, искореняя въ ней нѣкоторыя предразсудки, совсѣмъ не развращаешь ее. Ты знаешь, что для женщинъ нѣтъ середины; или все, или ничего. . . — „По крайней мѣрѣ себѣ не дѣлай принужденія; теперь можешь скинуть личину набожности.“ — Принужденіе для меня нестерпимо; не смотря на то, мнѣ весьма трудно переспать лицомъришь. Ермава уверена, что я не обманываю; все испорчу, если опирую, что я дурачилъ мать и дочь своимъ благочестіемъ: тогда спанушь почипать меня чудовищемъ. — „Пусть себѣ думаютъ, что ты опять впалъ въ прежнія заблужденія.“ — Ахъ! ещо огорчишь Ермаву! . . . — „Развѣ хочешь на цѣлую жизнь остаться Тартюфомъ? Что скажутъ философы?“ — Пускай говорятъ, что имъ угодно; ещо меня не беспокоитъ. — „Право, я начинаю думать, что ты оставляешь знамена философіи, и внутренне сдѣлался уже благочестивымъ. . . .“ — Дай Богъ, чтобы мнѣнія мои были одинаковы со мнѣніями

Ермины; тогда я не имѣлъ бы надобности припворяться! —

Спустя нѣсколько дней по приѣздѣ въ Парижъ, Графъ Арманъ узналъ, что дочь Баронессы Урзель, Аглая, на которой онъ хотѣлъ жениться, вышла замужъ. Какъ родственница Маркизы Вельмаръ, она нѣсколько разъ приѣзжала посѣщать ее, и всегда скрывала свою досаду; ибо свѣтскія женщины искусно умѣютъ таить сіе душевное движеніе: тщеславіе учить ихъ припворству. Аглая обошлась съ Ерминою весьма дружелюбно; однакожь Графъ помѣшалъ женѣ своей свесить съ нею личное знакомство.

Арманъ удивлялся порядку, заведенному Ерминою въ домѣ, а особливо бережливости въ деньгахъ, употребляемыхъ на издержки. Вспомнивъ о распущенности первой жены своей, онъ говорилъ самъ себѣ: „Если преодолѣю въ Ерминѣ оповращеніе отъ спектаклей и

баловъ , шо она можешъ прилѣпиться къ щегольству и кокетству , копорыя для меня были столь пагубны. Знаю, что вразсужденіи Ермины я не долженъ бояться подобныхъ слѣдствій; но за чѣмъ испреблять правила , копорыя опъ нихъ предохраняють ее и меня? . . . Не лучше ли оспаваться ей при спрогомъ своемъ благонаравіи? . . . Я счастливъ, опъ того что Ермина цѣломудренна, скромна и довольна своимъ состояніемъ ; малѣйшая переменна можешъ быть для меня пагубною. Если заспавлю Ермину переменнишь образъ жизни, тогда надобно будетъ спайться опъ мащери ; тогда надобно будетъ Ерминѣ лгать и обманывать , и я не успыжусь давать ей въ томъ наспавленія. . . . Нѣтъ , нѣтъ ! пусть оспается такою , какою была прежде. . . . Но что мнѣ дѣлать съ моимъ лицомѣрствомъ , копорое представляешъ меня смѣшнымъ передъ другими и обманщикомъ передъ самимъ собою ? . . . Ахъ , для чего не могу принять ея мнѣній , ея предразсудковъ ! . . .

Какая нужда до свѣтскихъ сужденій, когда душа спокойна !“

Такія размышленія приводили Армана въ замѣшательство и нарушали его счастье ; онъ не зналъ, къ чему прилѣпиться, не зналъ какъ выдти изъ сей неизвѣстности.

Между тѣмъ онъ часто провожалъ Ермину въ церковь, много разъ слушалъ проповѣди Опца Елизе, и всегда удивлялся тому, что можно безъ скуки слушать поученія отъ начала до конца ; онъ узналъ, что изящная Словесность можетъ быть въ связи съ религіею ; увѣрился, что съ нѣкоторымъ удовольствіемъ можно читать краснорѣчивыхъ церковныхъ Орапоровъ. Наконецъ одна проповѣдь весьма сильно подѣйствовала на его умъ и сердце; предметомъ ея было — лицемерство. Арманъ приноровлялъ почти все мѣста къ самому себѣ, и вышелъ изъ церкви съ печальнымъ расположеніемъ духа, которое насилу могъ скрыть отъ окружающихъ.

Въ одинъ день по утру принесли въ Ерминѣ множество книгъ въ богатомъ переплетѣ. — „Что ешо значишь?“ спросилъ Арманъ. — Ешо моя избранная библіотека, копорую хочу помѣстить у себя въ кабинетѣ. Прочти названія: Мисъма нѣкоторыхъ Іудеевъ, Мысли Паскаля, Сочиненія Босюета. Ештѣ книги сдѣлались для меня вдвое милѣе; онѣ обратили меня на путь истины и доставили мнѣ счастье быть своею супругою! . . . — Ермина произнесла сіи слова съ такимъ чувствомъ, съ такою милою проспопою, что Арманъ былъ пронутъ до глубины сердца, и сказалъ: „Я намѣренъ перечиташъ ихъ еще разъ, любезной другъ мой; начну сего дня же.“ — Графъ сдержалъ слово, и читалъ уже безъ вредныхъ предубѣжденій, но съ искреннимъ желаніемъ просвѣщенія: ибо страсти его не вооружались противъ истины, нѣжная склонность сердца соглашалась съ его должностію. Онъ нашелъ въ сихъ сочиненіяхъ высокіе пред-

менъ, и умъ его былъ въ состояніи цѣ-
нить ихъ по достоинству. Графъ увѣ-
рился въ томъ, что надлежало перечи-
тать, кромѣ священныхъ книгъ, еще
другія превосходныя сочиненія, которыя
наконецъ утвердили его въ вѣрѣ. Тогда
онъ сдѣлался совершенно счастливымъ,
полюбилъ еще болѣе свою супругу и добро-
дѣшель.

Между тѣмъ какъ любезная Ермина
наслаждалась въ семействѣ своемъ чи-
стѣйшимъ блаженствомъ, Аглая Урзель,
вышедшая за Маркиза Л*, со славою
оуправляла важныя обязанности модной
женщины. Слабость здоровья и упрямая
прелестей были слѣдствіемъ разсѣянной
жизни, которая самой ей уже наскучила,
но безъ которой она не могла обойтись.
Ни что столько не ужасно для кокетокъ,
какъ безобразіе лица, — несчастіе, при
которомъ ни умъ, ни философія не могутъ
упѣшить ихъ, котораго нельзя отвра-
тить, и котораго нельзя зашмишь бле-
скомъ пламеннаго воображенія. Замѣче-

но, что ни безпрестанные учебныя занятія, ни существенныя горести не причиняющъ такого вреда пригожеству, какъ балы и прочія зашѣ модныхъ обществъ. Фоншенель и другіе Философы утверждаютъ, что почти у всѣхъ зависливыхъ кокетокъ (а гдѣ кокетки не зависливы?) прежде придцати лѣтъ носъ покрывался угрями. Бѣдная Аглая испытала на себѣ подобное несчастіе, и сколько лѣтъ огорчалась, что даже въ характерѣ ея послѣдовала важная перемѣна. Она топчасть увидѣла пагубныя слѣдствія еяго несчастія: уже перестали говорить объ ея прелестяхъ; уже нельзя было ей носить ни плеснато цвѣта, ни розовыхъ букетовъ. . . . Не горестно ли, вмѣсто того чтобы наряжаться въ модные костюмы, надѣвать смиренную одежду сорокалѣтней женщины! . . Не смотря на то, надлежало скрывать мучительную печаль, надлежало каждой день по три или по четыре часа передъ зеркаломъ любоваться

своимъ безобразіемъ : надлежало за уборнымъ споликомъ принимашь прежнихъ своихъ обожапелей, копорые уже хвалили только умъ ея и дарованія, не упоминая о прелестяхъ лица, о свѣжести цвѣтущаго возраста. . . . Къ помужъ еще Аглая иногда встрѣчалась съ Ерминою, копорая, будучи моложе ея только однимъ годомъ, спановилась часъ опъ часу красивѣе Къ симъ несноснымъ неудовольствіямъ прибавились еще маленькія неприятности, копорыя сильно дѣйствовали на нравъ Аглаи: надлежало терпѣть досаду опъ неопвязныхъ заимодавцевъ, опъ безполковаго и смѣшного мужа. Аглая была весьма недовольна тогдашнимъ предметомъ своей нѣжности, и перессорилась съ ближайшими родсвенниками Все епо дѣлало домашнюю жизнь крайне пятоспною; оспавалось искъшъ утѣщенія въ вихрѣ общества и въ славѣ. Надобно знашь, что тогда слава — по крайней мѣрѣ такъ думали многіе свѣпскіе люди — увѣнчавала самыя

обыкновенные успѣхи: любовь ко славѣ не производила героевъ, за то одушевляла всѣхъ и каждого. Всякой, кто ни захопѣлъ, могъ добиваться лавроваго вѣнца въ маломъ кругу своихъ знакомыхъ; всякая чувствительная особа возлагала вѣнецъ на гробъ своего друга. Аглая ни о чемъ сполько не думала, какъ о прославленіи своего имени, и употребила къ тому всѣ извѣстныя средства. Въ ея домѣ собирались для чтенія; всѣ знашныя чужестранцы являлись у Аглаи на балахъ, на ужинахъ, на концерсахъ. Сама хозяйка пѣла весьма слабо и часто неправильно; не смотря на то, съ восхищеніемъ хвалили ея вкусъ, ея выраженіе, и Аглая сдѣлалась славною женщиною.

Революція испровергла пышное зданіе славы; родились новые обычаи: все блестящее, все знаменитое сдѣлалось презрѣннымъ; возникли новыя понятія о славѣ; таланты мнимые и существенные, бывшіе прежде въ уваженіи, пошеряли

свою цѣну, подобно шипламъ и правамъ дворянск имъ. Аглая и мужъ ея поспѣшно уѣхали изъ Франціи въ началѣ революціи; они остановились въ Кобленцѣ, и въ семь или восемь мѣсяцовъ успѣли прожитьъ всѣ деньги, которыя удалось имъ взять съ собою. Аглая надѣялась получить значную помощь отъ продажи своихъ алмазовъ. Надобно знать, что въ день свадьбы подаренъ ей былъ ящичекъ съ дорогими камнями на сорокъ тысячъ франковъ; но какъ она весьма часно мѣняла камни свои на модныя украшенія, на стальные приборы, на самой мѣлкой жемчугъ, на кольца, на нарукавья, на медаліоны, на волосяныя ожерелья, — то всѣ сіи вещи едва могли доставить ей самую неважную сумму на издержки для трехъ или четырехъ мѣсяцовъ. Мужъ утѣшалъ Аглаю, увѣряя, что при ея дарованіяхъ не должно беспокоиться о будущемъ. „Въ нынѣшнемъ нашемъ состояніи“ прибавилъ онъ: „надобно вознестись выше предразсудковъ; всѣ

наши приятели искренно признавались, что ты поешь лучше самой Тоди; игрою на фортепiano не уступаешь г-жѣ Монжеру; въ живописномъ искусствѣ равняешься съ г-жею Ле-Бренъ: слѣдовательно намъ остается ѣхать въ какой-нибудь большой городъ, гдѣ умѣютъ цѣнить таланты.“ Осправились въ Лондонъ. Аглая не совсѣмъ надѣялась на свое живописное искусство, ибо знала, что безъ поправки не могла написать картины даже и посредственной; за то уже опъ другихъ своихъ дарованій ожидала большихъ успѣховъ, вспоминая съ какимъ воспоргомъ хвалили ея ангельское пѣніе и игру на фортепiano. Скоро бѣдная Аглая выведена была изъ сего заблужденія. Ее торжественно освистали на данномъ ею вокальномъ и инструменшальномъ концертѣ. . . Аглая изъ того заключила, что одни только Французы умѣютъ цѣнить таланты. Ужасная развязка! Что дѣлать безъ денегъ, безъ дарованій, безъ умѣнья сыскашь

пропишаніе, безъ твердості переносить несчастіе? Аглая, жертва тщеславія и заблужденій, окончила жизнь свою по чепырех - лѣпнемъ помленіи опъ бѣдно-сти и опчаянія.

Ермина имѣла другую участь. Арманъ, по бережливости жены своей, выѣхалъ изъ Парижа не только безъ долговъ, но еще съ значною денежною суммою. Расположась жить въ Германіи, онъ взялъ на окупъ прекрасную мызу недалеко опъ одного торгового города; часть денегъ своихъ положилъ въ купеческой капиталъ, а другую оставилъ у себя для особенныхъ торговыхъ оборотовъ. Ермина съ дѣшми поселилась на мызѣ; попечительностію своею и благоразуміемъ она сдѣлала то, что прибытка опъ огорода, сада и мызы довольно было для заплаы владѣльцу за наемъ и для содержанія семейства. Арманъ же, бывъ совершенно обезпеченъ вразсужденіи домашнихъ заботъ, все свое вниманіе обращилъ на дѣла торговыя. Видя приращеніе

въ своемъ dospaнкѣ, Арманъ жилъ внѣ отече-
чествѣ такъ же счастливо, какъ бы въ
самомъ Парижѣ. Онъ далъ убѣжище у себя
тесно и щещь, копорые черезъ годъ
послѣ его опѣзда ушли изъ Франціи;
воспиталъ дѣтей своихъ самымъ луч-
шимъ образомъ, и послѣ десятилѣтняго
отсутствія возвратился въ отечество,
гдѣ нынѣ проводишь дни свои благопо-
лучно среди любезнаго семейства.

Жанлисъ.

РОЗОВОЙ КУСТЪ, БАРАНЪ И ПЕР- СТЕНЬ.

П о в ѣ с т ь.

Я лично зналъ спарика В**, слав-
наго сочинителя превосходныхъ нрав-
ственныхъ разсужденій, Профессора
Философіи и Изыщныхъ Наукъ въ од-
номъ знаменитомъ Нѣмецкомъ Универ-
ситетѣ. Я часто обѣдалъ у него, и былъ
собесѣдникомъ въ кругу любезнаго его

семейства. Спарикъ, иногда развеселившись за бутылкою рейнвейна, любилъ воспоминашь о приключеніяхъ своей молодости, и обыкновенно рассказывалъ съ такою живописію и шакъ при-яшно, что всѣ слушали его съ ошмѣннымъ удовольствіемъ. Сѣдины его, обширныя знанія, ученая слава никому не мѣшали смѣяться; онъ и самъ смѣялся ошъ искренняго сердца, вспоминая о забавномъ приключеніи, которое теперь намѣренъ я въ свою очередь пересказать чипашелямъ. Сіе происшествіе было одно изъ важнѣйшихъ въ его жизни, и пошому онъ говорилъ о немъ весьма охотно и помнилъ всѣ подробности, къ нему относящіяся. Еслибъ удалось мнѣ удержашь всѣ выраженія, всю игру словъ любезнаго спарца! повѣсть моя вѣрно понравилась бы чипашелямъ: но чѣмъ замѣнишь живую игру прекрасной физіономіи, — какъ снѣгъ бѣлые волосы его, кудрями по головѣ спелющіеся, — голубые глаза его, уже пусклые

онъ спарости, но все еще выражающіе
 великой умъ и глубокомысліе, — чело, по-
 крытое морщинами, но ясное и высо-
 кое, — приятную улыбку, означающую
 искренность? „О, я былъ красивой
 молодецъ“ говорилъ спарикъ, и
 никуда, взглянувши на него, не могъ
 въ шомъ усумниться: „но былъ нело-
 вокъ, пошому что“ прибавлялъ онъ
 съ улыбкою: „рѣдкіе изъ нашей брашья
 ученыхъ бывають любезны въ обще-
 ствѣ.“ Ешому нехотѣли вѣришь, и
 спарикъ принимался рассказывать свое
 приключеніе.

Еще не было мнѣ и придцати лѣтъ,
 какъ сдѣлали меня Профессоромъ Фило-
 софіи въ здѣшнемъ Университетѣ. Незнаю,
 приятною ли была такая опличная въ
 мои лѣта почестъ моему самолюбію; мо-
 жетъ быть оно шептало мнѣ на ухо,
 что я заслужилъ ее своимъ прилѣжані-
 емъ: но скажу вамъ откровенно, что я
 не былъ достоинъ ее въ то время. Со-

всѣмъ иная философія — а не та, которую долженъ я былъ преподавать своимъ студентамъ — занимала меня каждую минуту: я гораздо болѣе хотѣлъ знать, что происходитъ въ нѣкоторомъ сердцѣ, нежели наблюдать и разбирать движенія сердца человѣческаго; короче, друзья мои, я былъ влюбленъ спрасно, а вы знаете, что когда любовь поселился въ голову молодого человѣка, тогда уже недосугъ ему заниматься учеными изслѣдованіями. Сполъ мой покрытъ былъ превеликими книгами въ разныхъ переплесахъ, множествомъ пергаментовъ разной величины, всякими журналами, реестрами книгъ, наконецъ всѣмъ, что только можно находить на сполѣ Профессора; но во всей этой громадѣ учености чего искалъ я? Описанія розы; то и дѣло перечитывалъ спашью объ ней въ Енциклопедіи, рылся въ ботаническихъ словаряхъ и въ книгахъ о садоводствѣ. Знаете ли, что заставляло меня быть такъ прилѣжнымъ въ изысканіяхъ о розѣ? знаете ли, ошъ

чего окно моей комнаты не затворялось целой день въ самую холодную погоду? И ешюму причиною была любовь же, которая ни на минушу изъ головы моей не выходила. Невѣдаю, каково шли мои лекціи, о которыхъ я совсѣмъ не заботился; но очень помню, что ч.сто приносилъ я имя *Амаліи* вмѣсто Философіи.

Амаліею называлась моя любезная, прекраснѣйшая дѣвушка въ цѣломъ городѣ. Отецъ ея, опличившійся въ военной службѣ, умеръ на полѣ чести. *Амалія* съ матерью своею жила въ большомъ и красивомъ домѣ на одной со мною улицѣ и въ недалнемъ отъ меня разстояніи. Мать ея, женщина благоразумная, живучи въ такомъ городѣ, въ которомъ собираются съ разныхъ сторонъ молодые люди, и видя разцвѣтающія предесни своей дочери, не спускала ее съ глазъ ни на минушу; но любя евѣнскую жизнь и желая свои склонности согласить съ материнскими обязанностями, она брала съ собою *Амалію* во

всѣ собранія у пожилыхъ вдовъ, у профессорскихъ женъ, у монахинь и проч. и проч. Любезное дитя умирало со скуки надъ шипьемъ своимъ, или чулкомъ, сидя подлѣ маменьки, играющей въ карты со всевозможнымъ усердіемъ. Надобно знать, что ни одинъ студентъ и никакой мужчина молоде пятидесяти лѣтъ не могли бытъ поспѣшителями ея дома. Такая предосторожность лишала меня всѣхъ способовъ познакомиться съ Амаліею и раздѣлишь съ нею любовь мою. Я увѣренъ, что всякой другой на моемъ мѣстѣ нашелъ бы къ тому средство; но я былъ сущій новичокъ въ дѣлахъ любовныхъ, и до самой той минушты, когда прекрасные черные глаза Амаліины поселили во мнѣ ешу очаровательную и мучительную любовь, мои глаза были знакомы только съ книгами Латинскими, Греческими, Еврейскими, Халдейскими, и вовсе не понимали языка сердца.

Мое знакомство съ Амаліей началось въ домѣ одной пожилой госпожи,

копорою меня рекомендовали. Судьбѣ угод-
но было привести меня въ домъ ея въ
такое время, когда она ждала къ себѣ
своихъ пріятелиницъ. Я взглянулъ на
Амалію, и образъ ея огненными чертами
напечатлѣлся въ моемъ сердцѣ. Мать ея
поморщилась, увидѣвши молодого приго-
жато мушину; но боязливой видъ мой и
можешь бышь моя неловкость ея успоко-
или. Въ обществѣ были и другія дѣви-
цы, дочери и племянницы хозяйки;
онѣ выпросились въ садъ погулять подъ
окнами залы и передъ глазами своихъ ро-
дишельницъ. Я пошелъ за ними; не смѣлъ
говорить съ Амаліей, но прислушивался
къ каждому ея слову. Она говорила о мно-
гихъ вещахъ очень умно и пріяшно, и
въ словахъ ея обнаруживался любезной
характеръ; ея крепость, доброта серд-
ца, ласковость нравились мнѣ чрезвы-
чайно. Начали шутить надъ пороками
мушину. Амалія сказала, что очень бо-
ишься мушину сердитыхъ, неумѣющихъ
удерживать перваго своего движенія. Я

былъ смиренъ, какъ и всѣ посвятившіе
 жизнь свою наукамъ, а особливо Филосо-
 фіи, слѣдственно могъ бы смѣло похва-
 саться своимъ нравомъ; однакожъ я
 удержался, а только примолвилъ:
 „сердишься весьма непохвально!“ желая
 тѣмъ показать, что гнѣвъ есть движе-
 ніе, чуждое моему сердцу. Меня награ-
 дили улыбкою. Я ободрился и заговорилъ
 уже съ такою смѣлостію, которой не
 предполагалъ въ себѣ, особливо при любез-
 ныхъ дѣвицахъ. Амалія слушала меня
 охотно, и ея удовольствіе придавало
 мнѣ новую бодрость. Рѣчь зашла о
 модахъ, о шляпкахъ, о женскихъ руко-
 дѣльяхъ; я принужденъ былъ молчать,
 не разумѣя сего языка; Амалія также го-
 ворила немного. Потомъ дошло дѣло до
 цвѣтовъ, служащихъ къ украшенію сада;
 каждая хвалила свой любимой. И въ епомъ
 былъ я столько же знашокъ, сколько и
 въ модахъ; я могъ однакожъ сказать въ
 свою очередь, какой цвѣтъ предпочитаю
 всѣмъ прочимъ: но мнѣ нужно было на-

передъ знать Амаліины мысли. Она объявила, что любитъ болѣе всѣхъ розу, и съ великимъ жаромъ выхваляла красоту ея цвѣта. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось примолвить, что она сама походитъ на розу! Съ той минуты спалъ я почипати розу царицею всѣхъ прозябеній.

„Признайся, Амалія“ сказала одна изъ подружекъ съ лукавою улыбкою: „сколько розовыхъ кустовъ извела ты нынѣшнюю зиму?“ — Ни одного; я навсегда опять никуда не показалась: ходишь за ними очень безпокойно; это прудъ мучительной и для меня совершенно безполезной, можетъ быть потому что я не умѣю воспитывать розы. Очень жаль! Какъ была бы я благодарна тому, кто научилъ бы меня ходишь за нею!“ Я осмѣлился попросить объ изъясненіи вопроса и отвѣта. „Извольте!“ сказала Амалія: „вы уже слышали, что я люблю розу, но маменька еще болѣе любитъ ее, и еще привязанность наследственная во-

всей нашей фамиліи. Съ тѣхъ поръ, какъ начала я помнить себя, чувствую чрезвычайное желаніе въ первой день новаго года подарить маменькѣ распустившуюся розу, и сколько ни спрадась о томъ, все напрасно! (Тогда еще не знали въ Европѣ прекрасныхъ кустовъ розы Бенгальской, которая даетъ цвѣты во всякое время года; но они неимѣютъ запаха нашихъ.) Уже нѣсколько лѣтъ сряду воспитывала я розы въ горшкахъ, и всегда онѣ пропадали при наступившихъ морозахъ. Мнѣ очень хотѣлось доставить вечнаго удовольствіе любезной маменькѣ.

Я отъ роду не ходилъ за цвѣтами, и даже не зналъ, что можно имѣть зимою свѣжія розы. Увѣрившись въ проливномъ, я тогда же произнесъ обѣтъ въ душѣ своей, что въ первой день новаго года Амадія поднесетъ матери своей розовой кустъ съ распустившимися цвѣтами.

На другой день купилъ я пятьдесятъ горшковъ съ кустами розъ.

Не уже ли ни одна не разцвѣтѣла
къ Январю мѣсяцу? Это было бы несчастье
безпримѣрное? сказалъ я самъ себѣ, и
побѣжалъ къ садовнику за наставленіемъ,
какъ расписать розы; ошудя пошелъ въ
лавки, и накупилъ множество книгъ, ко-
торыя считалъ нужными для успѣха
въ своемъ предпріятіи. Вся душа моя
наполнена была восхищеннѣйшими
надеждами. Горшокъ съ розами пошлю,
говорилъ я самъ себѣ, при письмѣ, въ
которомъ буду просить себѣ дозволенія
посѣщать домъ Амаліиной матери и
учить дочь воспитывать розы въ зимнюю
пору. Вотъ для чего рѣшился я возра-
стить цвѣты собственнымъ моимъ по-
печеніемъ; иначе, я легко могъ бы купить
горшокъ съ распустившимися розами. Я
напередъ восхищался, думая о тѣхъ
урокахъ, которые надѣялся преподавать
прекрасной своей ученицѣ, и которые
мнѣ нравились несравненно болѣе фило-
софскихъ моихъ лекцій. На сихъ меч-
тахъ своихъ я строилъ воздрушіе

зámки и сочи́нялъ романы о будущемъ моемъ блаженствѣ, нимало несомнѣваясь въ удачномъ успѣхѣ. Между тѣмъ все мое счастіе состояло въ одномъ только воображеніи; я болѣе не видался съ Амаліею, не былъ приглашаемъ въ бесѣду къ ея матери, а ей недозволяли являться ни въ какихъ дѣвическихъ общесѣвахъ: и такъ, во ожиданіи, пока созрѣетъ проводникъ мой, я принужденъ былъ ограничиться единственнѣйшимъ удовольствіемъ смотрѣвъ на Амалію, когда она по вечерамъ провожала мать свою въ собранія. Я зналъ пору, въ копорую онѣ выходили, замѣшилъ звукъ колокольчика у калишки дома ихъ, и научился оплечать его опо всѣхъ колокольниковъ нашего квартала. Окно мое всегда было опворено; услышавъ звукъ, я поспѣе бралъ со стола какую нибудь книгу, или пепрадъ, садился у окна, припворно углублялся въ книгу свою, копорую часто держалъ внизъ головою: такимъ образомъ почти каждой день удавалось

мнѣ взглянуть украдкою на Амалію, и взгляды сіи опчасу болѣе меня къ ней привязывали. Милая простота ея наряда, прекрасные черные волосы ея, обвитые вокругъ головы и оканчивающіеся на челѣ кудрями, тонкой спань ея, величественная и вмѣстѣ легкая походка, прекрасная ножка, которую должно было показывать, чтобы не замарать платья — все это воспламеняло мое воображеніе, между тѣмъ какъ важная поступь ея, внимательность къ мапери, ласковость въ привѣщаніи къ проходящимъ сильно трогали мое сердце. При всей неловкости своей успѣлъ я однакожъ еще примѣнить, что Амалія имѣетъ ко мнѣ нѣкоторое вниманіе. На примѣръ, вышедши изъ дому, она выбирала сторону улицы, противоположную моей кварширѣ, а иначе ей не лзя было бы ни себя показать мнѣ, ни меня увидѣть; какъ я обыкновенно сидѣлъ, углубившись въ чтеніе, то она, не подозрѣвая во мнѣ хитрости, подходя къ моей кварширѣ, всегда начи-

начала говорить что-нибудь своей мамень-
 кѣ и довольно громко: „остерегись,
 маменька! маменька, не упади же! вы не
 озябли, маменька?“ и проч. Тутъ обык-
 новенно я долженъ былъ перервать чте-
 ніе, взглянуть, поклониться, и каждой
 разъ глаза мои встрѣчались съ глазами
 Амаліи, копорая въ свою очередь кланя-
 лась мнѣ, краснѣя и пошупляя взоры.
 Маменька, закушанная въ головной уборъ
 свой, ничего не видала; но я все видѣлъ,
 и питалъ себя сладкою надеждою.

Наступилъ Октябрь. Я перенесъ къ
 себѣ въ комнату горшки съ розовыми ку-
 сками, копорые начинали вянуть, къ
 ужасному моему прискорбію. Что дѣ-
 лать? Я перечиталъ все, что ни было
 писано о розахъ, и шакъ внимательно,
 какъ никогда не читывалъ древнихъ фило-
 софовъ; но все безъ пользы: ибо шутъ
 я увидѣлъ, что сія наука, равно какъ и
 прочія, неимѣетъ никакихъ швердыхъ
 правилъ, и что каждой хвалишъ свою
 систему, каждой называетъ ее превос-

ходнѣйшею, единственно потому что она непоходишь на прочія системы. Одинъ изъ моихъ авторовъ пребуешь, чшобы кусты какъ можно долѣе стояли на свѣжемъ воздухѣ, — другой совѣтуешь держаъ ихъ въ заперти; одинъ предписываетъ поливать кусты какъ можно чаще, — другой хочетъ, чшобъ совсѣмъ ихъ неполивали. Съ ешимъ дѣлаюшь по же, чшо и съ воспитаніемъ людей! сказалъ я съ досадою, закрывая свои книги: все крайности, все исключительныя системы! Возьмемъ среднюю дорогу между сими прошивуположными мнѣніями. — Въ томъ же день доспалъ я хорошій термометръ, повѣсилъ его въ своей комнашѣ, и началъ выносишь и вносишь горшки свои, смотря по градусамъ теплоты, или стужи. Подумайте, чего мнѣ стоило при или чешыре раза въ день переносишь пятьдесятъ горшковъ при перемѣнѣ погоды! Славный двадцати - осмилѣтній Профессоръ очень заслуживалъ, чшобы свели его съ философской кафедры и оп-

дали бы въ школу снова переучиваться! Будучи въпренѣ самыхъ молодыхъ учениковъ своихъ, я читалъ имъ лекціи свои о философіи какъ-нибудь, а думалъ только объ Амаліи и о розовыхъ кустахъ, которыми единственно занимался отъ утра до вечера.

Но скоро моя работа гораздо уменьшилась — почти всѣ розовые кусты, увы! засохли. Одинъ только вознаграждалъ меня за неусыпныя попеченія. Ешѣ здоровой и прекрасной кустъ, одѣтый густыми листьями и разширившій пышныя свои вѣтви, обрадовалъ меня шестью благодатными шипками, на которыхъ уже показывался алой цвѣтъ изъ за оболочки. Оставалось еще недѣль шесть до новаго года, и я несомнѣвался, что шипки мои къ тому времени должны распустились. Труды мои не пропали, думалъ я, утѣшаясь пріятнѣйшею надеждой; ежеминутно смотрѣлъ на пушеводителя своего къ дому Амаліи, сомнѣ-

рѣлъ съ гордостію, съ радостію, и былъ очень доволенъ собою.

Въ 27 день Ноября, въ день, достопамятный для меня и незабвенный, солнце сіяло какъ весною; благодаря Небо за шликія щедроты, я поспѣшилъ вынести прекрасной кустъ и немногихъ уцѣлѣвшихъ, но слабыхъ его поварищей на свѣжій воздухъ; полилъ свои розы, любовался ими, и пошелъ читать лекцію о философіи.

Домой возвратился я ввечеру, не знаю по чему, уже поздно. Первая забота моя была — перенести розы въ безопасное мѣсто. Лишь только вошелъ я въ переднюю, какъ вдругъ послышалось мнѣ, будто какое-то живое съ тремучкою щиплетъ и жуеетъ листья. Трепещу отъ ужаса, бѣгу къ горшкамъ и нахожу, о праведный Боже! нахожу барана, съ жадностію пожирающаго мои розы! Хватаю щипцы отъ камина, чтобы опогнать прожорливую тварь отъ торшковъ; но, увы! уже поздно: прекра-

сная вѣшвъ съ шипками уже была во рѣу у барана, и шемнопа вечера непомѣшала мнѣ увидѣшь одинъ шипокъ, копорой оспавался внѣ рѣа и копорой въ то же время пошелъ въ слѣдъ за другими. Клянусь вамъ, друзья мои, что при всей кропоспи своей я не въ силахъ былъ владѣшь собою, видя споль плачевное позорище! Почпи въ безпамятствѣ поражаю щипцами барана, уничтожившаго всѣ мои надежды, и баранъ палъ мершвъ у ногъ моихъ.

Въ ту же минуту я началъ досадовать на свою опрометчивость. За что опнимаешь жизнь у бѣднаго беззащитнаго животнаго, копорое непонимаетъ вины своей? Приличенъ ли такой поступокъ Профессору философіи и обожателю крошкой Амаліи? Но развѣ не онъ сожралъ кустъ съ розами? развѣ не онъ разрушилъ единственную мою надежду бышь впущену въ домъ ея матери? — Слышу голосъ идущей по двору служанки и кричу: Каперина! при-

неси поскорѣе огня; здѣсь бѣда сдѣлалась! Несмыдно ли тебѣ запирашь клева; одинъ изъ проклятыхъ вашихъ барановъ испортилъ мои розы, и вотъ я.... поколошилъ его.

Служанка пришла со свѣчою. „Епо не нашъ баранъ“ сказала Каперина: „наши всѣ заперты, я сей часъ смотрѣла. Ахъ, Боже мой! что я вижу! Епо любимой барашекъ нашей сосѣдки, милой и прекрасной Амаліи! Бѣдененькой! какъ ты сюда зашелъ? Добрая барышня будешь грустишь и досадовашь!“

А я, друзья мои! я чуть не умеръ; едва было Амалія вдругъ нелишилась и барана и любовника. — Какъ! Амаліи? спросилъ я дрожащимъ голосомъ: — развѣ у Амаліи естъ бараны? —

„Одинъ только и былъ! Жаль мнѣ слезъ твоихъ, бѣдная барышня! Какъ будешь ты горевашь и плакашъ! У нее только было и забавы, что барашекъ, и она берегла его какъ глазъ свой. Вотъ

посмотрите на ошейникъ ; она вышила его своими руками.“ Я наклонился и уви-
дѣлъ красной сафьянной ошейникъ съ
вышитую золопомъ надписью : Барашекъ,
принадлежащій Амаліи Б. . . , ко-
торая проситъ привести къ ней бѣглеца
обратно. — Что я сдѣлалъ ! что поду-
маешь она о жестокосердомъ , которой
въ первомъ движеніи гнѣва своего убилъ
любимаго ея барашка ! А она уже сказала ,
что ненавидитъ епой пагубной спраспи.
Она будетъ гнушаться убійцею бараш-
ка , и справедливо : ибо чѣмъ я оправдаю
свой посшупокъ ? . . . Но можетъ бытъ
онъ не умеръ ; Катеринушка , бѣги въ
апшеку, принеси спиршу, бальзаму, оденъ-
яго рогу ; бѣги скорѣе ! —

Служанка ушла , а я принялся ше-
реть барана, чтобы привести его въ чув-
ство. „Можетъ бытъ ошейникъ давитъ
его; въ самомъ дѣлѣ примѣтна опухоль!“
Снимаю ошейникъ , и роняю какую-то
вещицу , на которую однакожъ необра-

щаю вниманія. Каперина приносилъ лѣкарства. „Аптекарь говоритъ, что еще непоможетъ барану отъ обморока. . .“

— Какъ, болшунья! ты уже успѣла разгласить, что баранъ въ обморокъ. . .

„Разгласить? Боже упаси! Бѣдная Амалія и безъ того теперь горюетъ!“

— Что, Амалія горюетъ? развѣ она уже знаетъ о смерти барана? . . . Сдѣлай милость не мучь меня, Каперина! говори скорѣе! —

„Какой несчастной день для бѣдной барышни! Баранъ бездѣлка; Амалія теперь ищетъ на улицѣ перстня, коимъ образомъ не вѣдомо какъ упрятанъ. Шутка ли? Еще въ дорогой перстень подаренъ отъ Государя покойному ея батюшкѣ, и очень, очень дорогъ. Сего дня былъ онъ у нее на пальцѣ; маменька дозволила ей надѣсть его, идучи въ гости; скидая перчатку, барышня примѣшила, что нѣтъ перстня; искала здѣсь, тамъ, вездѣ — нѣтъ перстня. Подумайте, въ какомъ она теперь горѣ! — Всѣхъ проситъ, убѣж-

даешь, чтобъ искали, обещаешь награду и свою дружбу. Побѣгу и я; можешь бышь удася вамъ оживишь барана, а мнѣ найди перстень. Какъ бы мы обрадовали барышню!“

Катерина ушла, а я между тѣмъ вспомнилъ, что какая-то вещица, похожая на кольцо, выпала на землю изъ за ошейника. . Почему знашь, можешь бышь . . . — и начинаю искашь на полу подлѣ барана. Судите о моемъ воспортѣ! Въ самомъ дѣлѣ нашелъ я ещѣ прекрасной перстень съ дорогимъ алмазомъ. Тайное предчувствіе сказало мнѣ, что теперь и мѣю надежнѣйшее средство явись къ Амаліи и получишь прощеніе въ убійствѣ барана. Прижимаю драгоценной залогъ къ своему сердцу, несомнѣваюсь о смерти барана, безпокоюсь о сѣденныхъ розахъ, иду прямо на улицу, говорю всѣмъ, чтобъ неискали перстня, спановлюсь у дверей своихъ и, дожидаясь возвращенія своихъ сосѣдокъ. Вижу ихъ при свѣтѣ факела идущихъ домой и

догадываюсь по разговору, что Амалія уже призналась въ своей оплошности. Мать сильно журила Амалію, которая плакала. „Любезная маменька! можешь бышь мы найдемъ его.“ — О, это вѣрно! — отвѣчала мать съ досадою: — перстень вещь недорогая! тебѣ пошчасъ принесу его! Вѣпреница! онъ пожалованъ покойному опцу швоему за спасеніе жизни Государя на войнѣ; опецъ швой дорожилъ имъ какъ глазомъ своимъ, а ты пошереяла его. . . — Онѣ вошли. Я мучился, что принужденъ лишь печаль Амаліи, ибо мнѣ хошѣлось явиться съ находкою у нихъ въ домѣ, а не на улицѣ. Черезъ нѣсколько минушъ приказываю доложитъ о себѣ г-жѣ Б. . . , и скажашъ, что несу добрыя вѣсти; меня вводяшъ. Почтипельно подаю перстень г-жѣ Б. . . , и украдкою взглядываю на дочь ея. Боже мой! какъ обрадовалась Амалія! Несмѣя обняшъ меня, она бросилась на шею къ своей матери, и успремивши на меня глаза еще заплаканные,

не сверкающіе отъ радости, сказала:
„Сколько я вамъ благодарна!“

— Ахъ, сударыня! знаете ли къ кому
относите вы это слово? —

„Къ тому, который теперь достав-
ляетъ мнѣ превеликое удовольствіе.“

— Къ тому, которой теперь причи-
няетъ вамъ жестокую горестъ, къ убій-
цѣ любимаго вашего барашка. —

„Вы убили моего барашка? Нельзя
спасться; за что вамъ обижаетъ меня? вы
не злой человѣкъ.“

— Не злой, однакожъ по несчастію
точно я убилъ вашего барашка. Вотъ и
ошейникъ; изъ подъ него выпалъ вашъ
перстень. Сказываютъ, вы обѣщали на-
граду тому, кто найдетъ его; смѣю ли
надѣяться прощенія въ моемъ про-
ступкѣ? —

А я благодарю васъ! — сказала г-жа
Б . . . : я нелюбила барана, которымъ
безпрестанно занималась Амалія, и ко-
торой надѣдалъ мнѣ своимъ блѣяньемъ.
Еслибъ вы не убили его, то Богъ знаетъ,

что случилось бы съ аямазомъ. Счастье наше, что баранъ пришелъ къ вамъ, а не къ другому сосѣду.

„Ешо правда!“ примолвила Амалія;
„однакожъ на что было поступать съ нимъ такъ немилосердо? Развѣ ешо бѣда, что онъ къ вамъ пришелъ?“

— Онъ причинилъ мнѣ, сударыня, такую обиду, что я въ первой разъ въ моей жизни не могъ удержаться опъ жестоко: онъ сожралъ мою надежду, мое счастье, — прекрасной кустъ съ розами, копорыя скоро бы распустились и копорыя назначены были . . . для одной особы къ новому году. . . . —

Амалія улыбнулась, покраснѣла, подала мнѣ руку и сказала въ полголоса:
„Все забываю.“

Какъ! воскликнула г-жа Б . . . : испортилъ кустъ съ разцвѣщающими розами? Онъ спокрапно заслужилъ свою участь; я дала бы двадцать барановъ за одинъ кустъ съ розами.

„Я почти увѣрена, маменька,“ сказала Амалия: „что г. Профессоръ для васъ гошовилъ ешомъ кустъ съ розами.“

Мнѣ? Какой вздоръ! Я неимѣла чести бытъ знакома съ господиномъ Профессоромъ.

„Но онъ зналъ, что вы любите розы; однажды при немъ я говорила объ ешомъ у г-жи Л*. Не правда ли, что бѣдной мой барашекъ испорчилъ маменькины розы?“

Я во всемъ признался; рассказалъ подробно о своихъ заботахъ, о неудачахъ, объ единственной надеждѣ моей, въ одну минушу уничтоженной, о бѣшенствѣ моемъ и опчаяніи, наконецъ объ усиліяхъ одушевить барана.

Г-жа Б . . . смѣялась опъ всего сердца, и увѣряла; что я сдѣлалъ имъ двойную услугу. „Милая дочь ваша,“ сказалъ я: „уже наградила меня за перспень; теперь дозвоьте и у васъ просить награды.“ — Требуйте, что вамъ угодно? — „Иногда являшся къ вамъ съ моимъ по-

чтеніемъ.“ — Милости просимъ, милости просимъ. — Мы распались.

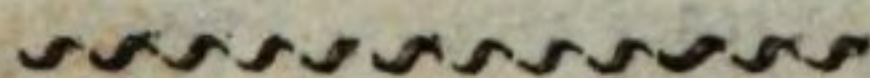
Въ слѣдующіе дни меня принимали въ домѣ г-жи Б . . . опчасу ласковѣе, и наконецъ спали обжодисься со мною какъ съ близкимъ родственникомъ. Г-жа Б . . . приглашала меня во всѣ собранія и знакомила съ своими приятельницами.

Наступилъ день новаго года. На канунѣ постарался я найти барана во всемъ похожаго на Амаліина; не забылъ также купить у садовниковъ нѣсколько горшковъ съ расцвѣтшими розами, и въ 1 день Января явился къ сосѣдкамъ съ поздравленіемъ и съ подарками. „Хотѣла бы я поквитаться съ вами, но не знаю, что вы любите . . .“ — Что я люблю? Ахъ, еслибъ я смѣлъ сказать вамъ! — и взглянулъ на Амалію. — „Не уже ли дочь мою?“ — Я упалъ къ ногамъ ея; Амалія по же. „О, если такъ“ отвѣчала г-жа Б . . .: „что мы теперь же сочтемся: Амалія даетъ вамъ свое сердце, а я свою руку въ знакъ согласія.“ Она связала наши руки

цѣпью изъ розъ, которую сняла съ шеи барана.

И моя Амалія, продолжалъ спарой Профессоръ, одною рукою обнявши спарую свою подругу: для глазъ моихъ все еще также прелестна, а для сердца также любезна, какъ въ тотъ день, когда руки наши соединены были розовою цѣпью.

N. N.

СЕМЕЙСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

„Ложись почивать, милая бабушка!“ печально говорила молодая Исмениа г-жѣ Лисбе: „мы сегодня его не дождемся.“ — Еще не поздно, дочь моя, — отвѣчала г-жа Лисбе съ нѣжнымъ видомъ и любезною улыбкою. „Уже полночь“ — сказала Графиня Делмасъ, мать Исмении. — Да, г. Делмасъ — подхватила г-жа Лисбе: — долго не возвращается . . . — При сихъ словахъ слышался стукъ ка-

Часть I.

С

решы; Искменія препенешъ, по дѣйствию
 перваго движенія вспаешъ, и опашъ са-
 дится, краснѣясь; г-жа Лисбе и дочь ея
 переспаютъ работашъ.... Входитъ Графъ
 Делмась . . . Не его ждали съ такимъ
 неперпѣніемъ, но молодато Карла Лиму-
 ра, зятя его, мужа Искменіи. „Объ-
 являю вамъ,“ сказалъ Графъ, поцѣло-
 вавъ руку своей пещи и обнявъ жену
 свою и дочь: „что Карлъ уѣхалъ въ
 деревню; увидѣвшись съ нимъ въ оперѣ,
 я успѣлъ только опъ него услышашъ,
 что по сдѣланному условію въ ложѣ г-жи
 Дормель всѣ ѣдутъ къ ней....“ — Какъ! —
 прервала съ негодованіемъ Графиня: — за
 двѣнадцатъ миль опъ Парижа?.... „Да“
 отвѣчалъ Графъ насмѣшливымъ голосомъ:
 „имѣя опъ роду двадцатъ чешыре года,
 ѣхашъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ на нѣсколько дней
 въ деревню, за двѣнадцатъ миль отъ
 Парижа, съ лучшимъ обществомъ, со-
 стоящимъ большею частію изъ родни и
 короткихъ приятелей — какая дерзость!“
 — Но госпожа Дормель — сказала Графи-

ня: — никогда не была и не будетъ моею приятельницею: я не вижу въ ея поступкахъ почти никакой оспорочности; а кокетство ея невѣски мнѣ несносно. — „Ты меня удивляешь!“ отвѣчалъ Графъ: „я не надѣялся найти въ тебѣ такой святости. Что тебѣ мѣшаетъ кокетство женщины, которая не родственница тебѣ и не приятельница, и которой ты не любишь? Карлъ поручилъ мнѣ отдать вамъ записку,“ продолжалъ Графъ, оборотясь къ г-жѣ Лисбе: „написанную карандашемъ въ ложѣ г-жи Дормель: здѣсь вы найдете извиненія, что онъ уѣхалъ, не простясь ни съ вами, ни съ своею тещею. Я свидѣтель, что ему никакъ не лъзя было несогласиться на неопступныя приглашенія; иначе, всѣ сочлибъ его человекомъ грубымъ. Хотятъ играть комедію. Карлъ заступилъ мѣсто одного заболѣвшаго актера. Надобно вамъ знать, что даюшъ праздникъ по случаю выздоровленія стараго Графа Дормеля.“ — Трогательной примѣръ дѣтской нѣжности! —

сказала Графиня, пожавъ плечами: — Цѣлой годъ не думашъ объ опцѣ, и попомъ дашь пышной праздникъ единственно для того, чѣмъ имѣть какой нибудь предлогъ повеселишься съ госнями! . . . — А Карлъ не сказалъ вамъ, башюшка, когда возвратишься? — боязливо спросила Искренія. „Думаю, черезъ двѣ, или три недѣли“ оповѣчалъ Графъ. — Я увѣрена — сказала г-жа Лисбе: что черезъ двѣ недѣли, то есть къ 23 числу, онъ придетъ. — Точно придетъ! — вскричала Искренія: — придетъ ко дню именинъ бабушки. — „Въ самомъ дѣлѣ!“ примолвилъ Графъ: „я было и позабылъ о праздникѣ; точно Карлъ возвратится на канунъ Иванова дня.“

Послѣ сего разговора всѣ разошлись спать. На другой день рано поутру Графиня пришла къ своей матери. „Мы теперь однѣ, дочь моя!“ сказала г-жа Лисбе: „я хочу пожуришь тебя. Въпреносъ Карлова тебя огорчаетъ весьма примѣшнымъ образомъ . . .“ — Могу ли

смотрѣть равнодушно на томленіе бѣд-
 ной моей дочери? — „Соглашаюсь, что
 не можешь; я сама не менѣе огорчаюсь:
 однакожь не надобно всего обнаруживать.
 Другъ мой! не станемъ открывать всей
 нашей чувствительности, ибо не засна-
 вимъ мужчинъ ни понимать ее, ни раз-
 дѣлять съ нами; принявъ же видъ
 совершеннаго равнодушія, выставимъ себя
 вдругъ и невѣждами и коварными: всего
 лучше сдѣлаемъ, если безпокойство наше
 и тайную горестъ обнаружимъ посред-
 ствомъ той любезной крошечки, которая,
 не жалуясь ни на что, не требуя ничего,
 кажется оспорожно умоляющею, чтобы
 обратили на нее внимательное око и ис-
 полнили ея желаніе.“ — Три мѣсяца зани-
 манься удовольствіями въ обществахъ, не
 думая о женѣ, которая любитъ его со всею
 нѣжностію . . . и тогда, какъ прошло
 еще не болѣе осьми мѣсяцовъ послѣ
 брака! — „Ему только двадцать четыре
 года.“ — Именіи также только осмнад-
 цать; однакожь она любитъ его больше

всего на свѣтѣ. — „Добродѣтельная любовь приводитъ въ зрѣлость разсудокъ женщины, и образуетъ ея характеръ; она опредѣляетъ судьбу жизни, и цѣлую жизнь наполняетъ собою. У мужчинъ есть множество другихъ занятій: въ молодости они весьма легко удовольствіе почитаютъ счастьемъ! . . .“ — Какъ несны въ Графинѣ Дормель жеманство и стараніе нравиться Карлу! . . . Увѣряю, что она имѣетъ замыслы вразсужденіи моего зятя, и что онъ замѣтилъ ихъ . . . — „Да, по твоей милости.“ — Какъ по моей милости? — „Точно; ты не любишь злословить, приятна въ обращеніи и снисходительна; вдругъ Карлъ видитъ, что ты принимаешь Графиню сухо, съ досадою, даже неучтиво; слышитъ, что ты безпрестанно чернишь ея наружность, умъ, не одобряешь ея наряда, осуждаешь ея поведеніе, бранишь ее за кокетство: стараясь узнать причину твоей переменѣ, онъ угадалъ ее, и началъ почитать тебя не-

справедливою. Желая отвлечь его вѣ-
маніе отъ особы, кою боишься, ты
заставила его заняться ею; Искренія,
примѣливъ твое безпокойство, сама сдѣ-
лалась ревнивою. Ты поступила весьма
неблагоразумно . . . — Сама чувствую;
но какъ же было скрыть досаду столь
несносную! . . . — „Вспомни, что съ
тобою случилось въ молодости! Г. Дел-
масъ болѣе дѣлалъ шалостей, нежели
Карлъ . . . — Вы судили о нихъ какъ
мать, и почитали ихъ такими, которыхъ
ни чѣмъ извинить не можно; напрошивъ
того я все сносила терпѣливо . . . —
„Конечно мужъ твой казался мнѣ винов-
нымъ; однакожъ я не изъявляла передъ
нимъ досады: кончилось тѣмъ, что онъ
исправился. Поступимъ такъ и съ Кар-
ломъ.“ — Ахъ! Г. Делмасъ никогда не
былъ такъ легкомысленъ! . . . — „Ты за-
была, но я помню. Теперь мы обѣ мате-
ри Подумай, милой другъ мой!
Карлъ хорошо воспитанъ, уменъ, чув-
ствителенъ; онъ истинно любитъ Искре-

нѣю; минутная прихоть не разрушитъ искренней, швердой привязанности. Когда онъ возвратился ко дню моихъ именинъ, примемъ его ласково, прищворимся, будпо не догадываемся о новой связи: надежда и желаніе скрытъ опъ насъ волокищство свое заставлятъ его чаще видѣться съ нами; если будемъ съ нимъ хорошо обходиться, онъ полюбитъ насъ, и останется при насъ навсегда. Мы одерживаемъ побѣду весьма нагубную, доказавъ мущинамъ, что они виноваты; они наказываютъ насъ за проницательность, копорой боясь не безъ причины. Не только не должно ни въ чемъ упрекать ихъ, но надобно казаться, будпо ничего не замѣчаемъ, или будпо видимъ только половину того, что дѣлается. Гордостъ ихъ пребуешь не снисходительности, но проспопы, но легковѣрія, копорое они называютъ прелестною кротостію.“ —

Ахъ! — вскричала Графиня обнимая мать свою: — будьте всегда моею наставницею. Только вашимъ совѣшамъ обязана я

спокойствіемъ жизни и добрымъ моимъ именемъ. Пусть же вамъ буду обязана и счастьемъ Именіи: епо благодареніе драгоцѣннѣе для меня всѣхъ прочихъ! — Г-жа Лисбе по всему заслуживала такую довѣренность. Спаросъ бываешь суровою въ мущинѣ; но любезная женщина и въ сшарыхъ лѣтахъ сохраняешь нѣкоторыя приапно-сти юнаго возраста, — шу же слабосшь, шу же милую безпечносшь, шу же крошосшь. Г-жа Лисбе, при всей любезности своего обхожденія, опшличалась особеннымъ благоразуміемъ, какое только разсудительной челоѣкъ можетъ получить опъ природнаго ума, глубокаго знанія въ свѣтской жизни, долговременной опытноспи; она съ самыхъ молодыхъ лѣтъ была увѣрена, что надежнѣйшій способъ устройшь семейспвенное счастье состоитъ въ пожертвованіи спокойствію самолюбіемъ своимъ и всѣми прихотями. Она обыкновенно скрывала погрѣшносши другихъ, и охотно

признавалась въ своихъ собственныхъ; привлекала къ себѣ людей, которые хотѣли бы опъ нее удалиться — привлекала тѣмъ, что показывала, будто не видишь ихъ прощупковъ. Правда, тонкая проницательность г-жи Лисбе не была предметомъ общихъ разговоровъ, общихъ похвалъ; за то всѣ удивлялись, какъ можно съ такимъ умомъ не имѣть дальновидности — и тѣмъ болѣе любили ее; вся хитрость ея (если только можно доброту сердца назвать хитростию) состояла въ томъ, что снисходительность свою она умѣла прикрывать наружностію любезной простоты. Героическія добродѣтели, величіе духа, милосердіе достойны удивленія въ людяхъ государственныхъ и на театрахъ; но въ нѣдрѣ семейства пошребно совсѣмъ другое. Г-жа Лисбе, гдѣ доходило до изъясненій, всегда *мирилась*, не желая прощать; всякое извиненіе принимала, всякое изъясненіе считала полнымъ оправданіемъ. Послѣ примиренія не удивлялись ея великому

характеру , но обожали ея крошость. Г - жа Лисбе думала , что трудно навсегда помириться съ тѣмъ , кого мы привели въ замѣшательство, или унизили, — что въ ссорахъ и враждахъ нѣтъ забвѣнія , и что одна только невнимательность можетъ доставить намъ совершенную безопасность. Такимъ благоразумнымъ поведеніемъ она сберегла всѣхъ друзей своихъ , сдѣлалась примирительницею въ своемъ семействѣ , и приобрѣла великую власть надъ умомъ своего зятя , хотя Графъ ни мало о томъ не догадывался. Г - жа Лисбе никогда не давала дочери своей рѣшительныхъ совѣтовъ ; если просили въ чемъ нибудь ея насшавленій , она объявляла свое мнѣніе пономъ обыкновеннаго разговора , такъ просто , съ такою крошостию , что каждому было можно ей противорѣчить.

Графъ Делмасъ былъ самолюбивъ до крайности , но суешность его не нарушила семейственнаго спокойствія , потому что ни пеща , ни жена не обнаружи-

вали никакихъ требованій. Онъ любилъ жену свою; но по легкомыслію въ молодые годы часто измѣнялъ супружеской вѣрности. Графиня пришворялась, будто ничего не знаетъ; а онъ, не боясь гнѣва раздраженной супруги, и не имѣя надобности упрямиться, возвратился къ своей должности. Надобно сказать что нибудь о характерѣ и образѣ мыслей Графа Делмаса. Онъ былъ довольно уменъ, совершенно честенъ и благороденъ; держался правилъ не совсѣмъ строгихъ, и думалъ, что молодой человѣкъ имѣетъ всѣ нужныя качества, если онъ не усмрашимъ, знаетъ свѣтское обращеніе, показываетъ при постороннихъ людяхъ уваженіе къ своей супругѣ и почтеніе къ родителямъ, не входитъ въ долги, не играетъ, и живетъ въ кругу хорошаго общества: въ самомъ дѣлѣ для свѣта ничего болѣе и не надобно. Но кто думаетъ, что упомянутыя качества замѣняющъ семейственные добродѣтели, тошъ оптимаетъ у себя къшнадцать счастли-

ВЫХЪ годовъ, и не насладились чистѣйшимъ блаженствомъ ни въ зрѣлыхъ лѣтахъ своихъ, ни въ старости.

Графъ, любя дочь свою, по спрванной суебности — которой примѣры видимъ только въ большомъ свѣтѣ — хотѣлъ, чтобы мужъ Исменіи нравился красавицамъ; онъ не сдержалъ бы равнодушно, еслибъ зять его привязался къ какой нибудь прелестницѣ, или къ женщинѣ низкаго сословія, но желалъ слышать похвалы ему въ модныхъ обществахъ, желалъ видѣть усилія придворныхъ блестящихъ кокетокъ одержать надъ нимъ побѣду. Впрочемъ Графъ любилъ своего зятя съ опеческою нежностью. Люди, которые въ молодости были вѣтренны, желаюшъ, чтобы и дѣти ихъ были такими же; ибо родителямъ сродно желать дѣтямъ той славы, которою сами некогда гордились: такимъ образомъ пороки часто дѣлающа наследственными, если любовь родительская не основана на правилахъ. Графъ неспособенъ

былъ подавать развращительные совѣты
 своему зятю, но также не могъ быть для
 него и бдительнымъ наставникомъ. Карлъ,
 прекрасной, чувствительной и благород-
 ной молодой человѣкъ, питалъ нѣжную
 привязанность къ Исменіи; любилъ и по-
 чтилъ пещу свою и г-жу Лисбе; но
 бывъ вовлеченъ въ общество людей легко-
 мысленныхъ и опасныхъ, не могъ проши-
 виться соблазнамъ хищнаго кокетства.
 Онъ примѣтилъ негодованіе Графини и пе-
 чаль Исменіи, боялся выговоровъ, старался
 избавиться отъ нихъ, и удалясь одинъ
 разъ — почти безъ намѣренія и прошивъ
 воли — отъ своего семейства, готовъ былъ
 навсегда оставить его, или по крайней
 мѣрѣ освободить себя отъ всякой зависимо-
 сти. Всѣ жили у г-жи Лисбе, которая,
 отдавъ огромной домъ свой дѣтямъ, сама
 занимала нѣсколько покоевъ, чтобы имѣть
 сладостное удовольствіе видѣть вокругъ
 себя все семейство. Молодому Карлу без-
 прешанно твердили, какъ несносно жить
 съ родными и имѣть набожныхъ надзи-

рашительницъ за поведеніемъ — шенцу и бабу; ему говорили также, что для предотвращенія несогласій лучше всего не жить подъ одною кровлею съ своимъ семействомъ, и даже какъ можно рѣже съ нимъ видашся: правило, кажется, благоразумное — ибо въ наше время почти всѣ ему слѣдуютъ! Опцы наши попростотѣ своей думали иначе; но Философія исправила старинные предразсудки!!

Къ дополненію описанія семейства г-жи Лисбе надобно упомянуть о младшей сестрѣ Исменіи, Викшоринѣ, пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Г-жа Лисбе, по осторожности своей и благоразумію, не отдавала ей преимущества передъ другими; но всѣмъ извѣстна была нѣжная привязанность ея ко внучкѣ. Юная Викшорина горячо любила сестру свою: вѣтренность Карлова часто выводила ее изъ терпѣнія. Графиня одобряла участіе Викшорины; напрошивъ того г-жа Лисбе не одинъ разъ дѣлала ей за то выговоры

но съ такою милою улыбкою, что Викторина имѣла причины простиупокъ свой почищать извинительнымъ. Г-жа Лисбе, примѣшивъ, что Исменія сильно печалился объ отсутствіи Карла, успѣла уменьшить ея безпокойство.

Знали, что Карлъ черезъ нѣсколько дней будетъ представлять лицо въ комедіи. Исменія, по совѣту своей бабки, велѣла сшить прекрасное платье, и съ нарочнымъ отправила его къ мужу; къ посылкѣ приложено письмо, наполненное выраженіями любви и веселости. То и другое принято было съ благодарностію, съ удивленіемъ. Карлъ, сильно тронутый, написалъ весьма ласковой отвѣтъ, и обѣщался приѣхать дсмой къ именинамъ г-жи Лисбе. Настало утро назначеннаго дня — Карлъ не возвращается; насталь часъ обѣда — нѣтъ Карла! Всѣ родственники, всѣ приятели явились съ подарками: зала уславлена была корзинами и ящиками съ цвѣтами; на срединѣ стоялъ столъ съ прино-

шеніями опъ дѣшей. Цвѣты, поднесенные дѣшскою любовію, занимали опличное мѣсто; не было только одной связки: маиеринское око взирало на дары съ крошкимъ удовольствіемъ, копорому еще чего - то недоспавало.

На спѣнныхъ часахъ спрѣлка показывала шестъ — а Карла все не было. Исменія и Графиня предались глубокой задумчивости. Бикшорина безпокоилась, поминушно выходила въ другую комнату выглядывать изъ окошка; самъ Графъ, копорой былъ всѣхъ равнодушнѣе, начиналъ досадовать; госпи скучали. Разговоръ спановился принужденнѣе; г-жа Лисбе нѣсколько разъ принималась оживлять его. Графъ, взглянувъ на часы, сказалъ: „Уже семь; не понимаю, для чего онъ не ѣдетъ!“ — Я ручаюсь, — отвѣчала г-жа Лисбе: — что ему помѣшали; можешь бышь изломалась карета — Ѣдетъ! Ѣдетъ! вскричала Бикшорина, поспѣшно идучи въ залу. Сіи слова произвели въ семействѣ удивительную пере-

мѣну; всѣ приняли веселой видъ; пятеро или шестеро дѣшей побѣжали вспрѣвши Карла. Печальное лице Исменіи оживилось радостію; а г-жа Лисбе помолодѣла отъ удовольствія. Ахъ! какъ безразсудны молодые люди, которые не пользующся счастьемъ своимъ, когда семейство любитъ ихъ съ такою нѣжностію! Въ какомъ обществѣ найдутъ они то, чего добровольно лишаются? Наконецъ съ шумомъ отворяющіяся двери настижъ; Карлъ входитъ, держа въ рукахъ прекрасное померанцевое дерево, и спавишъ его у ногъ г-жи Лисбе. Безпокоясь, что заставилъ долго ждать себя, онъ началъ извиняться „Почтовые лошади не скоро везли; надлежало починашъ карету. . . .“ — Не опт дала я? — перервала г-жа Лисбе, нѣжно обнимая Карла, которой, обрадовавшись ласковому приему, съ горячностію цѣловалъ ея руку. Исменія бросилась къ нему на шею, и съ чувствомъ сжала его въ своихъ объятіяхъ. Всѣ окружили Карла; искренность сіяла

на всѣхъ лицахъ; общая радость разсѣяла его замѣшательство. Г-жа Лисбе велѣла поставить на столѣ померанцевое дерево; вдругъ раздались пріянные звуки гармоніи; Графиня и обѣ дочери ея соединили толоса свои съ музыкою, и воспѣли счастье семейственной жизни въ честь именинницы. Карлъ, сильно пронутый, съ нѣжностію пожимая руку г-жи Лисбе, сказалъ ей тихо: „Знаю и чувствую, что здѣсь только могу найти для себя истинное счастье!“

Въ десять часовъ сѣли за столъ; ужинъ былъ самой веселой. Г-жа Лисбе предложила танцы, и вечеръ проведенъ съ такимъ удовольствіемъ, что всѣ общались и слѣдующій день посвящали забавамъ.

Карлъ прожилъ три недѣли въ семействѣ, и восхищалъ его своимъ любезнымъ характеромъ, пріяннымъ умомъ, а особливо нѣжною привязанностію. Между шѣмъ письма, весьма часто присылаемые съ нарочными, напоминали Карлу

о деревнѣ. Еслибъ онъ слушался только своего сердца, то конечно всегда предпочелъ бы Исмению Графинѣ Дормель; но Карлъ былъ очень молодъ, боялся огорчить женщину, которая любила его, и думалъ, что не должно доводить ее до опчаянія.

Карлъ внезапно уѣхалъ. „Онъ возвратился къ празднику Св. Лудовика“ — говорила г-жа Лисбе. Въ этотъ день торжествовали въ семействѣ двое именинъ: Графини и старшей ея дочери; въ самомъ дѣлѣ Карлъ явился. Никто не дѣлалъ ему упрековъ, кромѣ Бикпорины, которая спросила: „Не выросла ли я въ ваше отсутствіе?“ Карлъ покраснѣлъ; сердце его сѣснолось, когда примѣтилъ, что Исмения похудѣла! . . . Любовь и угрызенія совѣсти удержали его на нѣкоторое время въ семействѣ; но скоро онъ опять началъ довольно часто и надолго оплучаться въ Версаль для свиданія съ Графинею, которая жила тамъ съ своимъ свекромъ, получившимъ

выгодное мѣсто при Дворѣ. Молодой Графъ Дормель, кромѣ кварширы во дворцѣ, имѣлъ еще собственнѣйшій домъ на Парижской дорогѣ, куда часто ѣздили гулять и играть въ бильяръ. Карлъ обыкновенно проигрывалъ, отъ того что игроки, не слишкомъ совѣстные — какихъ бываетъ весьма много — пользовались его заблужденіемъ и слѣплымъ тщеславіемъ: надобно знать, что Карлъ почиталъ себя весьма искуснымъ въ игрѣ. Графъ Делмасъ напомнилъ своему зятю объ осторожности; но Карлъ крѣпко стоялъ въ томъ, что играетъ лучше всѣхъ своихъ противниковъ, что никогда не пускается въ большую игру, и что въ состояніи остеречься отъ важнаго проигрыша. Карлъ провелъ послѣднія двѣ недѣли Декабря мѣсяца въ Версали; дома навѣрное полагали, что онъ возвратится въ день Нового года!.. Сей торжественный день есть важная эпоха въ жизни доброй мащери многочисленнаго семейства; ибо дѣло идетъ не объ однихъ

только подаркахъ, не объ одной только щедрости, но пребуется, чпобы въ каждомъ подаркѣ видно было намѣреніе приличное, полезное и приятное, чпобы они соотвѣтствовали характерамъ и обстоятельствамъ тѣхъ людей, для копорыхъ назначаются: г-жа Лисбе наблюдала съ благоразумною внимательностію, съ милою разборчивостію всѣ сіи опѣнки. Заблаговременно приготовленные вещи въ надлежащемъ порядкѣ разложены были въ кабинетъ; надъ каждою находилась надпись съ именемъ особы, копорой принадлежалъ подарокъ. Посторонній наблюдатель, вошедши въ кабинетъ и взглянувъ на подарки, тотчасъ угадалъ бы большую часть семейственныхъ обстоятельствъ, могъ бы узнать характеры и упражненія живущихъ въ домѣ. Разкрашенные ящики и бумажные футляры съ естампами назначены были для особъ, которыя любили рисовальное искусство; чернилица — для той, отъ копорой получаемы были прекрасныя письма; хоро-

шія книги въ богатомъ переплетѣ — для особы, копорая имѣла склонность къ чпенію: симъ почепнымъ подаркамъ не завидовали шѣ, коимъ доставалась нарядная шляпка, или блестящее ожерелье. Небогатые родспвенники получали подарки другаго рода, предлагаемые съ любезностію, съ простотою, копорыя закрывали великодушное намѣреніе; ибо въ сей день щедрая благодѣтельность можешъ принимашъ на себя наружность обычая. Каждой въ полученной вещи видѣлъ доказательство искренней дружбы, всегда остроумной и проницательной, копорая дѣлала выборъ, и угадывала, что кому будешъ прияшно. Безъ сего стариннаго обыкновенія, укрѣпляющаго союзы семейспвенные и дружескіе, первой день Новата года былъ бы эпохою печальныхъ воспоминаній: день сей посвящается изліянію чувствъ сердечныхъ и щедрости, для того чшобы или прияшнымъ ожиданіемъ, или милыми занятіями разсѣяшъ мысли, имъ возбуждаемыя. Такимъ

образомъ семейственные праздники отвращающъ горестное сожалѣніе о прошедшемъ времени, удаляющъ безпокойство о неизвѣстности будущаго, которое теряетъ прелести по мѣрѣ своего къ намъ приближенія; ибо каждой годъ спавишъ насъ ближе къ страшной перспективѣ!

Наканунѣ Нового года Графъ, вошедъ въ комнату г-жи Лисбе, которая сидѣла съ Графинею и ея старшею дочерью, сказалъ: „Дошло до моего свѣдѣнія, что нашъ Карлъ сего дня поутру проигралъ въ бильяръ пять сотъ луидоровъ на честное слово, кромѣ того что въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцовъ потерялъ столько же; я не думаю, чтобъ онъ былъ въ состояніи долгъ свой заплащивъ къ завтрашнему сроку.“ — Кому онъ долженъ? — спросила г-жа Лисбе. — „Мервилю.“ — Какъ! Мервилю, нашему другу, человеку, имѣющему сорокъ лѣтъ отъ роду? . . . — „Что дѣлать! Карлъ указалъ, что почищаетъ себя второкласснымъ игрокомъ бильяра; а Мервиль, ко-

второй рѣдко играешь, объявилъ себя игрокомъ прешьяго класса. Карлъ давалъ ему при впередъ, и проигрался.“ — Ешто странно! — „Завтра, увидѣвшись съ Карломъ, думаю, вы не оставите хорошенько побранишь его за такую шалость.“

Послѣ ешаго разговора, Графиня, не говоря ни слова дочери, шопчасъ написала письмо къ Мервилю, и увѣдомила его, что долгъ Карла принимаетъ на себя, обѣщаясь заплашить черезъ три мѣсяца; при чемъ убѣдительно просила Мервиля сказать Графу и г-жѣ Лисбе, будто Карлъ самъ заплашилъ ему пять сотъ луидоровъ.

Исменія, не открываясь матери, велѣла позвать къ себѣ ювелира, которому продала почти всѣ свои драгоценные камни за пять сотъ луидоровъ; на другой день, получивъ деньги, при запискѣ послала ихъ къ Мервилю, усердно прося его объявить Графу и Графинѣ, что самъ Карлъ заплашилъ долгъ свой.

Въ день Нового года Карлъ въ самую пору приѣхалъ домой, когда жена его съ Графинею и Викториною шли въ комнату г-жи Лисбе. Никого не было изъ постороннихъ, ибо родствѣнники и приятели должны были явиться гораздо позже. Г-жа Лисбе, обнявъ Карла съ обыкновенною нѣжносцію, сказала: „Любезный сынъ! для васъ гошovy подарки опъ печи, жены и опъ меня; мы соединили ихъ; зная, что вамъ надобенъ былъ лишній кабинетъ, дочь моя назначила комнату изъ своего отдѣленія; я и жена ваша убрали ее: угодно посмотришь?“ Г-жа Лисбе повела всѣхъ въ прекрасной кабинетъ, украшенной уборомъ, копорой вышили Искменія и Викторина. Карлъ изъяснилъ искреннѣйшую благодарность; угрызенія терзали душу его, когда пришло ему на мысль, что хотѣлъ навсегда оставить жилище, копорое гошовили для него съ такимъ усердіемъ. По обзрѣніи всего, г-жа Лисбе, взявъ Карла за руку, повела въ свою комнату; прочіе

шли за ними. Идучи, она успѣла шпихонько сказать Карлу: „Вашъ долгъ заплаченъ; не говорише никому, что я ещо сдѣлала.“ Пошѣмъ, не давши времени отвѣчать, оставила его, и пошла въ свою комнату. Графиня, потчасъ приближась къ своему зятю, также шпихо объявила ему, что Мервиль удовлетворенъ, и просила его быть скромнымъ. Искменія въ свою очередь сказала на ухо мужу: „Я заплашила г-ну Мервилю; не говорише объ ещомъ бапюшкѣ и мапюшкѣ“ — и пошла въ слѣдъ за Графинею къ г-жѣ Лисбе. Все ещо сдѣлалось шакъ скоро, что изумленный Карлъ не могъ произнести ни одного слова, и споялъ нѣсколько минушъ подобно окаменѣлому; опамятовавшись, сошелъ въ садъ, и провелъ нѣсколько времени въ сладкой задумчивости.

Г-жа Лисбе нашла въ своей комнатѣ Графа и Мервиля, котораго приняла весьма холодно. Мервиль показывалъ, будпо ничего не примѣчаетъ; сдѣлавъ г-жѣ Ли-

себѣ нѣсколько вопросовъ о подаркахъ, онъ примолвилъ со смѣхомъ: „Я думаю, что Карла всего приличнѣе было бы подарить бильяромъ: ему надобно еще долго учиться!“ Такая шутка показалась г-жѣ Лисбе столь несносною, что она принуждена была отвѣчая съ горестною улыбкою: „По крайней мѣрѣ мы не спанемъ васъ просить о преподаваніи ему новыхъ уроковъ.“ — Почему же, сударыня? — спросилъ Мервиль прежнимъ тономъ: — первой урокъ данъ съ успѣхомъ; смѣю надѣяться, что вы согласитесь въ этомъ. . . . — „Бога ради, сударь!“ прервала г-жа Лисбе еще съ большимъ негодованіемъ: „спанемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ.“ Въ сію минушу вошелъ Карлъ съ видомъ сильно распротаннаго человека; занялъ мѣсто между бабкою и женою, и взявъ у обѣихъ руки, съ чувствомъ нѣжности жалъ ихъ своими руками. „Послушайше, Карлъ“ сказалъ ему Мервиль: „я нарочно здѣсь дожидался, чтобы при

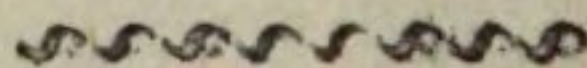
васъ возвращишь, что кому слѣдуетъ. Милоспивыя государыни! я долженъ объявить вамъ, что Карлъ заплашилъ мнѣ деньги прежде, нежели я получилъ ваши записки. . . .“ — Довольно! переспаньте! — закричали въ одинъ голосъ женщины, копорымъ хопѣлось, чтобъ Графъ не узналъ, какъ онѣ побранили Карла. „Нѣтъ, милоспивыя государыни!“ продолжалъ Мервиль: „епаго никакъ не довольно. Я получилъ впрое болѣе, нежели надлежало; и долженъ отдать чужое обратно. Карлъ, проигравши пять сотъ луидоровъ, вмѣсто плашежа предложилъ мнѣ свою новую Англійскую карешу и прекрасныхъ лошадей; я немедленно исполнилъ его желаніе: слѣдспвенно долгъ заплаченъ. Вотъ ваша росписка, Графиня! вотъ банковыя ассигнаціи г-жи Лисбе, и вотъ пять сотъ луидоровъ, полученные отъ Именіи.“ — Ахъ! — вскричалъ Карлъ: — какъ буду я неблагодаренъ, если не исправлюсь! . . . — „Еще не все“ продолжалъ Мервиль, оборонясь къ Гра-

фу: „вы опъ меня получише карешу и лошадей. . . .“ — Какъ ешо? — спросила г-жа Лисбе. „Потому“ отвѣчалъ Мервиль: „что Графъ выигралъ пять сопъ луидоровъ; я игралъ на его деньги.“ — Любезной Мервиль! — сказала г-жа Лисбе: — какъ я виновата передъ вами! „Вошъ какимъ образомъ ешо сдѣлалось“ сказалъ Графъ: „зная, что Карлъ водится съ дурными людьми, я вздумалъ проучить его; далъ ешо луидоровъ Мервилю, и просилъ его поиграть въ бильяръ съ Карломъ. Между нами положено было, чтобы Мервиль обѣигрывалъ своего прошивника до шѣхъ поръ, пока дозволяшъ ему вътренность и странная охота выдавать себя за искуснаго игрока въ бильяръ; однакожъ Карлъ, проигравши сумму, копорую могъ заплашишь лошадьми и карешою, осперется, и не хошѣлъ болѣе играть, вопреки неопступнымъ прозьбамъ г-на Мервиля.“ — Нѣшъ, нѣшъ, бапюшка! — перервалъ Карлъ: — Мервиль, желая мнѣ добра, ска-

заль вамъ не все , какъ было ; онъ совсѣмъ не просилъ меня играть долѣе ; напрошивъ того всячески спарался , чтобъ я пересталъ — „Я теперь узналъ много хорошаго!“ сказалъ Графъ : „вижу , что я поступилъ всѣхъ благоразумнѣе Можно ли пакъ баловать молодыхъ людей! можно ли оказывать такое снисхожденіе !“ — Другъ мой ! — отвѣчалъ Мервиль : — если молодой человѣкъ одаренъ благороднымъ сердцемъ , то для чего не имѣть снисхожденія къ нѣкоторымъ его слабостямъ? — „Когда уже дошло до выговоровъ,“ сказала Графиня! „не лзя ли пожуришь васъ, для чего не открыли намъ своей тайны?“ — Въ самомъ дѣлѣ — примолвила г-жа Лисбе : — вы избавилибъ насъ отъ многихъ хлопотъ. „О! нѣтъ!“ отвѣчалъ Мервиль : „женщинамъ не надобно ввѣрять лукавыхъ замысловъ; иначе все испортишь.“ — Теперь — сказалъ Графъ : — я долженъ вмѣсто подарка отдать Карлу лошадей и карету . . . — „Нѣтъ , батюшка!“ перервалъ Карлъ :

„онѣ мнѣ болѣе не нужны: я буду всегда
 жишь дома, и спану выѣзжать не иначе,
 какъ съ Исменіей.“ — Сіи слова, произне-
 сенныя съ жаромъ, показывали швердую
 рѣшимельность. Карлъ наконецъ научил-
 ся цѣнить союзъ родства, и наслаж-
 даясь счастьемъ семейственной жизни;
 желаніе сдѣлаться достойнымъ любви
 родителей милой Исменіи управляло его
 поступками. Г-жа Лисбе часто повсюду
 друзьямъ своимъ: „Когда дѣти, по вѣш-
 ренности молодыхъ лѣтъ, бѣгають отъ
 насъ, не спанемъ со всею строгостію
 напоминая имъ объ ихъ должностяхъ; бу-
 демъ терпѣливо ожидать ихъ возвращенія;
 привлечемъ ихъ къ себѣ счастьемъ семей-
 ственной жизни, и постараемся удер-
 жать ихъ при себѣ узами родства, лю-
 бовію и признательностію.“

Жанлисъ.

ЕЛИСАВЕТА Г*.

Елисавета Г*, молодая и богатая вдова, жила въ городкѣ Р**, въ Швабіи. Весьма трудно было отгадать нравъ ея и склонности: ибо госпожа Г* никогда не была шѣмъ, чѣмъ казалась; и на оборотъ, всегда казалась иною, нежели какою была въ самомъ дѣлѣ.

Пока жилъ въ городкѣ одинъ Совѣтникъ, великой охотникъ чипанъ любовныя повѣсти, до тѣхъ поръ наша Елисавета сказокъ изъ рукъ не выпускала. Совѣтникъ умеръ. Явился Докпоръ Медицины, кошорой любилъ проводить время на тирушкахъ и вечеринкахъ; госпожа Г*, бросивши книги, принялась за танцы и наряды. Наконецъ, когда Владѣтельный Князь прислалъ одного смиреннаго Суперинтендента въ городокъ Р**, въ кошоромъ прежде небыло сихъ пастырей духовныхъ; тогда Елисавета вдругъ сдѣлалась набожною, и домъ ея превратился въ обитель благочестія.

Часть I.

Ф

Различны были мнѣнія ученыхъ особъ о такой нечаянной переменѣ въ жизни Елисаветы. Ректоръ училища, остроумной человѣкъ и сотрудникъ издателей одного пріятнаго журнала, не долго колебался; онъ рѣшительно объявилъ, что госпожа Г* не имѣетъ никакого постояннаго характера, и что не можетъ служить образцомъ ни для повѣсти, ни для театральнаго сочиненія.

Суперинтендентъ и другія духовныя особы — которымъ не было нужды ни до повѣстей, ни до театральныхъ сочиненій — говорили, что съ госпожею Г* случилось то, что бываетъ обыкновенно съ чадами сего міра. Читая соблазнительныя книги, она грѣшила въ тайнѣ своего сердца; потомъ, очутившись далѣе на пути разврата, явно предалась плясанію; теперь, когда сила благодати коснулась ее, госпожа Г* обратилась на путь правый.

Докторъ, кошорой по званію своему замѣчалъ перемѣны тѣла, вовсе не смотря на душу ни съ криптической стороны, ни съ теологической, увѣрялъ, что здоровье госпожи Г* повредилось сперва отъ прилѣжнаго чтенія, потомъ отъ вечеринокъ и танцовъ; что кровь у нее сгустилась; что кровопусканіе, весна и нѣкоторыя лѣкарства совершенно поправляшъ ее.

У каждаго изъ сихъ господъ была своя система, но естъ каждой изъ нихъ смотрѣлъ въ особливый очки, копорыя по своему свойству представляли вещи не въ настоящемъ ихъ видѣ. Какъ прочіе жили, не полагаясь на собственныя глаза свои, имѣли великое довѣріе къ очкамъ упомянутыхъ господъ; то каждой изъ нихъ приспалъ ко мнѣнію, какое лучше ему нравилось, или какое болѣе соотвѣтствовало его обстоятельству.

Переплешчикъ, копорому духовныя книги въ лиспъ, въ полъ-лисша и въ чешвершую долю доспавляли много работы и денегъ, радовался благочестію госпожи Г*, и сердечно желалъ ей счастья на новомъ поприщѣ.

Порпной, копорой прежде много работалъ для госпожи Г*, и копорому она уже не заказывала шипъ плашье, приспалъ къ невыгодному мнѣнію Докшора. Склонности Елисаветы къ задумчивости называлъ онъ совершеннымъ дурачествомъ, сумасшествіемъ.

Башмачникъ, копорато доходъ побавился только половиною, принялъ умеренное мнѣніе Рекшора, и сожалѣлъ, что такая добрая барыня, какова госпожа Г*, непоспоянна и сама не знаетъ, чего ей хочется.

Въ цѣломъ городкѣ одинъ только холщевникъ смолрѣлъ хорошо, и не испортилъ природнаго зрѣнія своего очка-

ми. Онъ не имѣлъ никакого дѣла до госпожи Г*, которая обыкновенно выписывала себѣ полѣтна изъ Голландіи; судилъ правильнѣе всѣхъ, и съ перваго разу попалъ на испину.

Въ одинъ воскресной день, по Нѣмецкому обычаю, случилось ему быть въ пишейномъ домѣ вмѣстѣ съ прочими согражданами. Переплешчикъ, вздохнувши съ благоговѣніемъ, сказалъ: какія чудеса пворишь благодапъ надъ душою почпеной госпожи Г*! Холщевникъ отвѣчалъ ему на опрѣзъ, что благодапъ вовсе къ ней не прикасалась. Равнымъ образомъ прошивурѣчилъ онъ поршному, которой почипалъ ее сумасшедшею, и башмачнику, которой швердилъ свое, что еспъ, что госпожа Г* сама не вѣдаешъ, чего хочешъ и что дѣлаешъ.

„Госпожа Г*“ сказалъ холщевникъ „очень знаешъ, чего ей хочешся; и вы, добрые люди, шакже знали бы, еслибъ

не было у васъ по бѣльму въ каждомъ гла-
зѣ. Вспомните, когда покойной Совѣшникъ
жилъ еще на свѣшѣ, кто былъ первой
человѣкъ въ городѣ? Совѣшникъ! А когда,
по смерти его, приѣхалъ къ намъ Док-
торъ, кому кланялись мы низко? Докто-
ру! Ну, а когда Князь прислалъ въ нашъ
городъ Суперинтендента, кто спалъ у
насъ почешнѣ всѣхъ? Суперинтендентъ!
Теперь подумайте хорошенько, и уви-
дите, что я говорю правду.“

Всѣ засмѣялись. Догадливъ! говорили
одни; умная голова! говорили другіе. Хол-
щевникъ былъ очень доволенъ, что слова
его признаны справедливыми. „Теперь ум-
ри Суперинтендентъ!“ продолжалъ онъ,
ударивъ кулакомъ по своей ладони: „оп-
вѣчаю головою, что госпожа Г* опянь
спанетъ плясать по дудкѣ Доктора, еже-
ли только не приѣдетъ кто другой на
мѣсто Суперинтендента!“

Вышло почти то же. Владѣтельный
Князь призывалъ Суперинтендента ко дво-

ру и пожаловалъ его духовникомъ своимъ. Скоро потомъ пришелъ въ городокъ баталіонъ солдатъ подъ начальствомъ Маіора, человека ловкаго и собою виднаго. Недѣли черезъ двѣ Маіоръ и госпожа Г* сдѣлались коронными приятелями. Всѣ жишли съ удовольствіемъ смотрѣли на Маіоршу, удивлялись ея прекрасному виду и стройной осанкѣ, когда она выѣзжала на лошади въ амазонскомъ платьѣ. Госпожа Г*, зная что и у нее видъ и осанка также не дурны, тотчасъ доспала себѣ верховую лошадь, и явилась подлѣ Маіорши въ щегольскомъ амазонскомъ платьѣ.

„Я говорю, что у нее нѣтъ вовсе никакого характера!“ торжественно воскликнулъ Ректоръ, когда госпожа Г* ѣхала мимо училища. — Несчастливая! она лишилась благодати! — сказалъ Паспоръ, идучи отъ больного. — Она теперь гуляетъ послѣ діеши; хорошо! нѣтъ никакой опасности! сказалъ Докторъ, которой стоя у дверей, докуривалъ упренною свою трубку.

У наждаго изъ сихъ господъ сидѣла въ головѣ сиспема, копорая мѣшала имъ судить здраво; чпо должно было бы опѣвести опъ прежнихъ мыслей, но еще болѣе ввело ихъ въ заблужденіе. — Но холщевникъ опянь опгадалъ испину; повспѣрѣчавшись съ госпожею Г*, онъ покачалъ головою и сказалъ самъ себѣ: „О легкомысліе! чего ты не дѣлаешь!“

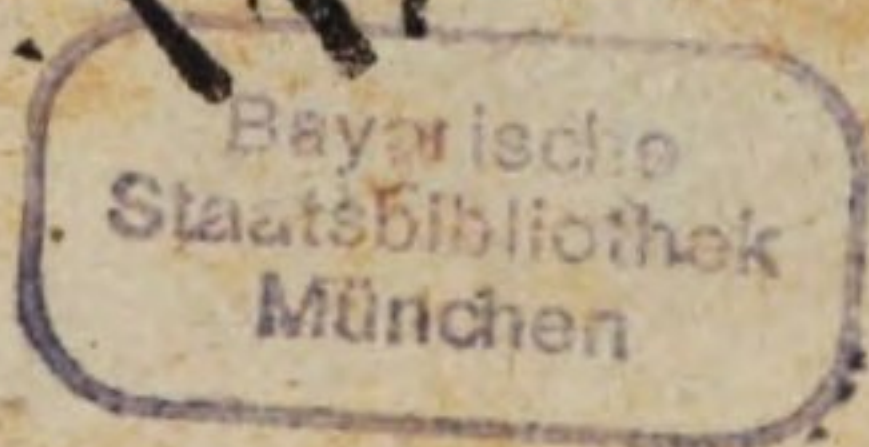
Смѣйпесь надъ моею повѣсткію, сколько угодно! Она пѣмъ хороша, чпо во первыхъ справедлива, во вторыхъ можеше примѣнишь ее къ разнымъ случаямъ.

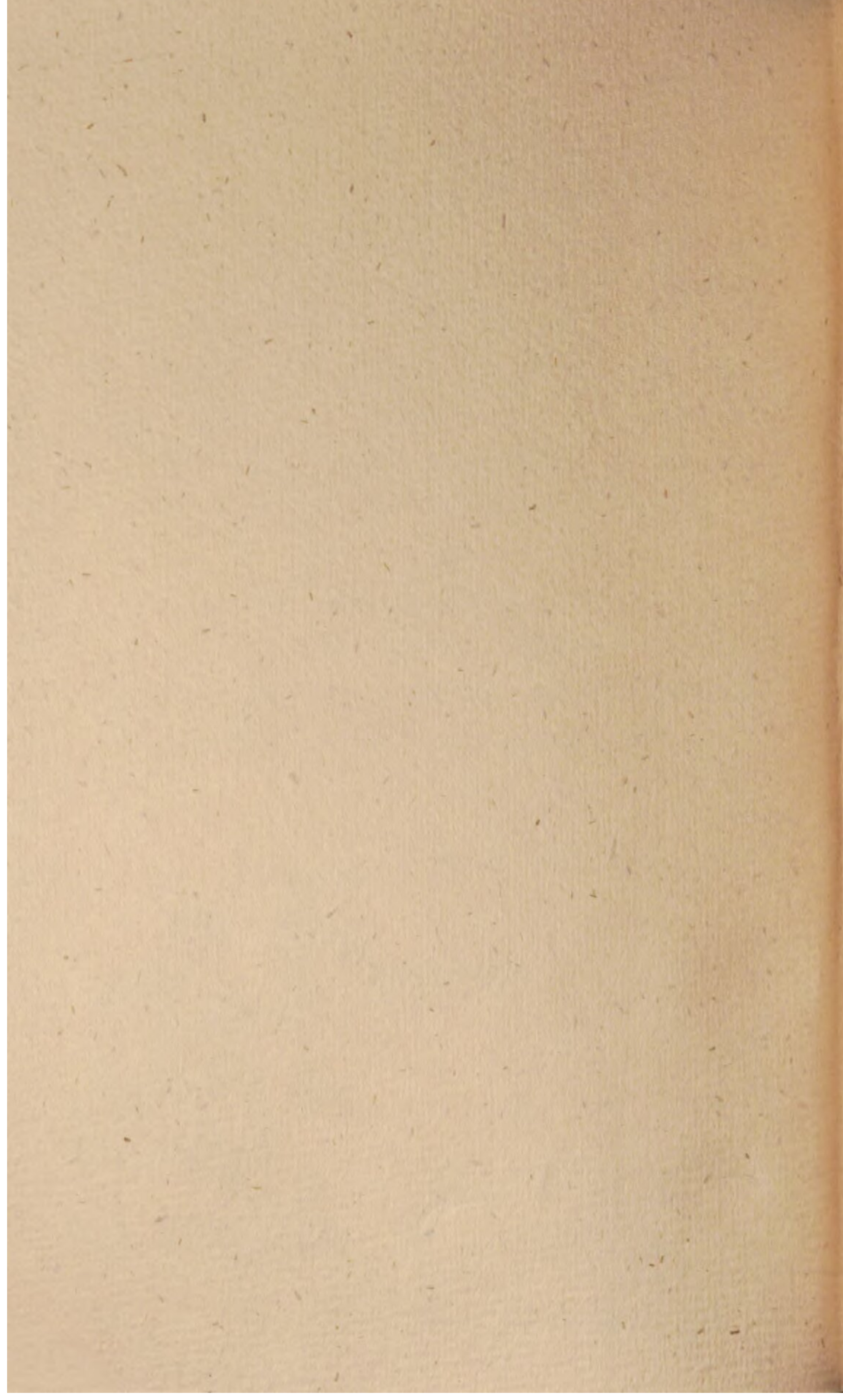
Енгель.

Конецъ первой Части.

А.В. КОКОРЕВО

H. HEINRICH
Buchbinderei
Rottenburg/L.

Kačénovskij, Michail T.

Biblioteka pověstí i anekdotov

Bd.: 1 (1816)

Moskva 1816

P.o.russ. 144 e-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610238-2